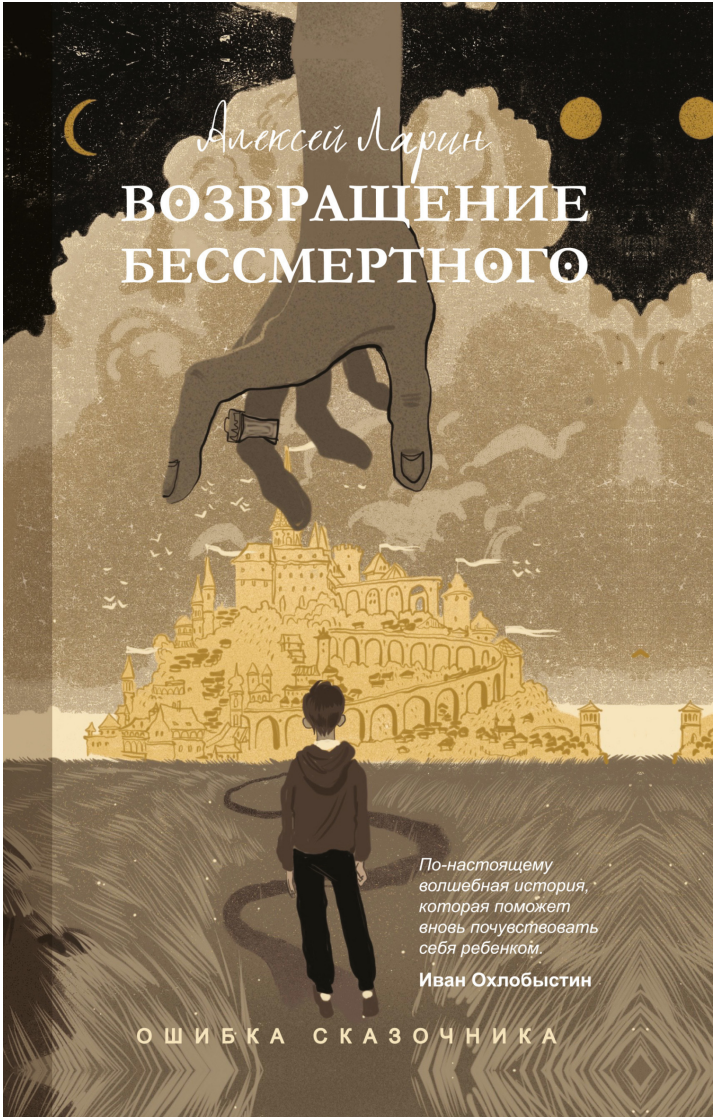
Алексей Ларин
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕССМЕРТНОГО
По-настоящему волшебная история, которая поможет вновь почувствовать себя ребенком.
Иван Охлобыстин
ОШИБКА СКАЗОЧНИКА

Алексей Владимирович Ларин

Ошибка сказочника. Возвращение Бессмертного

Серия «Городская проза»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63625326
Ошибка сказочника. Возвращение Бессмертного: Издательство «Эксмо»; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-139387-8

Аннотация

Обычный мальчишка Костя Благов не мог и представить, что попытка сохранить брак родителей приведёт его в другой мир. Мир, в котором герои русских сказок открываются с неожиданной стороны. В котором волшебство соседствует с интригами и предательством. В котором разворачивается новая война – за возвращение Кощея Бессмертного. Сможет ли Костя, оказавшийся в эпицентре этой войны, вернуться домой? И захочет ли – после всего, что узнает про себя и про открывшийся ему мир?

Содержание

Книга первая. Возвращение Бессмертного 5
Пролог 5
Часть первая. Мальчишка 12
Глава 1. Человек с алой розой 12
Глава 2. Психотерапия 16
Глава 3. След из прошлого 29
Глава 4. Дом на окраине города 39
Глава 5. Книга 47
Глава 6. Провал 65
Глава 7. Розыск по делу Бессмертного 83
Глава 8. Другой Волхов 122
Глава 9. Семейное дело 145
Часть вторая. Братья и сёстры 165
Глава 1. Приглашение 165
Глава 2. Не по плану 174
Глава 3. Ученик 214
Глава 4. Скальный Грай 231
Глава 5. Пожар 262
Глава 6. Две подружки 289
Конец ознакомительного фрагмента. 305

Алексей Владимирович Ларин

Ошибка сказочника. Возвращение Бессмертного

© Текст. Алексей Ларин, 2021
© Иллюстрации. Ярослава Мурашко, 2021
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

«По-настоящему волшебная история, которая заставляет вновь почувствовать себя ребенком».
Иван Охлобыстин

Книга первая. Возвращение Бессмертного

«Может, были с судьбой нелады, нелады
И со случаем плохи дела, дела –
А тугая струна на лады, на лады
С незаметным изъяном легла.»

Владимир Высоцкий

Пролог

Мальчишка стоял, прислонившись грудью к мраморному парапету балкона, и смотрел на лежащий внизу за рекой город. Уже стемнело, и людей на улицах не было видно, и шума, шума города, к которому он привык, который чувствовал всегда, даже самой глубокой ночью, тоже не слышалось.

Было тихо. Так тихо, что изредка в текущей под балконом реке слышался плеск крупной рыбы. Редкие огни освещали улицы и площади, да что-то мелькало вдали, на окраине. Но все ближние дома, все, которые мальчишка мог видеть, были темны и глухи. Город погружался в ночь с закрытыми ставнями. Это был *другой* город, это был *другой* Волхов.

Он переводил взгляд на небо, следил за поднимающейся в

безоблачном небе Луной. Луна была та же. Это было странно, но Луна была та же. И даже созвездия, которые мальчишка помнил, были те же. Он нашёл Большую Медведицу, нашёл Кассиопею. Отец показывал ему Близнецов, показывал Малую Медведицу и Полярную звезду, но мальчишка забыл, где их искать, да не особенно и пытался.

Мысли путались. Он был не в состоянии задержаться ни на одной дольше, чем на пару секунд; вихрь эмоций захлёстывал, не давая сосредоточиться и толком осмыслить происходящее.

Ещё утром… нет… ладно, не утром. Ещё неделю назад всё было просто и понятно. Всё было скучно, тоскливо, противно, но понятно. Сейчас не понятно ничего. И меньше всего – как он оказался там, где оказался.

Его не может быть здесь. Самого этого места не может быть. Однако он здесь, и место то самое, и всё так, как говорил Алексей Иванович. Он сказал правду!

Засада в том, думал мальчишка, что никто в эту правду не поверит. Что бы и как бы он ни рассказывал про сегодняшний день, ему не поверит никто. Даже мама. Даже баба Нина, которая верила вообще всему. Даже тому, что он целовался с Микой.

Мальчишка фыркнул. Он фыркал всегда, когда вспоминал про Мику. Вообще-то, её звали Микаэла, и, наверное, родители рассчитывали, что из неё вырастет прекрасная изящная иностранка, которая выучится и уедет на Запад, и

выйдет замуж за какого-нибудь Ортегу или Квальяреллу и станет у неё всё в апельсине и шоколаде. А выросла толстая некрасивая плакса, с брекетами и очками, которую шпыняли все кому не лень.

Мальчишка считал, что поделом. Нечего было выпендриваться и воображать из себя хрен знает что. Ладно, хоть не Хилари назвали или там Келли – совсем бы проходу ей не было от издёвок.

Скромнее надо быть. Соответствовать как-то окружению. Вот Алексей Иванович. Уж на что до невозможности странный тип, а зовут как? Просто Алексей Иванович.

Да, Алексей Иванович… Мальчишка передёрнул плечами от тянущего с реки ночного холода, оглянулся на раскрытую дверь. Нет, тихо, всё ещё никого.

Так вот, Алексей Иванович… Мальчишка вернулся к своим мыслям. С него всё началось. Это мой Хагрид. А я тогда Гарри Поттер, что ли?!

Мальчишка опять фыркнул. Эк меня занесло, подумал он, какой я ещё Гарри Поттер?! Тут вообще всё не о том. Хотя… кое-что общее всё-таки есть, сообразил мальчишка. Им обоим по одиннадцать. Когда всё началось.

– И закончилось, – пробормотал он. Если верить Алексею Ивановичу, для него всё сегодня и закончится. Завтра то есть.

Если верить… Мальчишка опять обернулся, задержавшись взглядом на тёмной комнате и пытаясь разглядеть

вторую дверь в противоположной стене. Смутная тревога неприятно булькнула в животе. Алексей Иванович его не обманывал, всё было так, как он говорил. Почти всё. Но вот царица… царица…

Царица угостила его вкуснейшими мясными пирожками, острокислой солянкой, какой мальчишка ещё ни разу не пробовал, и малиновым квасом – наверное, квасом; в любом случае чем-то таким, в чём явственно ощущался нежный малиновый вкус.

Но смотрела царица холодно. Настороженно смотрела, почти всё время. И те часы… Мальчишка знал, что они произведут впечатление, но чтобы такое… Он ещё не видел, чтобы люди так пугались.

Ему не были рады здесь. Вообще никто. Мальчишка вдруг впервые осознал это, и сам испугался. Что-то складывалось не так. Не так, как говорил Алексей Иванович, не так, как он планировал. Его-то он, конечно, не обманывал, не мог обманывать. Но что, если обманывался сам?

Мальчишка в третий раз, уже довольно нервно, обернулся назад, и как раз вовремя, чтобы услышать, как открывается дальняя дверь. Немного скованно, не зная, куда девать руки, он зашёл с балкона в комнату.

С другой стороны входили две женщины и крупный серый кот с хитрой мордой. Это был не обычный кот, и мальчишка знал это, но сейчас ему было не до него.

Он нервно смотрел на вошедших женщин, перебегая

взглядом с одной на другую. Та, что впереди, постарше и понаряднее, взмахом руки зажгла в комнате свечи, осветив мягким жёлтым светом кабинет из розового мрамора с огромным аквариумом в одной стене и камином в другой. Вторая, чуть посветлее и одетая попроще, но чем-то неуловимо похожая на первую, внимательно, доброжелательно и, кажется, даже с состраданием смотрела на него.

Мальчишка сглотнул, перевёл взгляд на старшую.

– Костя, знакомься, – начала царица. – Это моя сестра – княгиня Ольга. А это, – обернулась царица к сестре, – тот, о ком я говорила. Посланец нашего брата, Костя Благов.

– Здравствуй, Костя! – княгиня порывисто обняла его. – Ну, как ты тут, как добрался?

– Нормально, – пробормотал он. Княгиня смотрела на него светло, улыбаясь сквозь слёзы. Сквозь слёзы, мальчишка готов был поклясться в этом. Но больше, чем слёзы в глазах младшей сестры, его напугал сочувственный взгляд старшей. Лучше бы царица смотрела холодно и отстранённо, как раньше, как ещё пару часов назад. Это и то пугало бы его меньше.

– Марья Моревна! – мальчишка набрался духу. – Ну что… Что вы решили?

Царица смотрела на него секунд пять или шесть, прежде чем ответить. Кажется, тоже набиралась духу. Мальчишка уже понимал, что сейчас она скажет то, что не понравится ни ей, ни ему. Кот вскочил на стол, по-хозяйски уселся и

переводил заинтересованный взгляд с мальчишки на царицу и обратно.

– Костя, – неожиданно спросила царица, – у тебя есть братья или сёстры?

– Нет, нету, – озадаченно ответил он.

– А родители? – царица медленно двинулась к окну. – Они знают, что ты здесь? Ты сказал им?

– Нет, – мальчишка похолодел. Только сейчас до него стало доходить, чем всё может обернуться.

– Почему? – мягко спросила царица, глядя в окно на поднявшуюся Луну. Мальчишка смотрел в пол, кот и княгиня – на мальчишку.

– Я… – он запнулся, – я… не подумал. Я забыл. Алексей Иванович рассказал про перо, показал колодец, и я… я… Марья Моревна, отпустите меня, пожалуйста!

Мальчишка пытался держаться, но понимал, что не может. Страх накрывал волнами, вытесняя все связные мысли. Он уже плакал, вытирая глаза рукавом. Княгиня Ольга, тоже не сдерживая слез, бросилась к нему, обняв за голову и прижав к груди.

– Ох, бедный, мой бедный! Да что же это такое?! Маша! – крикнула она, яростно вскинувшись на сестру.

– Костя! – мальчишка поднял заплаканное лицо на царицу. – Мне жаль тебя так, как ты и представить не можешь. Правда, жаль. – Царица смотрела на него с состраданием, но ему от этого было не легче. – Но я не могу отпустить тебя

обратно. Прости. Тебе придётся остаться здесь.

От потрясения и усталости мальчишка ослабел до того, что не смог дальше спорить, и просто уткнулся, всхлипывая, в грудь княгини. Она обняла его ласково и нежно, прижалась щекой к голове, и этот совершенно материнский жест лишил его последних сил. Он зарыдал.

Часть первая. Мальчишка

Глава 1. Человек с алой розой

Никита отложил бинокль, опустил жалюзи, посмотрел на часы и беззвучно выругался. Всё то же самое уже третью неделю. Каждый день одно и то же, и даже Кошкина опаздывает так же, как и всегда. Надо как-нибудь тоже опоздать и посмотреть, что она скажет, когда придёт первая.

Тренькнул смартфон. Никита не стал утруждать себя. Он знал, что это Кошкина с её каждодневным «уже иду». Сейчас были более важные дела.

Он открыл планшет и в сотый или двухсотый раз вперился в фотографию, которую дал им Шмидт. Потом они сами наделали этих фотографий несколько сотен, но чем-то снимок Шмидта всё-таки от них отличался. Никита не мог понять чем, но чувствовал какую-то странность.

Человек с алой розой. Это сейчас, после двух недель слежки, они с Марго так его прозвали. На фото никакой розы не было. Это было простое чёрно-белое фото, очевидно, на какой-то официальный документ, скорее всего на старый паспорт. Обычное худощавое бритое лицо сорока пяти лет или около того. Тёмные глаза, тугой подбородок, стриженые седеющие волосы. Ничего необычного, разве что губы немного

тонковаты. Но это не бросалось в глаза. Ничего в этом лице на фотографии не бросалось в глаза, и чем-то оно всё-таки неизъяснимо притягивало. Третью неделю Никита пытался понять чем.

Марго говорила, чтобы он бросал валять дурака. Марго говорила, чтобы не забивал себе голову. Что генерал из Москвы приехал не фигнёй страдать, а взять этого типа. И то, что он именно им, обычным местным стажёрам, а не своим матёрым оперативникам дал в разработку Бессмертного, можно считать большой удачей и шансом выбраться из этого задрипанного городишка. И не дай им боже упустить этот шанс!

Оно, конечно, так, соглашался Никита. Да только вот не было ничего на этого Бессмертного. За две с лишним недели они не нашли ничего, что хоть как-нибудь заинтересовало бы Шмидта. Обычный детский психолог, содержащий частную практику. Дипломированный, лицензированный, всё как полагается. Все бумаги в порядке, жалоб и претензий не поступало, местные мамаши на него не нарадуются.

Странно, конечно, что такой очевидный специалист практикует не в Питере или Москве, а в заштатном Волхове. Но, с другой стороны, конкуренция меньше. Так-то сказать, вообще, здесь нет никакой конкуренции. Всё законно, всё легально, подкопаться не к чему. Не с чем идти к Шмидту.

Хлопнула дверь. Ну вот и Кошкина. Никита откинул планшет, взял бинокль и снова встал к окну. Как у неё так

получается? Вроде всегда опаздывает, а появляется в самый нужный момент.

– Никит! – Маргарита с бумажным пакетом в руке влетела в комнату. – Знаю, что ты скажешь, но сегодня реально была причина. У этих болванов кофейка сломалась, пришлось двадцать минут ждать.

– Угу, – буркнул Никита, не отрываясь от бинокля.

– Держи! – Маргарита вытащила из пакета два стакана кофе, протянула один Никите. – Есть что-нибудь?

– То же, что и всегда, – Никита взял кофе, отдал бинокль и вернулся за стол к планшету.

Маргарита прильнула к окулярам, старясь не слишком светиться за шторками жалюзи. Искать не было нужды, она уже знала, куда смотреть.

В хорошей дорогой серой тройке, в начищенных и тоже недешёвых ботинках, с добротным кожаным портфелем на плече, Бессмертный шёл по улице. Как и всегда, как и каждый будний день за эти две с лишним недели, что они следили за ним. Парковки на улице не было, машину Бессмертный оставлял в соседнем переулке.

Как обычно, задержался у цветочного ларька. Как обычно, купил алую розу. Каждый день, по пути на работу и домой, Бессмертный покупал по одной алой розе. Одна стоит у него в кабинете в офисе, другая дома – за две недели слежки ребята выяснили и это.

Они изрядно позубоскалили над этой странной привыч-

кой. Кому он покупает? Вроде никому не дарит, ни с кем не живёт. Просто ставит в вазу на стол и любуется один.

– Может, он гей? – предположила Маргарита, следя, как человек с розой заходит в здание напротив. – Или импотент?

– Обсуждали уже, – буркнул Никита, не отрываясь от планшета.

– Педофил? – Маргарита не настаивала и даже не спрашивала. Просто перебирала вслух с вопросительной интонацией все версии, которые они обсуждали эти дни. Никита не счёл нужным отвечать.

– Тогда что? – Маргарита повернулась от окна, бросила бинокль на кресло. – Что Шмидту нужно от него? И почему, блин, он нам ничего не скажет?

– Почему в школе девочки обычно умнее мальчиков, а после школы наоборот? – пробормотал Никита, продолжая что-то читать.

Маргарита разозлилась.

– Слушай, умник, кофе у меня в стакане ещё горячий. Если я его тебе сейчас за шиворот…

– Смотри! – прервал Никита, повернув планшет и подтолкнув к Маргарите.

– Чего? – подозрительно спросила та, наклоняясь.

– Узнаёшь? – Никита ткнул пальцем в экран. – Сегодняшние пациенты.

– Клиенты, – поправила Маргарита, вчитываясь в список посетителей офиса детского терапевта Алексея Бессмертно-

го. Дойдя до фамилии, в которую ткнул Никита, она осеклась. – Да ты ж маракуйя! А они-то чего тут делают? Какие у Костика-то проблемы?!

– Знаешь мальчишку?

– Шутишь?! Мамка моя у него классным руководителем была. Конечно, знаю. Не так чтобы… Но виделись пару раз, было дело.

– Так, и какие такие проблемы привели Костю Благова к Алексею Ивановичу? Исключая обычную мамашину параноию.

– Вообще без понятия, – Маргарита растерянно смотрела в список. – В полвторого у них приём? Ну, вот и послушаем. Этот разговор мы с тобой внимательно послушаем.

Глава 2. Психотерапия

Юлия волновалась. Конечно, об Алексее Ивановиче говорили только хорошее, и Катя Горская, когда рекомендовала ей сходить, нахваливала Бессмертного в восторженных тонах. Да она и сама видела – тринадцатилетняя Светка всего за пару недель занятий с Бессмертным превратилась из стервозной истерички, совсем отбившейся от рук, во вполне вменяемого и адекватного подростка.

Нет, дело было не в Бессмертном, дело было в Костике. Угрюмый мальчишка ждал в приёмной, пока она тут закончит, а Юлия никак не могла начать.

– Алексей Иванович, – решилась она, наконец, – нам вас рекомендовали, и, наверное, нам действительно нужно было прийти. Но я… извините, я не совсем понимаю, как начать…

– Начнем с того, что у вашего ребёнка проблемы, – Бессмертный сидел, откинувшись в кресле, поставив локти на подлокотники и сцепив на весу пальцы с ухоженными ногтями. – Или то, что вы считаете проблемами. Ко мне вы пришли, чтобы я помог вам решить их.

Бессмертный сидел неподвижно, смотрел спокойно, улыбался… да нет, не улыбался, лишь обозначал улыбку уголками рта. Не напрашивался, не заигрывал, вёл себя, отметила Юлия, как уверенный в себе профессионал. Она решилась.

– Ну, да. Вы правы. Косте в последнее время непросто. Мы с мужем разводимся, и Костя… в общем… ну, переживает, прямо скажем. Вы не подумайте, я из-за одного этого не стала бы тревожить ни ребёнка, ни вас. Но дело в том, что из-за этого… а может, не из-за этого… не знаю уже… с ним происходит что-то странное.

– Да? – Бессмертный не сменил позы, но тоном обозначил заинтересованность.

– Да. У него начались кошмары. Он стал плохо спать, то и дело просыпается по ночам. По утрам целая история собрать его в школу. Не хочет, и всё! Не нравится ему в новой школе.

– Новой?

– Да, он летом перешёл в пятый класс, мы перевели его в новую школу. Она подальше от дома, но гораздо лучше. Там

и преподаватели, и оснащение, и бассейн есть…

Бессмертный слушал, поощрительно кивая.

– А ещё эта книга, – Юлия опять замялась. – Мне кажется, из-за неё всё у Костика. Ну, не всё, но как-то это связано.

– Какая книга?

– Сказки!

– Сказки? – Бессмертный поднял бровь.

– Да, сказки. Самые обычные русские народные сказки. Лиза – это наша няня, няня Костика – на третий день рождения подарила ему книгу сказок. И дарила каждый год по очередному выпуску, даже когда ушла. Я не очень понимаю, что такого в этих сказках – обычные Иван Царевич да Баба-Яга. И… я не знаю, важно это или нет, но Костя сильно расстроился, когда в этом году не получил от Лизы очередной том.

– А почему не получил?

– Я сама, если честно, не понимаю. Мы хорошо с Лизой расстались, поддерживали связь. Но в последние три месяца она ни на звонки не отвечает, ни на сообщения. Даже я немного волнуюсь – представьте, что с ребёнком творится. Он её очень любил.

– М-да, интересно, – задумчиво протянул Бессмертный. – Лизой мы ещё успеем заняться – уверен, с ней всё хорошо. А вот что всё-таки насчёт сказок?

– Ачто? – Юлия сначала не поняла. – А, да, вы про это. В общем, Костя их перечитывает каждый вечер, и, по-моему,

эти персонажи ему и снятся в кошмарах.

– Вполне естественно, если перечитывать каждый вечер. Вы не пробовали забрать их, дать что-нибудь другое?

– Конечно, пробовала. И «Гарри Поттера», и Жюля Верна, и Дюма. Но он прочитает их за два-три дня и снова возвращается к своим сказкам. Я уже не знаю, что делать, Алексей Иванович. Может быть, вы…

– Я вас понял. – Бессмертный положил ладони на стол, подался вперёд. – Что ж, зовите ребёнка. Попробуем с ним поговорить, выяснить, чем его так завлекли Иван Царевич с Бабой-Ягой.

* * *

Мальчишка сидел в невысоком удобном кресле напротив психолога и недоверчиво осматривал комнату. Психолог молчал, благожелательно глядя на мальчика – то ли оценивал, то ли ждал, что тот первый начнёт.

На кушетку он ему лечь не предложил, как ждал Костя по виденному в фильмах, да и не было здесь никакой кушетки. Был мягкий белый диван, белые кресла и белый ковёр. Белые не больничной проспиртованной мертвенной белизной, а пентхаусной белизной дорогих отелей и роскошных гостиных. Сам-то Костя не был ни там, ни там, а судил опять-таки по фильмам и рекламе.

На фоне белоснежных стен, пола и потолка выделялся

чёрный полированный стол. На столе был чёрный ноутбук, чёрный бюст Пушкина и хрустальная узкая ваза с алой розой. Больше в комнате не было почти ничего. Алексей Иванович сидел, откинувшись в кресле, явно не собираясь ничего ни записывать, ни говорить.

Ну и мальчишка не собирался. Он упрямо нахмурился, разглядывая ногти. Это мама затеяла притащить его сюда – пусть сама и разбирается со всем этим. А он не станет! И вообще это ему…

– Семейные проблемы, Костя, это так скучно – не правда ли? – вкрадчивый голос Бессмертного раздался так неожиданно, что мальчишка вздрогнул и невольно взглянул на него.

Бессмертный смотрел внимательно, улыбаясь уголками губ. Костя неопределённо пожал плечами и снова отвернулся.

– Дурацкая ситуация, – продолжал Бессмертный. – Родители разводятся. Ребёнок переживает и хочет, чтобы его оставили в покое. А его тащат к психологу и требуют, чтобы он поговорил об этом. Притом что говорить ему совершенно не хочется.

Костя поднял глаза на Бессмертного. Он приготовился сопротивляться, но пока что приходилось только соглашаться. Хоть и молча.

– Но, видишь ли, тебе и необязательно ничего говорить. Я и так всё прекрасно знаю. Ты парень вроде неглупый, по-

этому сэкономим время – перейдём к сути. Чего ты хочешь?

– Я? – Костя был немного ошарашен.

– Мама хочет, чтобы я привёл тебя в норму. Вернул, так сказать, в докризисное состояние. Примирил с разводом. А чего хочешь ты?

Костя задумался. Хмыкнул, потрогал бюст Пушкина.

– А это имеет значение? – спросил он, посмотрев в окно.

Бессмертный усмехнулся.

– Обычно – нет. Обычно мнение детей в таких ситуациях значения и впрямь не имеет. Но не в этот раз.

– Почему? – заинтересованно спросил Костя.

– Потому что ты не дурак, в отличие от большинства моих клиентов. И задаёшь правильные вопросы. И вызываешь у меня странное желание помочь тебе. По-настоящему.

– Как?

– Ещё один правильный вопрос, – поощрительно кивнул Бессмертный. – Я отвечу тебе, Костя. Но позволь ещё кое-что спросить. – Бессмертный перешёл на вкрадчивый шёпот. – Что такого в этих сказках, от которых ты не можешь оторваться?

Мальчишка вздрогнул.

– Сказки? А при чём тут сказки?

– Взрослые уходят от проблем в выпивку, в обжорство, в разврат, в экстрим. Куда уйти от своих проблем детям? Только в игры и в книги. Занятно, в какие книги ушёл ты.

– Почему? – настороженно спросил Костя.

– Сказки – это не самое странное, – Бессмертный отвечал словно бы не Костику, а каким-то своим мыслям. – Это приемлемый выбор. Хотя и нестандартный. Но в твоём возрасте «Гарри Поттера» читают обычно. «Властелина колец». Почему русские сказки?

Мальчишка пожал плечами. Надо бы ему рассказать о Лизе, о том, как она читала ему эти сказки в раннем детстве, как дарила на очередной день рождения очередной том с трогательной надписью, как его расстроило, что в последний раз она ему ничего не подарила и вообще куда-то пропала. Наверное, было бы правильно рассказать об этом. Но он не хотел. Не сейчас. Может быть, в другой раз.

– Не знаю, – начал он неуверенно, глядя на Пушкина. – В них есть… какая-то недосказанность всё время. Не то, что в «Гарри Поттере»… Словно они недописаны. Словно что-то утаивается… Важное… Специально причём. Можно пофантазировать, придумать свои версии.

– И какие же у тебя есть версии?

Костя рассмеялся.

– Да так… Это всё ерунда, – он помолчал, покусал губы. – Мне нравится думать, что сказочный мир существует в реальности. И сказочники его не придумывали, а описывали. Но только по слухам. Забавно, правда?

– Да… забавно… – Бессмертный откинулся в кресле, внимательно смотря на немного смущённого мальчика. – Забавно, но ты не первый, кому пришла в голову такая идея. Неко-

торые даже пробовали проверить её на практике.

– Как это? – ошарашенно спросил Костя.

– Как обычно, – невозмутимо ответил Бессмертный. – Методом опыта и эксперимента.

– Вы о чём вообще? – мальчишка перестал понимать происходящее и лишь недоумённо смотрел на Бессмертного.

– Все мы верим в чудо, – в голосе Бессмертного не было ни капли иронии. – Всем нам хочется волшебства. Хоть иногда. Хоть раз в жизни. Но мало кому приходит в голову не просто ждать чуда, а искать его. – Он наклонился к Косте через стол, доверительно понизив голос. – Потому что никто не знает где!

– Где?! – машинально выпалил мальчишка.

Бессмертный смотрел улыбаясь. Костя опомнился.

– Простите, – пробормотал он. – Вы так говорили, что я чуть не поверил. Прямо как Лиза.

– А ты бы хотел поверить? – Бессмертный предпочёл не заметить его оплошности.

– Поверить во что? – озадаченно нахмурился Костя.

– В свою версию. Версию сказок.

– Зачем? – Костя понимал, что опять перестаёт понимать.

– Видишь ли, Костя… – Бессмертный откинулся в кресле. – Вера – странная штука. Иногда ты веришь в то, чего нет. И все знают, что этого нет. А ты стоишь на своём, много лет убеждаешь всех, что прав, доказываешь королю, собираешь экспедицию и плывёшь через огромный, страшный, неведо-

мый океан. И открываешь Америку. И тебя прославляют, и награждают, и твоё имя остаётся в веках. А могло бы остаться в памяти лишь пары родственников и соседей как синоним незадачливого дурачка. Если бы Колумб не настоял на своём и не пошёл бы до конца.

– Но ведь это же… – мальчишка окончательно запутался. – Это же не одно и то же. В смысле, сказка и Америка… И Колумб…

– Америка тоже когда-то была сказкой. Сказкой про Атлантиду. Знаешь такую?

Костя кивнул. Бессмертный сделал неопределённый жест: ну вот!

– Так что вы хотите сказать? – неуверенно спросил Костя. – Что сказки реальны?

– Реальность, Костя… – Бессмертный опять неопределённо повёл рукой. – Учёные до сих пор спорят о том, что такое реальное и нереальное. Сны, например, реальны или нет?

– Ну, конечно же, нет, – мальчишка ответил торопливо, не слишком задумываясь над вопросом. О своих кошмарах, как и о Лизе, он здесь рассказывать был не намерен.

– А вот Дмитрий Иванович Менделеев с тобой бы не согласился, – Бессмертный и эту оплошность предпочёл проигнорировать. – В восьмом классе вам будут преподавать периодическую таблицу элементов; наверняка сообщат, что Менделеев увидел её во сне. Как такое возможно?

Костя пожал плечами.

– Некая сущность идеального мира воплотилась в реальном, – Бессмертный качнулся в кресле, встал, подошёл к окну. Выглянул наружу, обернулся, скрестив руки, прислонился к подоконнику. Костя следил за ним, повернув кресло и машинально поглаживая левой рукой бронзового Пушкина. – Случай не уникальный, на самом деле, такое происходит сплошь и рядом. Писатель придумает образ, и – бац! – мы уже видим на экране этих героев как живых. Учёный делает открытие – и человек летит на Луну. Акт творения, Костя, – загадочная вещь. До сих пор загадочная. Кое-что, однако, можно утверждать наверняка. Любое материальное творение изначально начинается с нематериальной идеи. Даже мы с тобой. Наши родители сначала подумали о детях, представили себе некий идеальный образ ребёнка. А потом уже занялись производством.

Мальчишка смущённо хмыкнул.

– А ещё мы знаем, что с какого-то момента творения начинают жить независимо от творца. И порой даже вопреки его замыслам.

Костя помолчал.

– Так что тогда получается…

– Что твоя идея о реальности сказочного мира вовсе не такая бредовая, как тебе кажется. Тебе или окружающим. Вполне рабочая допустимая гипотеза.

– Вы серьёзно?! – мальчишка во все глаза смотрел на Бессмертного, пытаясь уловить иронию или насмешку.

– Такой же вопрос задавали Генриху Шлиману, который поверил в реальность легендарной Трои и отправился её искать. И, представь себе, нашёл! Тысячи лет люди думали, что космос – это обиталище богов и человеку туда не попасть, пока Королёв с Гагариным не убедили всех в обратном. Ты разумный адекватный парень, Костя, но в тебе чувствуется дух авантюризма. Разве тебе не хочется проверить свою гипотезу?

– Как?!

– Есть вариант… скажем так… – медленно произнёс Бессмертный. – Не спеши, подумай. Если захочешь попробовать, обсудим эту тему в следующий раз.

Костя во все глаза смотрел на Бессмертного. Он никому никогда не рассказывал о своих фантазиях. Как же этому человеку удалось за несколько минут выведать все его сокровенные мысли, страхи и желания? Да ещё и не высмеять их, не начать опровергать, а сделать вид… сделать вид… Или он не делает вид?!

– Кстати, Костя, – Бессмертный оттолкнулся от подоконника, подошёл к столу, явно намереваясь завершать встречу. – Не думай, что я забыл про твою первую проблему. Я помню. Я помогу тебе разобраться с разводом родителей. И попробую найти Лизу.

– Откуда вы… – выдавил Костя, вставая.

– Мама твоя сказала, – простодушно улыбнулся Бессмертный. – Наверное, догадалась, что ты ничего об этом не ска-

жешь. Вообще-то, правильное решение, Костя. Но будь на моём месте другой специалист, ты бы ушёл отсюда без перспектив. Считай, что тебе повезло.

Бессмертный по-отечески хлопнул его по плечу и подмигнул. От неожиданности Костя подмигнул в ответ и расплылся в улыбке.

* * *

Пока ехали обратно, Юлия то и дело недоверчиво косилась на сына. Костя сидел, пристегнувшись, на переднем сиденье, вертел в руках подаренный на день рождения смартфон и загадочно улыбался.

Улыбался! Юлия не помнила, когда сын так улыбался в последний раз. Даже на день рождения он лишь старательно делал вид, что ему весело, хотя весело ему не было. В последние полгода с тех пор, как она поняла, что у мужа любовница, как начались постоянные ссоры и муж почти перестал ночевать дома, а она то и дело срывалась на сыне, а потом, в слезах, целовала, обнимала и просила прощения, Костя ходил подавленный. Он всё понимал, он знал, что так бывает, и не у него одного в семье, но ему всё равно было тяжело, и никакие ухищрения родителей, пытавшихся скрывать разлад как можно дольше, ни к чему не приводили.

Исчезновение Лизы и переход в новую школу только усугубили его и без того не радужное состояние. Мальчишка

замкнулся в себе и почти не реагировал на все попытки растормошить его. Ни подарки отца, включая новейшую приставку и экскурсию в Питер, ни душевные разговоры с матерью, ни поездка в деревню к бабушке с дедушкой не могли его вывести из состояния угрюмой подавленности.

Иногда он оживлялся, казался почти обычным, почти счастливым ребёнком, но эта псевдоэйфория длилась несколько часов, после чего Костя опять приходил в уныние, которое, видя тревогу матери, научился скрывать за показным спокойствием и фальшивой улыбкой.

Но сейчас он улыбался не фальшиво. Он улыбался искренне, своей знакомой улыбкой проказника, что-то натворившего и уверенного, что мама ничего не узнает. А если и узнает, всё равно ругать не будет. Юлия поразилась, каким счастливым… нет, не счастливым, и даже не радостным, а – она долго подыскивала подходящее слово – воодушевлённым, да, воодушевлённым, вышел сын из кабинета Бессмертного. Она не решилась спрашивать там, она всю дорогу присматривалась к сыну, боясь спугнуть его вдохновлённый настрой. Но всё же не выдержала.

– Костя… э-э-эм… ну как тебе Алексей Иванович? – осторожно начала Юлия.

– Что? – Костя явно отвлёкся от каких-то своих мыслей. – А, Алексей Иванович… Ничего. Нормально.

– Ты словно светишься, – Юлия недоверчиво смотрела на сына. – Что он там такого тебе сказал?

– Да так, ничего особенного, – Костя думал о чём-то своём, продолжая улыбаться. – Просто поговорили.

– О чём?

– Да мам, ну не знаю о чём, – заныл Костя. – Как тебе сказать? О том, о сём, о книжках, о… Не знаю я, как сказать, ничего такого особенного. Просто он прикольный дядька. Както, знаешь… нормально разговаривает. Не как другие. И кабинет у него прикольный. Не как у врача.

Костя опять улыбнулся чему-то своему. Юлия удивлённо смотрела на сына, пока резко затормозивший впереди мусоровоз не заставил её выкрутить руль вправо, перебрать пару эпитетов и перевести дыхание. Костя, когда она снова повернулась к нему, кажется, даже не заметил этого. Он спокойно сидел, крутил смартфон и улыбался в лобовое стекло.

Мальчишка думал о чём-то своём, и Юлию кольнула смутная досада. Почему до её сына смог достучаться совершенно посторонний, пусть и профессионально подготовленный человек, а не она сама и вообще никто из близких? Что они делали не так?!

Глава 3. След из прошлого

Маргарита сняла наушники и растерянно посмотрела на Никиту. Тот продолжал напряжённо слушать, конспектируя в блокноте.

– Ну и как это всё понимать, мать вашу?! – изрекла она,

поднимаясь со стула и со стоном потягиваясь. Никита прижал палец к губам, но Маргариту это не остановило. – Что это было вообще? Сеанс лапшеразвешивания с очковтирательством? Сказки какие-то, долбанутые, Колумб с Гагариным. Это такой у Бессмертного метод прогрессивный, или его надо лечить вместо Костика?

Никита снял наушники, аккуратно положил на стол, посмотрел на раздражённую Маргариту, продолжающую загибать руками к спине затекшие ноги.

– Не знаю, что там надо Бессмертному или Костику, а вот нам надо к Шмидту, – спокойно сказал он.

– Чего? – сразу оживилась Маргарита. – Зачем?

– Вы, Маргарита Николаевна, как всегда, поспешили, не дослушали конец. Атам-то самое главное и есть, – Никита отмотал запись, включил звук. Маргарита жадно наклонилась к ноутбуку.

«Кира, будь добра, не записывай новых», – раздался в динамике голос Бессмертного.

«А что случилось, Алексей Иванович? Что мне им говорить?» – секретарша была явно удивлена.

«Скажи, что я через неделю еду в отпуск. На месяц».

«А как же…»

«Текущих мы доведём. И этого мальчика тоже. За неделю справимся».

Никита остановил запись, посмотрел на Маргариту.

– Ну?!

– Что – ну? – она недоумённо посмотрела в ответ.

– Баранки гну! Марго, просыпайся наконец! Это то, чего просил Шмидт, – какое-то движение Бессмертного, какое-то событие. Ну вот – Бессмертный собирается ехать из города.

– Да… да, пожалуй, – Маргарита растерянно заморгала. – Ну так едем, чего ждём?

– Не стать тебе опером, Марго, – наставительно произнёс Никита, открывая почту. – Тем более следователем. У тебя конечности всегда опережают мозги. Запись мы эту можем Шмидту отослать. А вот если явимся к нему, не завершив слежку, получим втык и звездюлей. Хотя можешь остаться здесь, а я съезжу к Шмидту, – Никита насмешливо уставился на Маргариту занеся палец над Enter.

– Вообще-то, съездить могу и я, – сварливо ответила Маргарита.

– Ага! – Никита отправил файл. – Без меня ты бы вообще всё просмотрела. Так что с тебя штраф – дуй за обедом.

– Никит! – протестующе воскликнула Маргарита.

– Хочешь ещё в наушниках посидеть?

– Ладно, ладно, иду. Тоже мне, блин, начальник выискался, – бормотала Маргарита, завязывая шнурки на кроссовках и нарочито громко хлопая входной дверью.

* * *

К вечеру заметно похолодало. Вернувшись после ужи-

на в одолженный у замначальника кабинет и включив свет, Шмидт почувствовал, как выстудило комнату. Днём было непривычно жарко для октября, кондиционер не работал, и Шмидт открыл окно.

Сейчас с улицы тянуло сыростью, холодом и бензином. Шмидт закрыл окно, поставил сумку, вынул планшет и сел за стол, осторожно отодвинув стопку бумаг и файлов замначальника. Надо будет попросить его подыскать какой-нибудь угол. Неудобно постоянно выгонять человека из его кабинета, хоть тот только и делает вид, что работает.

Шмидт с самого начала приготовился к долгой и кропотливой работе; он знал, что с Бессмертным иначе никак. Надо было сразу выделить себе кабинет, как и предлагал Горский, но Шмидт не хотел привлекать внимание.

Слишком поздно он сообразил, что внимание всё равно привлёк и почву для слухов дал самую обильную. Городишко был маленький, и приезд московского генерала и его негласная работа над чем-то секретным так или иначе взбудоражили и переполошили всю городскую верхушку. Шмидт понадеялся, что они примут его на свой счёт и об истинных намерениях не догадаются и встревать не будут.

Догадаться было бы сложно, если точно не знать, зачем он приехал. Даже непосредственным исполнителям, молодым стажёрам из местных, которых Шмидт одолжил у Горского, он дал лишь самое необходимое и велел отчитываться непосредственно перед ним. Ребята очень старались выслужить-

ся, явно надеясь, что генерал их заметит и заберёт в Москву. И сегодня, кажется, их старания дали первые плоды.

Шмидт открыл присланный файл, надел наушники. Перемотал на конец, прослушал диалог ещё раз. Да, Бессмертный собирается уезжать, это факт. Чего-то подобного он и ждал, не думал только, что ребятам повезёт так скоро. Вопрос был в том: что теперь делать?

Шмидт снял наушники, зажмурился, крепко протёр ладонью блестящую лысину и лицо. Задумался, уставившись в дверь. Много лет он задавал себе этот вопрос, но так и не смог ответить. И сейчас, когда цель опять была близка как никогда, когда надо лишь протянуть руку и взять, он снова не знал, что делать. И стоит ли вообще что-то делать?

«Я слишком увяз в этой теме, – устало думал Шмидт. – Слишком увлёкся этой гонкой, мне не хватает свежести и перспективы. Я не могу придумать ничего нового, и если не смогу, он опять уйдёт».

Раздался стук в дверь, и тут же, без разрешения, в проёме показались рыжеватые патлы Кошкиной.

– Леонтий Васильевич, можно?

Шмидт махнул рукой. Стажёры зашли в кабинет, неуверенно покосились на стулья. Шмидт разрешающе кивнул.

Пока Никита с Маргаритой шумно пододвигали стулья и устраивались поближе к столу, Шмидт принимал решение. Когда стажёры затихли и выжидающе уставились на него, он решился.

– Ладно, ребята, – Шмидт хрустнул пальцами. – Видимо, пора посвятить вас в это дело чуть более подробно. То, что вы мне сегодня прислали, это важно. Это вы поняли правильно. Но вряд ли поняли почему. Вы ещё не догадались, зачем мне Бессмертный? Были какие-то версии?

– Ну… – протянула Маргарита, переглянувшись с Никитой, – ну, мы думали сначала, что педофил, раз детьми занимается, но… – она замялась.

– Но вряд ли генерал с Лубянки приедет лично ловить обычного педофила, – закончил за неё Никита.

Шмидт усмехнулся, кивнул, выбирая папку и вбивая пароль.

– Ещё.

– Ну., что ещё? – Маргарита опять переглянулась с Никитой. – Какой-то шпион или криминальный тип, залёгший… в общем, вышедший здесь на покой. Но мы не нашли никаких его связей с криминалом. Ни в прошлом, ни в… – она снова замялась.

– Если честно, мы даже о его прошлом почти ничего не узнали, – признался Никита. – Ну, о том, которое было до Волхова.

– Потому что нет его, этого прошлого, – сказал Шмидт. – По крайней мере, в обычном понимании этого слова.

В повисшей паузе Никита с Маргаритой не сообразили ничего лучшего, как снова переглянуться.

– То есть как? Вы хотите сказать, что речь о краже лично-

сти? Он по поддельным документам?

– Если бы всё было так просто! – с нежностью протянул Шмидт. – Стал бы я тогда заниматься этим делом, ребята?! Но, в общем, вы попали настолько, насколько было возможно при вашем уровне знаний.

Шмидт тяжело посмотрел на стажёров.

– Мне не хочется прибегать к дурным штампам, но то, что вы сейчас узнаете, должно остаться в этой комнате. Вы имеете представление о том, кто я такой и что могу сделать с вами за несанкционированное разглашение.

Стажёры нервно и торопливо закивали.

– Ну ладно. С этим прояснили, идём дальше. – Шмидт вывел на экран планшета три снимка. – Во времена, когда вас ещё и в проекте не было, легла мне на стол одна любопытная папочка. А в ней три фотографии – вот эта, вот эта и вот эта.

Шмидт развернул планшет. Никита с Маргаритой склонились над экраном, почти касаясь головами, рассматривая три фотографии Бессмертного. Одна была идентична той, что они получили шестнадцать дней назад, когда их вызвали в кабинет Горского, представили Шмидту, а он протянул им фото и велел установить слежку за человеком на снимке.

Постукивая пальцем по фотографиям, Шмидт комментировал каждую из них.

– Ессентуки, 1937 год, Павлов Сергей Валентинович. Москва, 1955 год, Рейнер Андрей Константинович. Горький, 1980 год, Коновалов Василий Васильевич. Разные люди. Раз-

ные города. Разные биографии. Одно лицо.

В комнате повисла тишина. Стажёры переглянулись и снова уставились в экран.

– Это официальные фотографии на официальные документы, как видите. Но есть и другие. Неофициальные. Случайные, – не разворачивая планшет, Шмидт стал листать экран. На старых монохромных снимках мелькало в одиночку, в группе или в толпе лицо Бессмертного. – Ялта, 61-й год. Москва, 53-й год. Кёнигсберг, 45-й год. Смоленск, 40-й год. Киев, 33-й год. Ленинград, 27-й год. Авот самая старая, какую мне удалось найти – Петроград, 17-й год, июль. Вот тут, за спиной у Троцкого – видите? Слева, в самом углу. – Шмидт увеличил снимок. – Это не член ВКП(б) – совершенно точно. Но кто тогда? И что здесь делает?

Стажёры переглянулись. У них в глазах читался один вопрос – кто из нас сошёл с ума?! Оба они свихнуться не могли, генерал спецслужб на психа тоже не тянул. Тогда что происходит?

Никита нерешительно пролистал планшет, вернувшись к снимку 45-го года. Он бывал в Калининграде, знал немного историю края и сразу узнал развалины старой крепости Кёнигсберга, на фоне которой фотографировались работники какой-то санчасти. Четыре молоденьких санитарки в белых халатах, водитель фургона и два доктора средних лет смотрели на него с фотографии. Одним из докторов был Бессмертный! Или нет?

– Соколовский! – кивнул Шмидт на фотографию. – В апреле сорок пятого, согласно полковой санитарной ведомости 11-й гвардейской армии, это был Соколовский Яков Вениаминович.

Он появился в полку из ниоткуда в октябре 43-го и исчез в никуда в октябре 45-го. Его коллеги и сослуживцы, которых я успел разыскать, ничего про него не слышали ни до, ни после. Да и про те два года мало что могли рассказать. Человек был необщительный, людей сторонился. Но вот работу свою, говорили, работу знал превосходно. Лучше хирурга они не встречали.

– Одному парню, которому уже собирались отрезать разбитую миной ногу, он эту ногу собрал и сшил, считай, что на коленке. Вот эта вот медсестра, – Шмидт ткнул пальцем в крайнюю слева тёмненькую худенькую девушку, – Соня Рудинштейн, вышла потом за того парня замуж. Когда я их нашёл, оба ещё были живы. Оба вспоминали Соколовского как благодетеля.

– Леонтий Васильевич, – в голосе Маргариты слышались нотки отчаяния, – скажите прямо – это один и тот же человек?!

– Девочка! – Шмидт смотрел на неё почти что с нежностью. – Неужели ты думаешь, что я не проверил все очевидные вещи?! Я загружал эти снимки во все программы, которые появлялись. И каждый раз получал на выходе одно и то же. Вот этот вот тип, – Шмидт вывел фото Бессмертного

недельной давности, – и вот этот вот, – он вернулся к снимку 1917 года, – один и тот же человек. Учитывая возраст, ему минимум полторы сотни лет. Минимум!

– Почему вы не взяли его раньше? Почему не разъяснили? – Маргарита пыталась вернуться в привычную знакомую колею.

– Потому что не за что его было брать – это раз. Каждый раз, когда этот тип появлялся в поле зрения, вёл он на удивление законопослушный образ жизни. Даже дорогу ни разу не перешёл на красный свет…

– А бумаги?! – перебила Маргарита Шмидта, не сдержавшись. – Он же должен быть в системе, Леонтий Васильевич! Все его документы, свидетельства о рождении, аттестаты, паспорта. Он же не мог сто лет таскать одни и те же, он же должен был где-то их получать.

– Он и получал. Каждый раз в новом отделении. Не знаю как, но каждый раз ему выдавали абсолютно чистые, легальные бумаги. Включая последний паспорт, выданный на имя Бессмертного Алексея Ивановича 1975 года рождения УВД Пушкинского района города Ленинграда. Основание – утеря прежнего.

– Потрясти их, Леонтий Васильевич! – воскликнула Маргарита. – Наверняка же умздили их – вот и состав!

– Наверняка, – кивнул Шмидт. – Но трясти их нельзя, дело может пойти по инстанциям.

– И что? – недоумевающе нахмурилась Маргарита.

– А то, что пока я сам не понял, с кем имею дело и что это за уникум, совершенно не хотелось бы выводить его на свет божий и тащить по инстанциям. Это во-первых. А во-вторых, я ведь пробовал уже. Пару раз я к нему подбирался вот на столько, – Шмидт показал крохотную щель большим и указательным пальцем. – И он исчезал!

– То есть как исчезал? – не понял Никита.

– А вот так. Был – и нету! Он берёт билет на поезд. Сходит на какой-нибудь уездной станции – и всё. И пропадает на пять-шесть-семь лет. Потом всплывает в каком-то городе на другом конце страны – с новыми документами, новой биографией, новыми родственниками и друзьями, готовыми поручиться за каждое его слово. Если сейчас мы допустим хотя бы малейшую оплошность, он снова исчезнет. И кто знает, где и когда объявится в следующий раз.

– Мы?! – Маргарита почувствовала радостное возбуждение. – Леонтий Васильевич, вы хотите его брать здесь, у нас?

– Да, ребята, – кивнул Шмидт. – Времени у меня осталось мало, через год-другой попрут на пенсию. И пора уже разобраться с этим типом. Сдаётся мне, в этом вашем Волхове он застрял неспроста. Никогда он ещё не жил так долго на одном месте. По крайней мере, за известный мне период.

Глава 4. Дом на окраине города

Раньше на этом месте стоял старый деревенский дом-пя-

тистенок с крашеными резными наличниками по окнам и затейливой узорной резьбой на коньке. Дом стоял на отшибе, на старой Ладожской дороге, примыкая к лесу, и, хоть и был приписан к городу и числился по улице, но до ближайшего соседнего дома от него было не меньше километра.

Чей это был дом и кто его хозяин, точно уже никто не знал. Редкие старожилы поговаривали, что дом этот поставил какой-то солдат, вернувшийся с войны. Кажется, из Восточной Пруссии, а может, и нет. Точно, что был не местный – это повторяли все, кто хоть что-то помнил. Смоленскую его деревню немцы разорили дотла, и возвращаться туда солдат не захотел.

С солдатом была баба на сносях – это тоже кое-кто помнил. То ли немка, то ли полька. А может, и латышка? А может, и латышка, соглашались собеседники. Говорила по-русски плохо, звали Мартой. Да, кажется, Мартой.

Солдат устроился шоферить на хлебобулочный комбинат, баба его пошла в фельдшеры. Нормально вроде жили, но недолго. Солдат скоро помер – то ли инфаркт, то ли инсульт – удар, одним словом. Баба его поревела-поревела, да и переехала куда-то с маленькой дочкой. Куда – никто не знал. Но дом не продали. Хорошие можно было деньги взять за почти новый дом, но не продали. И не навещали.

Так и стоял этот дом, пустой и одинокий, выцветая от ветра и дождя, скрываясь в разраставшихся зарослях вишни, терновника и облепихи. Мальчишки с окраины облюбовали

дом для своих затей, периодически устраивая в нём штаб полка. Родители не обращали внимания, пока один из ребятишек не провалился и не утонул в прогнившем и заросшем колодце. После этого всем «бойцам» надавали по шее и строго-настрого запретили подходить к заброшенному дому. Ещё какой-то местный пьяница, облюбовавший было дом для ночёвок, провалился в этот же колодец и болтался в нём, распухая, четыре дня, пока не нашли. Дом окончательно обрёл дурную славу, и местные стали предпочитать обходить его стороной.

Но вот одиннадцать лет назад жарким июльским утром по сонным разморённым улицам Волхова промчался серебристый кабриолет. За рулём сидел молодой парень с гладко зачёсанными назад волосами и белоснежными голливудскими зубами. Парень въехал в Волхов со стороны Питера, промчался через весь город, выехал на Старую Ладожскую дорогу и затормозил у того заброшенного солдатского дома.

Бабы, шедшие в ближайшую рощу резать веники, рассказывали, что молодой столичный хлыщ в светлых летних брюках был не один. Словно бы с ним был Бессмертный (тогда-то ещё не знали, кто это; говорили: «какой-то мужик»); будто бы они постояли около дома, осмотрелись; будто бы парень что-то доказывал, а мужик просто смотрел и кивал.

Потом, никого не спросясь, приезжие прошли, точнее, продрались сквозь заросли лопухов и крапивы к дому, обошли его по стенке и скрылись за огородом, причём молодой

изрядно ругался, поминутно отдирая репьи от своих белых штанов. Бабы было крикнули им про колодец, чтоб не пропали, как прочие, но приезжие уже скрылись из виду, а бежать за ними бабы поостереглись.

В этот же день серебристый кабриолет видели у здания администрации, а его молодого водителя с папкой каких-то бумаг – в кабинете мэра. Через неделю к солдатскому дому подъехали бульдозеры с экскаваторами, снесли обветшалый покосившийся пятистенок, расчистили участок, и бригада строителей принялась за работу.

К концу осени на месте старого солдатского дома стоял новенький небольшой особняк, обнесенный невысокой кирпичной оградой с заасфальтированным подъездом и засеянным на английский манер газоном. Заросший огород переделали в небольшой парк, колодец вычистили и отреставрировали, а заднюю часть усадьбы, которая смыкалась с лесом, протянули подальше, захватив оградой мощный пятисотлетний дуб. Дуб этот помнил ещё времена Ивана Грозного, и пара местных активистов недовольно ворчала, что вот, мол, столичный миллионер коррумпировал власть и прихватил себе заповедные земли.

Ни лес, впрочем, не был заповедным, ни Алексей Иванович, поселившийся в новеньком особняке, не казался миллионером. Жизнь он вёл скромную, тихую, уединённую. Открыв частную практику и приобретя некоторую известность, познакомился с отцами города, чьи жёны и дочери полюби-

ли водить своих проблемных детишек к безотказному терапевту.

Знакомства свои он старался не афишировать и не использовать. Иногда принимал приглашения в гости какого-нибудь начальника или директора, пару раз бывал на приемах в мэрии, но за исключением этого в общественной жизни не участвовал, а в политической тем более. Мало-помалу все в городе привыкли, что у них есть высококлассный психотерапевт, которому не страшно доверить любого, самого проблемного ребёнка.

Этим всё и ограничивалось. О прошлой и личной жизни Алексея Ивановича никто ничего не знал, а повода посудачить и посплетничать он не давал. В гости к себе он особо никого не приглашал, и из женского пола, за исключением приходящих служанок, у него замечен не был никто. Некоторые это находили странным, но, в общем, не лезли. Живёт себе человек в одиночку, никому не мешает, ну и славно. Всех всё устраивало, пока не появился Шмидт.

* * *

Бессмертный подъехал к воротам, щёлкнул пультом, подождал, пока раздвинутся створки. Мягко шурша колёсами по гравию, заехал во двор, погасил фары. Взял портфель с переднего сиденья, розу и вышел из машины.

В матовых стеклах по бокам входной двери зажёгся свет.

Лиза, как обычно, встречает. Никак не может избавиться от привычки за кем-нибудь присматривать. В детстве присматривала за младшими братьями, потом за Костиком, теперь вот за ним.

Бессмертный прошёл по дорожке, поднялся на невысокое крыльцо, зашёл в открытую дверь. Лиза придерживала дверь за ручку. Быстро закрыв её за Бессмертным, она взяла у него портфель и цветок, но не ушла тотчас же, как всегда, менять цветы, а задержалась, поставив портфель и неуверенно вертя в руках розу.

Бессмертный переобулся в домашние ботинки, снял пиджак, повернулся к Лизе. Она смотрела на него вопрошающе.

– Всё с ним в порядке, Лиза! – усмехнулся Бессмертный. – Скучает по тебе, это видно. Но мы же с тобой договаривались. Ты знала, что так и будет. И знаешь, что так надо.

– А может, не надо? – Лиза задала свой коронный вопрос в сотый или двухсотый раз. Бессмертный развернулся и двинулся по коридору, Лиза засеменила за ним. – Алексей Иванович, ну правда ведь! Он хороший мальчишка, зачем мы так с ним?

– Мы это уже обсуждали, Лиза. – Бессмертный зашёл в кабинет, подошёл к столику с графинами, плеснул в бокал виски. – Не один раз.

– Знаю! – Лиза сердито вынула из узкого кувшина на столе вчерашнюю розу, вставила свежую. – Мне всё равно это не

нравится.

– Лиза, солнце моё, – Бессмертный говорил без всяких эмоций, спокойно, почти автоматически, распуская галстук, садясь в кресло за стол и делая глоток виски, – сегодня был очень хороший день. Пожалуйста, не порть его мне своим нытьём. Мальчик уже настроен, отыгрывать назад нет никакого резона. Да и попросту опасно.

– А если он не подойдёт? Вы же говорили, что так может быть.

– Говорил. До сегодняшнего дня. Сегодня убедился, что подойдёт.

– Но…

– Лиза! – Бессмертный сделал запрещающий жест ладонью и указал на дверь. Лиза сердито взмахнула розой, резко повернулась и вышла.

Бессмертный сделал ещё глоток, устало потёр лоб. Ох уж эта Лиза! Вечно всех жалеющая, всем сочувствующая и всех любящая Лиза! Вот кто ей этот мальчик? Что он ей?! А всё равно хлопочет и тревожится, как за родного.

Ладно. С Лизой он ещё успеет разобраться, это сейчас вообще не главное. Главное – мальчишка, главное то, что его ждёт. Он проделал большую работу, он учёл и продумал всё. Всё должно получиться… Наверное…

Никто никогда этого раньше не делал. Лиза не зря паникует. Всё может пойти не так, как надо. Всё может вообще никуда не пойти, если он всё-таки ошибся и мальчишка не

тот, кто ему нужен.

Да нет, тот. Должен быть тот. Ошибки быть не может. Когда Ракитин нашёл его, он дважды и трижды лично перепроверил. С тех пор как он потерял связь, это была первая надёжная доказанная преемственность. Мальчишка – прямой потомок, здесь не может быть сомнений. Но ведь этого мало. Он ещё сам должен соответствовать.

Бессмертный встал. Столько лет поисков, столько бесплодных попыток, провалов и неудач! И вот, наконец, этот мальчишка! Именно здесь. Именно в этом городе. Когда Ракитин сказал, где нашёл ребёнка, Бессмертный ощутил уже давно забытый холодок под ложечкой. Это или невероятная удача, или судьба возвращает ему долги.

В судьбу Бессмертный не верил. Но и простая удача казалась ему слишком странным совпадением. Какая-то закономерность в этом должна быть, пусть даже и не предусмотренная, но очевидная. Он подошёл к книжному стеллажу, вынул трёхтомник Проппа, провёл ладонью по стене, открывшейся в проёме. В стене открылось углубление. Бессмертный просунул руку, достал из ниши в стене ещё одну книгу.

Это была старая книга. Очень старая и очень необычная книга. Специалист предположил бы, что книга издана или написана в XVI веке, но это только на первый взгляд. Приглядевшись повнимательнее, открыв и вчитавшись в книгу, тот же специалист понял бы свою ошибку, и книга стала бы представлять для него намного больший интерес, чем даже

первые печатные издания времён Ивана Грозного.

Бессмертный осторожно открыл фолиант, сразу найдя нужное место. Пару минут он что-то читал про себя; потом саркастически хмыкнул, скривив тонкие губы.

– Я обещал, что найду его, старик, – с мрачным удовлетворением протянул Бессмертный, захлопывая книгу и убирая обратно в тайник. – И я нашёл. Хоть ты и не верил.

Глава 5. Книга

– Это что? – Шмидт недоумённо кивнул на фотографию.

– Это Лиза, – Маргарита подвинула планшет пальцем. – Лиза Плотникова, служанка Бессмертного.

– Да, я знаю. При чём тут…

– Нет-нет-нет, вы не поняли, Леонтий Васильевич, – заторопилась Маргарита. – Это та самая Лиза, пропавшая няня Кости Благова. Помните, в записи мамаша упоминала, как мальчик расстроился от пропажи Лизы. А Бессмертный потом обещал её найти. Так вот это она. Никуда она, оказывается, не пропадала, а работает служанкой у Бессмертного.

– Давно?

– Четыре года. Сразу после Благовых поступила к Бессмертному.

Час от часу не легче! Ребята притащили ему снимки Лизы, сделанные сегодня утром, и теперь Шмидт пытался понять, при чём тут ещё и эта служанка? Он ожесточённо по-

тёр лысину, посмотрел на Маргариту, на молчащего до сих пор Никиту.

– И что это нам даёт?

Маргарита простодушно пожала плечами, выжидательно уставившись на Шмидта.

– Я не знаю, что это нам даёт *вообще,* – негромко начал Никита; Маргарита стремительно повернулась к нему, – но в данном *конкретном* случае очевидно, что у Бессмертного есть какие-то виды именно на этого, *конкретного* мальчика. Зачем-то ему понадобилось убедить и его, и его родителей, что няня пропала. Возможно, чтобы привлечь внимание; возможно, ещё для чего-то. Может, из сегодняшнего разговора и стало бы что-нибудь понятно, но… – Никита замялся, – мы не смогли его записать.

– Почему? – резко вскинулся Шмидт.

– Потому что сегодня Бессмертный провёл сеанс или встречу – не знаю, уж как это назвать – не в офисе. Он сплавил мамашу, а сам повёл мальчика в кафе, угощал мороженым.

– Да ну! – удивлённо хмыкнул Шмидт. – Интересно.

Никита кивнул на планшет. Маргарита торопливо схватила его, нашла файл и протянула Шмидту.

– Саму-то встречу мы записали, но качество так себе, – извиняющимся тоном произнесла она. – Ближе подобраться было нельзя, он бы нас точно засёк. Звука нет вообще. Мы ж не знали, что он выберется из офиса.

Шмидт, напряжённо сощурившись, смотрел, как Бессмертный с Костиком сидят на летней, всё ещё открытой веранде какого-то кафе, о чём-то оживлённо беседуют. Вот им приносят мороженое в вазочках, вот мальчишка вынимает какую-то книгу из рюкзака, отдаёт Бессмертному. Тот небрежно пролистывает, откладывает, что-то говорит. Потом достаёт из портфеля свою книгу, протягивает Костику.

Стоп! Шмидт остановил запись, вернул на несколько секунд назад. Бессмертный сидел боком, портфель стоял рядом, у ноги, и когда он вынимал книгу, лицевая сторона была повёрнута к улице, с которой снимали Никита с Маргаритой. Идеальный ракурс, лучше не взять.

– Что это за книга? – заинтересованно пробормотал Шмидт. Он увеличил снимок, надел очки, всмотрелся в надпись на обложке. – Что за чертовщина!

Маргарита, вытянув шею, пыталась разглядеть через стол, что так заинтересовало Шмидта.

– Ну-ка, сюда, ребята, – Шмидт махнул рукой, призывая Никиту с Маргаритой подойти поближе. – Вы что-нибудь понимаете в этом?

Стажёры склонились за плечом Шмидта, рассматривая увеличенную надпись на обложке книги, в которую ткнул Шмидт.

– Похож на арабский, – напряжённо прищурившись, произнёс Никита.

– Похож. Но это не арабский, – качнул головой Шмидт.

– Иврит? – наугад предположила Маргарита.

Шмидт опять покачал головой. Он выделил надпись, очистил текст от картинки и загрузил в переводчик. Через пару секунд все трое ошарашенно смотрели на нулевой результат.

– Что за чертовщина! – озадаченно повторил Шмидт. – А ну-ка, попробуем поисковик.

Он загрузил надпись сначала в один поисковик, потом в другой, третий. Раз за разом интернет выкидывал ему горы постороннего мусора, но так толком не указал ни алфавит, ни книгу.

– Нет такой! – констатировал Шмидт. – Интернет не знает ни этого алфавита, ни языка, ни книги. А парнишка, – Шмидт вернулся к записи, снова включил её, – а парнишка, видимо, знает. Он ведь читает её, нет?

Шмидт повернул планшет так, чтобы Никите с Маргаритой было удобнее смотреть. То, что они видели на записи, можно было толковать только одним образом – Костя Благов читал книгу, которую ему дал Бессмертный. Точнее, пролистывал, задерживаясь ненадолго на тех или иных местах.

– Может, эта тарабарщина только на обложке? – предположила Маргарита. – Может, там, внутри, обычный текст?

– Может быть, – пробормотал Шмидт, напряжённо раздумывая. Что-то подсказывало ему, что это было бы слишком просто. В книге явно какая-то загадка. Как и в мальчишке, который зачем-то понадобился Бессмертному.

– Так, ребята, – решил Шмидт. – Придётся вам разузнать

об этой книге побольше. Да и о мальчишке тоже. Не хочется мне этого говорить, но… – Шмидт выразительно потряс планшетом, на экране которого мальчишка засовывал книгу Бессмертного себе в портфель.

– Вы чего? – растерялась Маргарита. – Нам что, эту книгу у парнишки спереть, что ли?

– Достаточно будет, если просто снимете, – терпеливо пояснил Шмидт. – Полистайте книгу, снимите, сколько сможете. Завтра почитаем, посмотрим, что за подарки дарит Бессмертный.

– Взлом с проникновением, – пробормотал Никита. Маргарита была в восторге, который он не разделял. – У парнишки отец не последний человек в городе. Если что, у нас будут проблемы.

– Постарайтесь, чтоб не было, – внушительно произнёс Шмидт, тяжело поднимаясь. – В крайнем случае я вас прикрою. Но постарайтесь не доводить.

* * *

Костя ждал этой встречи все последние дни. Когда Алексей Иванович сказал маме, что никаких особых проблем он не видит, случай простой, и всю работу можно закончить за пару следующих встреч, он уже знал, что это не так. Официально, конечно, мама сводит его ещё два раза и на этом всё. Но неофициально…

Неофициально Алексей Иванович дал ему номер телефона и разрешил звонить в любое время, если Косте что-то понадобится, что-то захочется узнать, спросить, обсудить. Его учили, конечно, как вести себя с незнакомыми и реагировать на разные их предложения, да он и сам всё прекрасно знал. Алексея Ивановича, однако же, по его твёрдому убеждению, никак нельзя было отнести к подобным подозрительным типам. Он был загадочным, странным, непонятным, но никак не в том смысле, который вкладывали папа с мамой, наставляя его сразу же рассказывать обо всём подозрительном.

Прежде всего, Алексей Иванович ни о чём специально не просил и не настаивал. Он не просил Костика молчать об их разговоре, он не просил его утаивать номер телефона. Костя сам захотел сохранить это в секрете. Ему нравилось иметь при себе, едва ли не впервые, по-настоящему важный и интересный секрет. Который, может, и не секрет никакой; Алексей Иванович вполне мог сам всё рассказать маме.

Но пока мама ни о чём его не спрашивала и, кажется, ничего не знала. Она знала, когда второй приём, видела, что сын явно в лучшем состоянии, чем пару дней назад, и её это вполне устраивало. А Костика устраивало, что мама не лезет пока с расспросами, тем более что он и сам толком не знал, что ей рассказать. Даже если бы и захотел.

Все эти три дня Костя боролся с искушением позвонить Алексею Ивановичу. Останавливало его два соображения. Во-первых, следующая встреча всё равно уже послезавтра…

завтра… сегодня… можно же и потерпеть. Слишком уж по-детски будет это выглядеть, если он позвонит, не прождав и трёх дней, а Костя не хотел показаться совсем уж ребёнком. А во-вторых, он никак не мог толком придумать, о чём спросить. Казалось, вопросов у него было множество, но когда Костя пытался их сформулировать, один другого ему представлялся глупее, и он лишь запутывался ещё больше.

Определённым было одно – Алексей Иванович обещал найти Лизу. Правду-то сказать, он обещал попробовать, но Костику казалось, что для такого человека, как Алексей Иванович, это одно и то же. Он никак не производил впечатление человека, бросающего слова на ветер. От него «попробую» звучало так, словно он уже всё сделал. За это обещание Костя и цеплялся, как за что-то единственное конкретное и реально доступное. Это понятно, это может быть, повторял про себя мальчишка, стараясь не думать обо всём остальном.

Потому что если думать… Если хоть сколь-нибудь серьёзно относиться к словам Алексея Ивановича, придётся допустить, что в его силах предотвратить развод родителей. Этого Костя хотел бы больше всего. Стараясь не признаваться себе, он отчаянно мечтал, чтобы папа вернулся домой, насовсем вернулся, чтобы они с мамой снова стали жить вместе, и они снова втроём ездили бы по выходным в лес на пикники, и где-нибудь в глуши папа сажал бы его за руль, а мама бы притворно сердилась и ругалась.

Костя старался гнать от себя эти мысли и не думать о

странном намёке Алексея Ивановича. Он знал, что на прошлой неделе родители подали заявление на развод, что его уже ничто не остановит, и думать об этом – только расстраивать самого себя. Лучше не надо, даже Алексей Иванович тут ничем не поможет. Не поможет! – стиснув зубы, убеждал себя мальчишка.

Ну а уж что он там говорил про сказки… На третий день мальчишка окончательно пришёл к выводу, что все эти красивые и загадочные миражи Алексей Иванович придумал исключительно в терапевтических целях. Спору нет, звучало всё это впечатляюще и от унылых мыслей отвлекало вполне. Это западало в голову, все три дня Костя не мог перестать думать о странных и неожиданных параллелях, проводимых Алексеем Ивановичем, о его загадочных образах и таинственных намёках. Уж слишком серьёзно он всё это рассказывал, без намёка на какую-либо спасительную ссылку «предположим…».

Приходилось признать, что Алексей Иванович либо обманывал Костика, что не слишком вязалось с первым впечатлением о нём, да и зачем ему это? Либо… и тут Костя снова заходил в тупик, потому что поверить в идеи Алексея Ивановича, значит, поверить в свои фантазии, а ведь с этим как раз он и должен справиться. Ради этого мама и повела его к психологу. Который вместо того, чтобы справляться, теперь только потакает.

Костя окончательно запутался, разозлился на самого се-

бя, на маму и даже на Алексея Ивановича и решил на следующей встрече прямо и откровенно спросить его обо всём. Чтобы он не отделывался загадочными намёками, как в прошлый раз, а честно и просто сказал, что имеет в виду. И где искать, в конце концов, обещанные им чудеса.

* * *

И вот он сидит на веранде кафе, куда Алексей Иванович неожиданно предложил сходить, отправив маму по её делам, и ест вкуснейшее мороженое, и не знает, с чего начать. Вопросы теснятся в голове, наскакивая и опережая друг друга, а он не может выбрать, какой задать первым. Может, Алексей Иванович сам уже начнёт, как в первый раз?

– Скажи-ка, Костя, – как и в первый раз Алексей Иванович начал так неожиданно, что мальчик вздрогнул, – кошмары тебе всё ещё снятся?

– Что? – смущённо переспросил Костя. – А, нет.

Мама, конечно же, рассказала, рассерженно подумал Костя. С другой стороны, последние три ночи он действительно спал так спокойно и крепко, как давно не спал. Кошмары, тревожившие его в последние месяцы, ушли так незаметно, что он даже не думал о них, пока Алексей Иванович не напомнил.

– Хорошо, – Алексей Иванович улыбался. – А ты принёс, что я просил?

– А, да, – Костя брякнул ложечкой о вазочку, полез в рюкзак. – Вот. Первый том. Который мне Лиза подарила на день рождения.

Протягивая Бессмертному книгу, Костя подумал о Лизе – сейчас спросить или потом? Наверное, стоит подождать, пока Алексей Иванович разберётся с этой книжкой, зачем-то понадобившейся ему.

Бессмертный взял у Костика качественное, прекрасно иллюстрированное издание «Русских волшебных сказок». Загнув край страниц, медленно пролистал, задерживаясь пару раз на красочных иллюстрациях. Неудивительно, что у мальчишки кошмары – очень уж выразительными были картинки со сказочными героями и злодеями.

Бессмертный усмехнулся, закрыл книгу, положил её на край стола. Откинулся на спинку плетёного креслица, посмотрел на мальчика. Костя доел мороженое, отодвинул вазочку, внутренне собрался, готовясь к разговору. Кажется, сейчас начнётся.

– Хорошая книга, – кивнул Бессмертный на томик. – Только ведь это детская версия.

– Чего? – озадаченно переспросил Костя. – А что, есть взрослая?

– Конечно, есть. Только вот никто о ней не знает. Почти никто.

– Почему?

– Потому что дети вырастают и перестают верить в сказки.

И никому не интересно, что там было дальше с Иваном-царевичем и Царевной-лягушкой, Кощеем Бессмертным и Бабой-Ягой. В детских сказках об этом ни слова, а до взрослой версии никто не доходит.

– А где она, Алексей Иванович? – заинтересовался Костя. – Где эта взрослая версия? Я бы почитал.

Бессмертный усмехнулся.

– Взрослая версия, Костя, потому и взрослая, что предназначена не для детей. Не положена она детям. В библиотеке тебе такой не выдадут.

Костя растерянно посмотрел на Бессмертного.

– Но как же, Алексей Иванович… – он вдруг сообразил. – А вы? Вы читали её?

Молоденький официант принёс кофе и забрал пустые вазочки. Бессмертный подождал, пока он уйдёт.

– Конечно, читал, Костя, – ответил он, размешивая сахар в чашечке. – Откуда бы иначе я знал о ней, как по-твоему?

Костя замер в предвкушении. Ни у кого другого он не решился бы спросить, но Алексей Иванович, кажется, сам подталкивал его к этому.

– А эта книга… – нерешительно начал Костя, – взрослая версия… Она у вас есть?

– Есть, – спокойно ответил Бессмертный и сделал глоток кофе.

Костя сглотнул. Он посмотрел на свой кофе, торопливо хлебнул, обжигаясь. А, была не была!

– А можно мне её почитать? – Костя был уверен почему-то, что Алексей Иванович скажет «да», но сердце всё равно забилось сильнее. Что-то тут было не совсем правильное.

– А ты уверен, что справишься? – без нажима спросил Алексей Иванович.

– Э-э-э… – растерялся Костя. – Справлюсь с чем?

– Видишь ли, Костя. Во взрослой версии всё немного не так, как в детской. Я бы даже сказал, почти всё не так. Персонажи в ней живут и действуют… э-э-м… скажем так, не по-сказочному. Много там всякого грязного и мерзкого, о чём взрослые стараются детям не рассказывать, чтобы не портить их раньше времени. Ты точно уверен, что хочешь это знать?

– Но ведь это же… сказки…

– Взрослая версия, Костя. Взрослая версия. Елена Прекрасная там немного не так прекрасна, как в твоих сказках. Иван-царевич тебя изрядно удивит. А уж как Кощей стал Бессмертным или почему баба – Яга?..

Бессмертный многозначительно умолк. Костя понял, что должен прочитать эту книгу во что бы то ни стало.

– Я хочу прочитать её, Алексей Иванович, – отважно заявил он. – Можно мне… Можете дать мне её почитать, принести в следующий раз?

– Уверен? – ещё раз спросил Алексей Иванович, внимательно взглянув на Костика. Он словно остерегал его, словно давал последний шанс не ввязываться в историю, которая кончится плохо.

Мальчишка закивал. Он чувствовал какой-то подвох, но интерес, разожжённый Бессмертным, перевешивал все прочие соображения. Ему *надо* узнать, что там было дальше. Да и в конце концов, что с этого может случиться плохого?! Это же сказки! Пусть и взрослая версия, что бы это ни означало.

– Что ж, – Бессмертный наклонился, достал из портфеля какую-то книгу. – Почему-то мне казалось, что этим всё и закончится.

– Так она у вас?! – воскликнул Костя, торопливо отодвигая блюдечко с чашкой и вытирая салфеткой пятно на столе.

Бессмертный повёл бровью, протягивая книгу. Костя торопливо схватил тяжёлый фолиант, обитый коричневой кожей с золотым тиснением. Он смотрел только на книгу и не замечал напряжённый немигающий взгляд Бессмертного.

– «Третий мир», – прочитал Костя название, проведя пальцами по тиснёным золотым буквам. – Ух ты, какая тяжёлая. И старая, видно. Она сколько уже лет у вас, Алексей Иванович?

Костя поднял восхищённый взгляд на Бессмертного. Тот уже успел вернуть себе прежнее спокойно-добродушное выражение лица.

– Много, Костя. Много. Давно уже. Как я тебе говорил, взрослым неинтересны сказки. И мало кто знает про эту книгу.

– Да? – рассеянно спросил Костя, осторожно открывая обложку. Первая плотная жёлтая страница была чистой. На

второй он прочитал выведенное на всю страницу «Девять царств Третьего мира». Следующую венчал заголовок «Исток. Начало», под которым шёл четкий, прекрасно читаемый, но почему-то рукописный текст.

Костя с трудом загнул, как Алексей Иванович, край страниц, сколько смог захватить, пролистал, отсчитывая кончиком большого пальца. Страниц было много, периодически попадались предельно реалистичные, как заметил Костя, цветные иллюстрации. Мелькали заголовки: «Первое царство», «Бегство Елены», «Четвёртое царство», «Война Соловья», «Пожар», «Девятое царство».

Костя бережно закрыл книгу, осторожно положил на стол. Такое сокровище нельзя пролистывать на бегу; его нужно читать с самого начала, медленно и основательно. Он посмотрел на Бессмертного.

– Так я могу… могу её взять себе? – немного запинаясь, спросил Костя.

– Конечно. Для этого я её и принёс. У меня только одна просьба будет, – Костя торопливо закивал, заранее соглашаясь на всё. – Как ты заметил, это очень старая книга. И очень ценная. Обращайся с ней, пожалуйста, аккуратно.

– Само собой, Алексей Иванович, конечно же, аккуратно! Обещаю.

– Тогда не о чем больше говорить. Клади книгу и пошли в офис. Мама, наверное, уже вернулась.

* * *

Подходя к офису, Костя кое-что вспомнил.

– Алексей Иванович, – смущённо начал он, – вы в прошлый раз говорили про Лизу… Вы что-нибудь узнали?

– Прости, Костя, но Лизу мне пока найти не удалось, – Бессмертный придержал мальчика на переходе, кивнув на красный свет. – Она как будто действительно исчезла. Впрочем, – Бессмертный легонько подтолкнул Костика, зашагал через дорогу на зелёный, – кое-что нам может помочь. И в поисках Лизы, и в восстановлении твоей семьи.

– Что? – Костя шёл по тротуару, не отрывая взгляд от Бессмертного и ничего больше не видя вокруг.

– Вот это, – Бессмертный постучал по рюкзаку. – Сейчас ты мне не поверишь, Костя, да я и не требую. Но прочитай эту книгу. Прочитай внимательно. И кое-какие ответы на свои вопросы ты определённо получишь. А в следующий раз, – Бессмертный открыл входную дверь, пропуская вперёд мальчика, который задержался, глядя ему в лицо распахнутыми глазами, – в следующий раз мы с тобой это обсудим. Если захочешь.

* * *

Костя добросовестно сделал уроки, поужинал, без возражений доев всё за собой, без напоминаний умылся и почистил зубы. Он умирал от нетерпения, но знал, что сначала надо потрафить маме. Он весь день хорошо себя вёл и рассчитывал, что сегодня вечером она даст ему полежать со светом и почитать подольше.

Он опять ничего не стал рассказывать маме о встрече с Бессмертным, и это было, пожалуй, единственным не совсем правильным поступком за день, который Костя за собой ощущал. Но, успокаивал он себя, надевая пижаму и расправляя постель, Алексей Иванович ведь сам ей всё разъяснил. «Значительный прогресс… осознание проблемы… обоюдное доверие… улучшение состояния… полная адекватность…» За вычетом частностей и деталей, так оно всё и есть. А то, что в конкретное содержание их бесед Бессмертный предпочитал маму не посвящать, так Костя на этом и не настаивал.

Мама была вполне довольна, весь вечер ходила в хорошем настроении, болтала по телефону. Зашла к Костику в комнату перед сном, пожелала спокойной ночи. Он безропотно дал себя поцеловать, пожелал спокойной ночи в ответ и теперь был уверен в наличии твёрдых полутора-двух часов для чтения. Раньше мама проверять не придёт – он слишком хо-

рошо себя вёл для этого сегодня.

Костя приподнял подушку повыше, положил тяжёлый фолиант Бессмертного на колени, вздохнул в предвкушении и осторожно открыл. Книгу было приятно трогать. И мягкая кожа обложки, и плотные, вкусно пахнущие листы и даже рельефные буквы и строчки, по которым приятно было водить пальцами. Костя подумал, что может читать даже наощупь – настолько рельефными и чёткими были буквы.

Он заранее дал себе слово, что будет честно читать с первой страницы, никуда не перескакивая и не заглядывая вперёд в поисках спойлеров. Но это оказалось выше его сил. Слова Алексея Ивановича, что книга как-то ему может помочь, не шли из головы.

Как она может ему помочь?! И где искать обещанные ответы?! Пока прочитаешь все эти сказки – а фолиант объёмный, в несколько сотен или даже тысяч страниц, – пройдёт несколько дней, сеансы с Алексеем Ивановичем закончатся, и он может потребовать книгу обратно.

Костя перевернул книгу, открыл с последней страницы. Он хотел найти оглавление, посмотреть, какие здесь сказки и про кого. Может быть, сразу станет понятно, где что искать.

И тут его поджидала первая неожиданность. Оглавления не было. Более того, между последней страницей текста и задней стороной обложки виднелись оборванные корешки. Костя растерянно провёл пальцем по корешкам. Кому и зачем понадобилось выдирать последние страницы книги? И

только ли последние?

Костя торопливо стал листать страницы, со страхом ожидая где-нибудь ещё увидеть выдранные места. Мелькали картинки, заглавия. Иногда встречались карты каких-то местностей. Стоп!

Костя задержал дыхание. Что-то знакомое мелькнуло в пролистываемых страницах, чего здесь никак не могло быть. Он осторожно перевернул несколько страниц обратно, нашёл зацепившую взгляд иллюстрацию и невольно сглотнул.

В просторном зале каменного замка в кресле перед горящим камином, отблески огня которого падали ему на лицо, сидел худощавый жилистый мужчина средних лет с густыми седеющими волосами. На нём был чёрный плотный, кажется, камзол – Костя не мог подобрать другого слова – с золотым шитьём, чёрные высокие сапоги и золотой перстень с синим камнем на среднем пальце правой руки.

Мужчина сидел, закинув ногу за ногу, спокойно кинув холёные белые руки на резные подлокотники высокого кресла и задумчиво глядя в огонь. Рядом с ним, за спинкой кресла, стояла молодая красивая женщина с золотистыми волосами, волнисто спадающими на плечи. Безупречную красоту женщины не портило даже надменное высокомерие, застывшее у неё на лице.

Косте было, впрочем, не до женщины и её надменной красоты. Он не обратил внимания ни на огромного волка, лежащего рядом с креслом, ни на чёрного ворона, покачивающе-

гося на золотой трапеции за спиной у женщины. Всё внимание его привлёк мужчина в кресле.

Если Костя мог верить своим глазам, то в зале средневекового каменного замка сидел Алексей Иванович. В другой одежде, с другой причёской, но это был он. Сходство было буквальным, фотографическим. А если верить подписи под иллюстрацией, то это были Кощей Бессмертный и Елена Прекрасная.

Глава 6. Провал

Много позднее, когда Никита пытался понять, как оно всё это случилось и где они с Кошкиной облажались, он вновь и вновь приходил к выводу, что до самого последнего момента они ничего не могли ни предвидеть, ни предотвратить. Не было у них такой возможности, да и ни у кого вообще. Хоть кто угодно был бы вместо них, хоть сам Шмидт, и он бы ничего не сделал.

Единственное, что могло бы предотвратить катастрофу, это арест, или задержание, или хоть какая-то нейтрализация Бессмертного. Но не за что его было арестовывать, размышлял Никита. И задерживать было не за что, разве что на какое-то время. А потом всё равно пришлось бы отпустить, и он всё равно бы осуществил задуманное. Они ничего не могли сделать. Провал был предопределён.

Маргарита, конечно, скажет, что ни фига подобного. Мар-

гарита будет настаивать, что всё они могли сделать и всё предотвратить, если бы догадались поставить на прослушку телефон Костика. Или хотя бы затребовать у оператора распечатки его сообщений. Но телефон свой парнишка всегда держал при себе, трудно было к нему подобраться. Официально затребовать распечатку они не могли, не было у них на то разрешения от Шмидта. А неофициально их просто послали бы.

Надо было трясти Бессмертного, скажет Маргарита. Надо было продолжать вести его, а не переключаться на парнишку, как велел им Шмидт. Больше шансов было бы учуять неладное, как-то среагировать. Но как могли они проигнорировать прямое распоряжение Шмидта?!

Когда они притащили распечатки снимков, которые успели наделать с загадочной книги, Шмидт, кажется, даже не удивился. Хмуро посопев, он лишь переспросил: они точно видели?

– Леонтий Васильевич! – обиженно воскликнула Маргарита. – Не картинки же он разглядывал два часа.

– Нету тут и картинок никаких, – пробормотал Шмидт, перебирая пару десятков листов. – А почему так мало?

– А смысл? – Никита пожал плечами. – Там на всю книгу одно и то же. Вот что на этих страницах, то и на всех прочих.

Они залезли в комнату Костика на следующий день, когда он был в школе, а мать в фитнес-клубе. Маргарита предлагала залезть ещё ночью, когда он спал; ей не терпелось всё

сделать поскорее. Никита еле отговорил её. Маргарита боялась, что Костя заберёт с собой книгу в школу, что завтра же отдаст её Бессмертному. Ругани им хватило на полночи; в конце концов, Никита настоял на своём.

Когда они нашли книгу и открыли, обнаружили на страницах тот же шрифт и язык, что и в названии на обложке. Сотни страниц книги были исписаны непонятным текстом, иногда перемежаясь абстрактными изображениями, похожими на арабскую вязь. Никита с Маргаритой пролистали книгу до самого конца, но так ничего нового не увидели и не поняли. Сфотографировав наугад несколько страниц и аккуратно убрав книгу на место, они поспешили к Шмидту.

И вот теперь они сидели напротив Шмидта, усталые и разозлённые, и генерал из Москвы перебирал распечатанные снимки, и точно так же ничего не понимал, как и они сами. Загадочное дело запутывалось на ещё одну загадку.

– Так, ребята, – Шмидт снял очки, положил их на аккуратно сложенные листы. – Этим я займусь сам. Есть у меня пара спецов, попробую им показать. Может, что скажут. А вы займитесь-ка этим парнишкой. Глаз с него не спускать!

– Леонтий Васильевич, – Маргарита обеспокоенно переглянулась с Никитой. – А как же Бессмертный?

– Бессмертным я тоже займусь сам. Думается мне, никуда он пока не денется. Пока не закончит свои дела с этим мальчиком. А вот эти его дела, – Шмидт выразительно постучал пальцем по столу. – это наш единственный шанс взять его на

чём-то реальном.

* * *

Парнишка вышел из ворот школы, присел на низенький парапет ограды и вытащил смартфон.

– «Алексей Иванович», – пробормотала Маргарита, прочитав по губам, – «здрасьте», «вы как… можно… книгу… скажите…», – Маргарита напряжённо сморщилась, прижав бинокль к глазам. – Не знаю, Никит, не пойму, чего он там дальше… Понятно, что с Бессмертным, но не разберу о чём.

Они припарковались в двухстах метрах от школы и ждали окончания уроков Костика. Теперь он был их приоритетной целью. Шмидт велел им не спускать с парнишки глаз днём и ночью, Шмидт настаивал, что мальчик в опасности и опасность исходит от Бессмертного. Но ничего не докажешь, если не взять с поличным или не добыть столь же веские улики. И пока Шмидт занимался Бессмертным (что бы это ни значило, Маргариту с Никитой он в это не посвящал), они должны были следить за мальчишкой. И брать Бессмертного при первых же подозрениях.

Сейчас мальчишка сидел на бетонном парапете и разговаривал о чём-то с Бессмертным, а всё, что оставалось им, – это смотреть за ним издалека и пытаться понять, о чём они говорят. Маргарита пробовала читать по губам, но быстро сдалась.

– Надо было сидеть на прежнем месте и слушать офис Бессмертного, – сердито сказала она, швыряя бинокль на заднее сиденье. – Тогда бы хоть знали, о чём они говорят.

– Шмидт прослушает его и без нас, – спокойно сказал Никита. – К тому же, – он посмотрел на часы, – Бессмертный сейчас не в офисе.

Маргарита автоматически посмотрела на часы. Да, правда. В это время Бессмертный всегда на обеде в кафе, куда он водил позавчера Костика угощать мороженым.

– Да, непруха, – вздохнула она. – Как же нам подобраться к нему поближе?

– Может, просто спросишь у него, как дела, – меланхолически сказал Никита, опустившись подбородком на руль.

Маргарита медленно повернулась к Никите.

– Слу-у-ушай…

– Ты чего? – Никита испуганно посмотрел на неё. – Ты… даже не думай! Шмидт запретил нам. Никаких контактов.

– Никит, мы просто проезжаем мимо! – загорелась Маргарита. – Слушай, ну давай, ну чего ты? Он сейчас пойдёт домой, а мы просто проезжаем мимо. Он же меня знает, ничего не случится, если подбросим его до дома.

– И что ты у него спросишь? «Алё, Костя, что за нехороший дядя тебе книжку подарил и что за книжку ты такую интересную читаешь»?!

– Никит, не строй долбодятла, я просто поговорю с ним, – Маргарита нетерпеливо пихнула его в плечо. – Езжай давай,

а то упустим! Ничего лишнего я не скажу, он сам всё расскажет.

– А если Бессмертный узнает? – Никита ещё колебался, но в кои-то веки был склонен согласиться с Маргаритой.

– Что местная знакомая подвезла его до дома?!

– Местный стажёр полиции.

– Да хоть страж галактики! – Маргарита ещё раз больно пихнула его в плечо. – Езжай, давай, а то… Твоя ж маракуйя ж! – простонала она.

Рядом с Костиком затормозил чёрный мерседес. Костя торопливо убрал смартфон, открыл левую заднюю дверь и сел в машину. Мерседес тут же тронулся.

– Папаша забрал! – с досадой констатировала Маргарита. – А могли бы мы. Ну, чего стоишь, езжай уже.

Никита тронулся вслед за мерседесом. Они довели его до дома Благовых и опять припарковались в двухстах метрах. Достаточно, чтобы самим не светиться и в то же время чтобы был виден фасад и входная дверь дома – ухоженного, симпатичного, под красной черепицей двухэтажного коттеджа.

Мерседес остановился перед домом. На этот раз водитель вышел из машины вместе с Костиком, о чём-то поговорил с ним минуту, тепло улыбнулся, потрепал по макушке. Костя улыбнулся, немного натянуто, в ответ, махнул рукой и повернулся к двери. Отец подождал, пока Костя пройдёт по мощёной тропинке до крыльца и зайдёт в дом, и только после этого сел в машину.

– Бардак какой-то, – сообщила Маргарита, мрачно наблюдая за отъезжающим мерседесом. – Молодая жена, отличный сын, хороший дом, работа, всё пучком – чего ещё надо мужику?! Живи да радуйся. Нет, завёл любовницу, поломал семью, похерил жизнь и себе, и жене, и мальчишке наверняка. Мальчишку вот больше всего жаль! Он тут вообще не при делах, а достаётся ему не меньше прочих. Вишь, как переживал – даже к психологу потащили.

– Да, нехорошо, – согласился Никита.

– Не говоря уже о том, – завелась Маргарита, – что если бы не папаша и не этот чёртов развод, мальчишку бы не потащили к Бессмертному, и мы не сидели бы тут, высматривая очередного маньяка-педофила.

Никита выразительно посмотрел на Маргариту.

– Что?! – с вызовом повернулась та. – Я не права?!

– Мы обсуждали это уже, Марго. Не начинай по сотому разу.

Маргарита замолчала, мрачно уставившись в лобовое стекло. Качнув головой, поморщилась как от зубной боли.

– Тогда что? Ну что это может быть, Никит?! У меня уже голова разрывается.

– Не думай об этом.

– Не думай?! Да я ни о чём другом думать не могу! У нас под носом ходит тип, который жил ещё в позапрошлом веке! Как об этом не думать?!

– Вот возьмём его и поспрашиваем, – пробормотал Ни-

кита, опять опускаясь подбородком на руль. – Может, что и выясним.

– Ну а так? – Маргарита отстегнула ремень, задрала колени, устраиваясь в кресле с ногами. – А сам-то что думаешь? Есть какие-то идеи, варианты?

– Опять двадцать пять, – устало произнёс Никита. За последние пять дней они придумали всё, что могли, выдвинули десятки версий и предположений насчёт таинственного долголетия своего подследственного, и ни одно не показалось им достаточно убедительным. В конце концов, Никита сдался, положившись на то, что рано или поздно Бессмертного они примут и уж тогда-то всё разъяснят.

Но Маргарита не была бы Маргаритой, если бы успокоилась.

– Я всё-таки думаю, что какие-то опыты над ним ставили. Тогда много опытов ставили, первые большевики большими энтузиастами были. Они капитализм хотели победить, может, и смерть заодно.

– Кошкина! – простонал Никита.

– Один из их опытов до сих пор на Красной площади лежит, – Маргарита не обратила на напарника никакого внимания. – Кто знает, может, этот опыт оказался успешным. А потом сбежал. Или до сих пор под наблюдением. Но тогда почему Шмидт не в курсе? Я думаю…

Никита включил радио. Играла какая-то песня, он сделал погромче. Иначе Маргариту было не остановить, размыш-

лять вслух она способна была часами.

* * *

Этот день начался как обычно. Как последние три дня. Утром Никита заехал за Маргаритой. Как обычно, пришлось её дожидаться; как обычно, она выскочила из подъезда встрёпанная, в куртке, надетой на одну руку, и с телефоном в другой. Как обычно, они «проводили» мальчишку до школы.

До школы отвозила его мать на красном рено. Поцеловала сына и уехала. Мальчишка зашёл в школу. Ребята остались ждать.

Они знали, что после уроков Костика повезут на последний приём к Бессмертному. И что завтра Бессмертный собирается ехать из города. Так во всяком случае следовало из его разговоров с секретаршей, расписания приёмов (точнее, их отсутствия) и заказанных билетов. Завтра Бессмертный планировал выехать в Петербург, а оттуда рейсовым самолётом в Ниццу.

Шмидт приказал удвоить бдительность и во что бы то ни стало записать сегодняшний разговор Бессмертного с мальчиком. Где бы он ни состоялся. Усилия Шмидта по расшифровке загадочных страниц, видимо, оказались тщетными. Последние пару дней он ходил мрачнее тучи. Бессмертный грозил вновь исчезнуть, а задержать его по-прежнему

было не за что.

Но что-то должно произойти, был уверен Шмидт. Что-то обязательно произойдёт. Больше всего смущала Шмидта эта странная книга. Что это за книга? Зачем Бессмертный дал её мальчишке? Почему он её так свободно читает, притом что другие не могут? Какое-то у Бессмертного дело с этим мальчишкой, и, не завершив его, из города он не уедет.

Вот за дело-то это его и можно взять, повторял Шмидт. Ничего хорошего в этом деле не может быть, обязательно найдётся за что зацепиться и привлечь.

Ребята по очереди присматривали и за домом Бессмертного, но там всё было как обычно – тихо и спокойно. Бессмертный не изменял своим привычкам – утром уезжал, вечером приезжал, выходил погулять в лес, ужинал, читал и ложился спать. Лиза готовила, убиралась, ездила за продуктами. Здесь зацепиться было не за что, оставалось следить за Костиком.

Вот Костя изменился, ребята это заметили. Он словно ушёл в себя, что-то напряжённо обдумывая и слабо реагируя на окружающее. Он ходил в школу, делал уроки, ужинал с мамой, покорно отвечая на её вопросы, но всё с немного отсутствующим видом, словно думая о чём-то другом.

Каждую свободную минуту он открывал книгу Бессмертного и читал не отрываясь, пока что-нибудь внешнее – телефонный звонок или шаги матери за дверью – не прерывало его. Тогда он торопливо захлопывал книгу, прятал под одея-

ло или в рюкзак и с невинным видом садился к столу. Мальчишка не хотел, чтобы другие, чтобы даже мать, знали об этой книге. Но почему? – ребята терялись в догадках.

Всё в этот день шло как обычно, пока Костя не вышел из школы. Обычно его уже ждала мать или подъезжал забрать отец, но в этот раз, когда Костя вышел из ворот, у тротуара перед ним мягко припарковалась серая ауди Бессмертного.

– Твоя ж маракуйя ж! – встрепенулась Маргарита, пихая Никиту в плечо. – Видал?!

Никита видел, пихать его было не надо. Он быстро подтянулся в кресле, защёлкнул ремень.

– Если они сейчас не в офис, у нас проблемы. – Никита вынул смартфон, бросил взгляд на ауди, потом на Маргариту. – Езжай, хватит пялиться.

В этот раз за рулём была Маргарита. Её не надо было просить дважды. Как только Костя сел в ауди и Бессмертный тронулся с места, Маргарита вдавила педаль газа в пол.

– Да мать твою, Кошкина! – простонал Никита. – Не гони ты так, не дай Бог заметит!

– Не дай Бог упустим! – процедила Маргарита сквозь зубы и, кажется, была права. Их старенькой приоре тяжело было угнаться за ауди, у которой к тому же была фора.

Маргарита, тем не менее, успевала. Она держала ауди в поле зрения, краем глаза косясь на Никиту.

– Кому звонишь?

– Шмидту. Надо сказать ему, что Бессмертный забрал

мальчишку.

Пока Никита коротко докладывал Шмидту последние новости, Маргарита вслед за ауди успела проскочить центр города и теперь озабоченно поглядывала на навигатор.

– Ну что? – спросила она, когда Никита закончил.

– Велел продолжать слежку и держать его в курсе.

– Они уже точно не в офис, – процедила Маргарита, обгоняя такси и напряжённо следя за мелькающей впереди ауди. – Они за город едут. Когда выедут, смогут оторваться. Там нам их не догнать.

– Похоже на то, – озабоченно пробормотал Никита, оглядываясь по сторонам и пытаясь сообразить, что делать. Он скользнул взглядом по навигатору и задержался на нём. – Слушай, а он ведь едет на Старую Ладогу.

– Да? – Маргарита изо всех сил пыталась не отстать от ауди. – И чё?

– А что если он к себе домой?

Маргарита кинула на Никиту быстрый взгляд и снова уставилась на дорогу. Если Савостьянов прав, это решит все их проблемы. Но это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Тем не менее Никита оказался прав. Через пять минут они уже были на Ладожском выезде, ещё через минуту Маргарита резко сбросила скорость, заметив, как Бессмертный съезжает с дороги к подъезду дома.

– Тормози, тормози, – скомандовал Никита. – Нефиг светиться, пешочком дойдём.

Маргарита съехала на обочину. Она так торопилась, что, выключив зажигание, даже не стала вынимать ключи. Никита бы вынул, и ей бы велел, но Никита уже выскочил из машины и бежал к дому Бессмертного. Маргарита, как всегда, замешкалась с ремнем безопасности. Ругаясь, она кое-как отстегнула пряжку и, запыхавшись, подбежала к невысокой ограде, на которой уже сидел Никита.

Он протянул ей руку, помог вскарабкаться. За высокими густыми туями, растущими во дворе с внутренней стороны ограды, из дома их не было видно. Ребята тихо спрыгнули и перебежками добрались до окон первого этажа.

«Хорошо, что Бессмертный собак не держит», – мельком подумала Маргарита, когда они, прижавшись к стене, двигались, осторожно заглядывая в каждое окно. В третьем окне, в кабинете Бессмертного, они и увидели Костика с Алексеем Ивановичем.

Никита заметил первым и тут же отпрянул, прижав Маргариту рукой к стене. Она вопросительно кивнула. Никита неопределённо пожал плечами, вынул смартфон и включил камеру.

– Ты чего делаешь? – свистящим шёпотом осведомилась Маргарита.

– Надо записать, – ещё тише прошептал Никита. – Шмидт сказал: брать с поличным.

– Так давай брать! – просипела возмущённо Маргарита. – Похищение ребёнка, чего ещё надо?!

Никита нетерпеливо отмотнул головой, осторожно поднёс смартфон к стеклу, медленно заглянул в окно. Кивнул, приглашая Маргариту тоже посмотреть.

Маргарита торопливо провела рукой по волосам, попытавшись немного примять густую копну, и, стараясь не дышать, заглянула в кабинет.

Н-да… На похищение ребёнка это всё явно не тянуло, да и вообще ничего криминального пока что не наблюдалось. Сквозь тончайший тюль ребята видели Костика, сидящего вполоборота у стола и, раскрыв рот, слушавшего Бессмертного. Бессмертный стоял у камина, опираясь локтем о каминную полку, и что-то рассказывал.

В какой-то момент Бессмертный вынул из кармана брюк часы на цепочке. Судя по модели, они были старыми, а по блеску золота – будто только что из мастерской. Бессмертный протянул часы Костику, кивнул, что-то произнёс. Костя осторожно взял часы, щёлкнул крышкой, всмотрелся во внутреннюю сторону. Ребята не могли разглядеть то, что видел мальчишка; они заметили лишь, как он кивнул и вновь восхищённо уставился на Бессмертного.

– Что будем делать? – прошептала Маргарита. – Ждать?

Вместо ответа Никита прижался к стене спиной, сполз на корточки и начал набирать сообщение.

– Шмидту? – Маргарита опустилась рядом.

Никита кивнул, продолжая печатать. Через несколько секунд пришёл ответ. Никита повернул экран к Маргарите:

«Выезжаю. Продолжайте наблюдение и съёмку. Берите при малейшем подозрении».

Маргарита кивнула, поднялась и снова осторожно заглянула в окно. В кабинете никого не было. Она растерянно пихнула Никиту, набирающего очередное сообщение, потянула его за куртку.

– Куда они делись? – пробормотал Никита, бегая глазами по сторонам.

– Это и я хотела бы знать, – Маргарита была не столько напугана, сколько разозлена. Отвернулись на пять секунд и уже упустили. – Чего делать будем, умник?

Никите очень не хотелось сейчас врываться в дом, обыскивать комнаты, спальни, но, видимо, придётся. Куда ещё Бессмертный мог отвести мальчика, он не представлял. В конце концов, всегда можно сослаться на озабоченных родителей, пославших на поиски.

– Так, если через десять секунд они не выходят обратно, стучимся в дверь, – скомандовал Никита. – Если что, ломаем. Готова?

Маргарита кивнула и тут же насторожилась. Округлив глаза, она прижала палец к губам и кивком головы предложила Никите прислушаться. Теперь услышал и он.

Бессмертный и Костик вышли через заднюю дверь и направлялись по саду в сторону леса. Туда по крайней мере удалялись их голоса.

Никита с Маргаритой опять метнулись за туи и, протиски-

ваясь между деревьями и оградой, устремились за Бессмертным и Костей. Дворик был небольшой, и заметили их ребята быстро. Их самих скрывала густая хвоя туй, но сквозь просветы между деревьями ребята хорошо видели, как Бессмертный подвёл мальчика к старому дубу и что-то показал ему на стволе дерева. Ребята не могли разглядеть что; было видно лишь, как Бессмертный коснулся потрескавшейся коры, и после него это же место потрогал, осторожно ощупывая, Костя.

– Не нравится мне всё это, – тихо произнесла Маргарита. – Что тут за квест устроили, Савостьянов? Ты что-нибудь понимаешь?

Никита качнул головой и приложил палец к губам. Бессмертный с мальчиком отошли от дуба и подходили к колодцу. Бессмертный придержал Костика за плечо, что-то сказал. Мальчишка упрямо мотнул головой. Бессмертный пожал плечами и отпустил.

Маргарита перепугалась. Конечно, она слышала в детстве все эти старые байки про проклятый колодец и давно перестала верить в них. Но люди-то гибли в этом колодце по-настоящему. И когда Костя наклонился над колодцем, перегнувшись через борт, она чуть не крикнула ему отойти. Если бы не Никита, она бы точно выскочила.

Позднее Никита думал, что зря он тогда удержал Кошкину. Если и был какой-то призрачный шанс всё остановить, то вот только сейчас. Когда Маргарита инстинктивно бросилась

оттаскивать мальчишку от колодца, а он, так же инстинктивно, удержал её, схватив за шиворот и свирепым шёпотом отчитав за несдержанность.

Вместо того, чтобы броситься вслед за Кошкиной спасать мальчишку и вязать Бессмертного, он вновь вынул смартфон и включил камеру. Нужны были железные улики, и он был намерен держаться до последнего, пока что-нибудь не произойдёт. Что-нибудь действительно стоящее.

Мальчишка смотрел в колодец долго, минуты полторы, не меньше. Сначала прищурившись, потом резко отпрянув и вновь пригнувшись, широко распахнутыми глазами, время от времени встряхивая головой и протирая заслезившиеся глаза. Маргарита грызла ногти и сгорала от нетерпения. Она умирала от желания заглянуть в колодец, увидеть то же, что увидел и Костя, то, что так его, очевидно, потрясло и впечатлило. Что?! Ну что он мог увидеть в этом злосчастном колодце.

Бессмертный что-то говорил, они не слышали. Мальчишка, с трудом оторвавшись от колодца, смотрел затуманенным взором на Бессмертного, кивал, очевидно плохо соображая.

Потом взгляд его стал осмысленным. Он что-то спросил у Бессмертного, тот ответил. Мальчишка задал ещё вопрос – Бессмертный утвердительно кивнул. Никита с Маргаритой недоумённо переглянулись – скоро ли всё это закончится?

И в этот момент всё закончилось. Бессмертный положил обе руки на плечи Костика и, глядя ему в глаза, что-то про-

изнёс. Костя улыбнулся, кивнул. Бессмертный пожал мальчику руку.

У Маргариты пересохло во рту и заколотилось под рёбрами сердце.

– Никита! – прошептала она в панике, глядя, как мальчишка поправляет на плечах рюкзак, с которым так и таскался всё это время, и садится, перекинув ноги, на борт колодца. Не отрывая от него взгляда, она почувствовала, как Никита опустил руку со смартфоном, а другой отодвинул ветку, чтобы лучше было видно. Она ощущала за ухом его прерывистое дыхание, он тоже ничего не мог понять.

Костя сидел на борту колодца, свесив ноги внутрь и держась ладонями за край доски. Бессмертный стоял рядом и держал в руке часы, которые показывал в кабинете. Несколько раз глубоко вздохнув, словно собираясь с духом, Костя повернулся к Бессмертному и кивнул. Бессмертный поощрительно улыбнулся, расстегнул карман на рюкзаке и положил туда часы. Застегнул, похлопал Костика по плечу. Костя спросил что-то ещё раз. Помолчав секунд пять, Бессмертный ответил.

Прошло ещё секунд пять или шесть, а может быть, минут или часов. На какой-то миг Маргарита потеряла ощущение времени. Расширенными от ужаса глазами, она видела, как Костя хватается рукой за цепь на барабане и, оттолкнувшись, прыгает в колодец.

Она не помнила, как пробежала двадцать метров от огра-

ды до колодца. Но, когда, задохнувшись, она прильнула к борту, Никита уже, оттолкнув Бессмертного, изо всех сил крутил ручку барабана, вытаскивая мальчика обратно.

Вода в колодце была прозрачна до голубизны, и Маргарита отлично видела, как поднимается, брякаясь о стены, ведро. Она всматривалась до рези, до слёз в глазах, но мальчишки в колодце не было. Он не мог ни утонуть, ни опуститься на дно за это время. Он просто пропал.

Глава 7. Розыск по делу Бессмертного

«Странно даже не то, куда делся мальчишка, – думал Шмидт, склонившись над бортом колодца, – а вот эта вот прозрачная вода. И как высоко стоит скважина! Сколько здесь? Три? Четыре метра? Ну никак не больше!»

Шмидт много видел в своей жизни колодцев и родников, но нигде ему ещё не встречалось такой чистой, прозрачной и светлой воды. Он приехал засветло и отчётливо видел в дневном свете дно колодца и струю, медленно поднимающуюся на метр-полтора и так же медленно опускающуюся словно бы внутрь самой себя.

Сейчас он заглянул в колодец в свете фонаря и увидел то же самое. Вода потемнела, но по-прежнему была насквозь прозрачной, и по-прежнему был виден завораживающий фонтан в глубине колодца, выходящий из самой земли.

Водолазы, обследовавшие колодец, тоже подивились про-

зрачности воды, но ничего нового сообщить не смогли. Утопленника в колодце не было. И в скважину его затянуть не могло. Диаметр скважины – сантиметров десять, при самой сильной тяге туда никак не мог провалиться одиннадцатилетний мальчишка. Категорически исключено!

Шмидт и сам это понимал, и послал водолазов в колодец для очистки совести и для возможных отчетов. Он по-прежнему не хотел давать делу огласку, но пропавший мальчик всё менял. Дело переставало быть только его; растерянные, на грани паники родители сейчас сидят в приёмной у Горского и требуют выяснить, где их мальчик и куда делся Бессмертный. И Горский тянул, сколько мог, и ждал сообщений от Шмидта, а ему нечего было сообщить.

Он отпустил водолазов и кинологов, которых привлёк совсем уж на крайний случай; отпустил остальных сотрудников и даже заплаканную Лизу и теперь стоял и тупо смотрел в колодец. Он не знал, что ему делать дальше. За сорок лет работы в органах это ощущение тупика и бессилия овладевало им всякий раз, как он пересекался с Бессмертным. И вот сейчас, когда он взял его, взял с поличным, он снова ощутил пугающее бессилие перед запредельной тайной.

Бессмертный у него на крючке, ему теперь не уйти. Но это было совсем не то, чего хотел Шмидт. Он хотел разгадать тайну Бессмертного, а не привлечь его за похищение ребёнка. Если привлекать по всей форме, дело уйдёт из его рук и в лучшем случае Бессмертного просто посадят. А в худшем…

В худшем, если те, кто будут вести это дело, докопаются до того же, что и он, Бессмертного упрячут в Тёмниковских лабораториях, а Шмидту скажут спасибо и отправят на пенсию. И он так никогда и не раскроет тайну, над которой бьётся уже тридцать лет.

Завибрировал телефон. Шмидт выпрямился, посмотрел на экран.

– Да, Горский, слушаю.

– Нашли что-нибудь, Леонтий Васильевич?

– Пока нет, – Шмидт мрачно ковырнул носком ботинка сухой гравий.

– Да как же так, Леонтий Васильевич?! – в голосе Горского слышались панические нотки. – Ну куда он мог деться?!

– Успокойся, Горский. Ребята работают, рано или поздно мы его найдём.

– Успокойся?! Да у меня тут родители в печёнках сидят, требуют встречи с Бессмертным. Мамаша хочет ему глаза выцарапать, папаша собирается в Москву звонить.

– Скажи, что Москва уже здесь в моём лице. Угомони их как-нибудь. Мне нужно ещё время, Горский. Ещё немного, и мы расколем его. Скоро он заговорит, и мы всё узнаем.

«А если он не заговорит?» – подумал Шмидт выключая телефон.

* * *

– Где мальчик, Бессмертный?! Просто скажи, где мальчик, и мы всё уладим. Мы даже не будем выдвигать обвинение, – произнёс Никита в двадцатый или тридцатый раз.

Полчаса назад они втолкнули Бессмертного в допросную, усадили за стол и принялись за работу. Никита сидел напротив; Маргарита была на взводе и ходила по комнате за спиной то у Бессмертного, то у Никиты.

«Где мальчик?» – это был первый вопрос, который задал Никита и задавал в разных вариациях уже полчаса, периодически оттаскивая Маргариту, то и дело норовившую вцепиться в Бессмертного.

«Я понятия не имею, о чём вы говорите», – так, в разных вариациях, полчаса отвечал Бессмертный.

Невозможно было понять по его невозмутимому лицу, что он думает. Он казался растерянным и обескураженным в первые секунды после появления стажёров. Когда они взяли его за грудки и пригрозили утопить в его же колодце, если он немедленно, сию же секунду не скажет, что произошло и куда делся мальчик, Бессмертный, кажется, даже поверил. Ребята были в такой панике и растерянности, что просто от безысходности могли и впрямь отправить его вслед за Костиком.

Несколько секунд Бессмертный оценивал ситуацию, а по-

том ухмыльнулся. «Ну, попробуйте!» – словно бы говорила эта ухмылка. У Никиты возникло сильнейшее желание проверить, настолько ли этот тип бессмертный, как следовало из его биографии. Остановило его только появление Шмидта.

Они были так заняты происходящим, что сначала даже не заметили его. Шмидт быстро шёл от заднего крыльца. За ним с растерянным лицом бежала Лиза. Приказав отпустить Бессмертного, Шмидт сухо и деловито выспросил у перебивающих друг друга ребят, что произошло. Осмотрел колодец, подумал и велел везти Бессмертного в участок. Там его изолировать, никого не подпускать и провести допрос по всей форме.

Никита с Маргаритой запротестовали было: они хотели остаться, хотели обследовать колодец и найти мальчика. Допрос Бессмертного представлялся им делом вторым, да и вообще, если нужно, они могли учинить его прямо здесь и сейчас. Шмидт, однако, пресёк все их возражения железным тоном и велел отправляться. Колодец, мальчика и Лизу он брал на себя.

И вот сейчас они сидели с Бессмертным в комнате без окон, с голыми стенами, где из мебели были только стол и несколько стульев. Их сейчас не интересовала тайна Бессмертного, не так, как Шмидта. Им нужно было выяснить, что произошло с мальчиком, а Бессмертный не говорил. Более того, он даже отказывался понимать, о чём идет речь.

– Мы видели вас, Бессмертный, – пытаясь не сорваться на

крик, втолковывал Никита. – Мы записали вас. Есть записи, есть доказательства. Тебе же срок светит.

– Категорически не понимаю, о чём вы? – пожимал плечами Бессмертный. – Какие записи? Какие доказательства? Что вы вообще делали на моём участке?

– Сукин сын! – вскипела Маргарита.

– Вот, – Никита включил запись на смартфоне. – Вот доказательства. Вот вы с мальчиком у тебя в кабинете. Вот вы у колодца. Вот мальчишка садится на борт. Будешь и дальше всё отрицать? Что случилось потом?

Бессмертный настороженно просмотрел запись. Поднял взгляд, как показалось ребятам, загнанный взгляд. На секунду они поверили, что вот-вот расколют Бессмертного.

– Ну да, Костя был сегодня со мной, – Бессмертный откинулся на спинку стула. – Мать позвонила мне сегодня утром, попросила забрать из школы. Можете спросить у неё, проверить.

– Проверим, – заверила Маргарита, сверля Бессмертного взглядом. – Что дальше было?

– Дальше мы договорились с Костей съездить ко мне домой. Я обещал дать ему одну книгу, но забыл взять. Мы приехали, поговорили, я дал ему книгу. Костя захотел посмотреть колодец, про который много слышал. Мы вышли во двор.

– Дальше, дальше, – торопила Маргарита. – Что случилось потом?

– Потом вы выскочили из кустов, Костя испугался, потерял равновесие и свалился в колодец. К сожалению, вы отвлекли меня, и я не успел подхватить его. А потом вы уже оттолкнули меня и было поздно что-либо делать.

Ребята замерли.

– Ты что, издеваешься?! – задушенным шёпотом произнёс Никита.

Бессмертный развёл руками.

– Вы спрашивали меня, что случилось. Я никак не мог понять, вы серьёзно это или нет? Вы же сами всё видели и сами всё сделали. При чём тут я? Не стоило, конечно, разрешать ему подходить к колодцу, но…

– Да он же до нас спрыгнул, скотина! – взвизгнула Маргарита, пытаясь дотянуться до Бессмертного через стол. Никите опять пришлось оттаскивать её. – Он сначала спрыгнул, а потом мы побежали. Что ты нам тут лапшу вешаешь?! Что ты ему сказал? Зачем он спрыгнул?

– Простите, лейтенант, но вы ошибаетесь, – Бессмертный говорил без тени насмешки, и это бесило ребят ещё больше. – Возможно, от шока у вас сбилось чувство времени и последовательность событий. Я и сам, если честно, не сразу всё вспомнил. К счастью же, ведь есть запись. Посмотрите ещё раз, убедитесь, кто прав.

Никита никак не мог понять, на что рассчитывает Бессмертный. Просто чтобы заткнуть его окончательно и бесповоротно, он включил запись, перемотал на нужный момент

и… похолодел. Склонившаяся у него над плечом Маргарита, напряжённо всматривающаяся в последние минуты Костика, побледнела. Она тоже поняла, к чему вёл Бессмертный.

Не было на записи прыжка Кости в колодец. Мальчишка сел на борт, и в этот момент Никита опустил руку, в камере стала мельтешить зелёная хвоя туи. Потом слышался вскрик, и на экране, покачиваясь, замирала ветка. Бросившись к колодцу, Никита выронил смартфон; потом, вспоминая, он искал его минут пять, не меньше.

Их доказательство оборачивалось пшиком. Теперь оставалось только их слово против слова Бессмертного, и неизвестно, кому поверят в суде. Если суд вообще будет. Если тело мальчика так и не найдут, непонятно по какой вообще статье открывать дело. Никита понимал, что с тем, что у них есть, нельзя идти даже к прокурору, не то что в суд. Он почувствовал то же бессилие, что и Шмидт – Бессмертный уходил из уже захлопнутого, казалось, капкана. И он ничего не мог с этим поделать.

Но Маргарита отказывалась понимать. Ей было поручено дело – она его провалила. Так она это воспринимала. Если слежка за Бессмертным и раскапывание его секретов казалось ей не более чем игрой – немного опасной, но больше захватывающей и увлекательной, то негласный надзор за мальчиком она воспринимала как первое настоящее дело. Она считала, что Шмидт поручил им охранять мальчишку от беды (хоть, строго говоря, это и было не совсем так), и она его

от этой беды не уберегла. Осознание этого жгло Маргариту даже больше, чем страх перед неизбежным разговором с родителями мальчика, и она не собиралась встречаться с ними, не добившись хоть какого-то результата.

– Слушай, – она села, крепко сцепив ладони и положив их на стол, – мы все знаем, что там произошло. Ну… до какого-то момента. Мы видели, что там было. Сами видели, Бессмертный. Сами! Мальчик не падал в колодец, он прыгнул туда. Сам прыгнул! В любом случае он должен был там остаться к тому времени, как мы добежали. Он или его тело. Но его там не было! Ты можешь сказать, что там произошло, Бессмертный? – Маргарита просительно перегнулась через стол. – Ты можешь сказать, где мальчик? Хотя бы ради его родителей, если ты понимаешь, каково им сейчас.

Бессмертный наклонился в ответ, приблизился к Маргарите и с предельной искренностью и простодушием заявил:

– Я не знаю!

* * *

Проку от Лизы не было никакого. Шмидт не слишком-то на неё и рассчитывал, но надеялся, что хоть что-то удастся вытащить про Бессмертного и это гиблое дело. Она семь лет была няней Костика, четыре года проработала служанкой Бессмертного, она связывала их обоих и должна была что-то знать. Более того, каким-то образом, пусть и косвенным, Ли-

за была причастна к появлению Костика в жизни Бессмертного (или наоборот?). Она привила ему странную любовь к сказкам своими книжками, а потом вогнала в депрессию (не она одна, конечно, но и она тоже), не прислав подарок на очередной день рождения. Случайно ли?

Лиза, плача, уверяла, что случайно. Что в это время она впервые в жизни была в отпуске на море (Бессмертный оплатил путёвку на Кипр) и так увлеклась, что совершенно забыла про день рождения своего бывшего подопечного. Вспомнила уже через неделю, когда поздравлять было неудобно, да и серия сказок, ежегодные выпуски которых она дарила Костику, прекратилась в этом году. Нового тома не вышло, а что ещё дарить Костику, она не могла сообразить.

А почему не брала трубку? Уронила телефон в море на том же Кипре и пришлось покупать новый. А почему на сообщения не отвечала, из соцсетей всех вышла? Просто интернет надоел. Алексей Иванович убедил её прекратить тратить время на эту помойку и почитать шедевры мировой классики. Библиотека у него шикарная, Лиза по-настоящему увлеклась Данте с Булгаковым.

Звучало всё это разумно и почти искренне. Шмидт не верил Лизе, но прижать её было не за что, а Алексея Ивановича она была готова защищать до последнего. Про приезд Костика она ничего не знает и вообще слышит в первый раз. Она была на рынке и вернулась домой аккурат, как подъехал Шмидт. Шмидт сам видел, как она выходила из такси с дву-

мя здоровыми сумками, тут Лиза ничего не сочиняла. Мальчика она не видела и что с ним случилось, не знает.

Пропал в колодце? Как он мог пропасть в колодце, там же метра три, не больше?! Вы, наверное, что-то напутали, всхлипывала Лиза, прикладывая платок к глазам. Не мог Алексей Иванович ничего сделать Костику, это просто невозможно. Он такой хороший человек, так хорошо ладит с детьми и родителями. Как он мог утопить Костика, да что вы такое говорите?!

Что же тогда случилось, по её мнению? Да откуда же она знает! Колодец? А что колодец? Нет, ничего такого странного она за ним не замечала. Обычный колодец, она сама брала из него воду.

В конце концов, Шмидт сдался. Либо Лиза с Бессмертным заранее обо всём договорились, либо она сама так хорошо импровизирует, но предъявить ей было нечего. Взяв с Лизы подписку о невыезде, Шмидт отправился в участок.

* * *

Он сидел за столом и разглядывал снимки страниц загадочной книги, когда постучали Никита с Маргаритой. Ничего, абсолютно ничего ему не удалось выяснить об этой книге, несмотря на все усилия последних дней. Он отправил несколько отрывков текста лучшим лингвистам и шифровальщикам, каких знал, и те, кто успел уже изучить их и

прислать ответ, твердили одно: таких языков не существует, таких шифров им встречать не приходилось. Все хотели подробностей – где он взял этот текст, откуда, из какого источника. Шмидт не мог сказать правду и аккуратно закруглил тему. С этой стороны к тайне Бессмертного тоже было не подступиться. Тогда с какой?

Уперевшись подбородком в кулаки, поставленные на стол, Шмидт несколько минут, не отрываясь, всматривался в текст одной из страниц. В какой-то момент ему показалось, что сквозь загадочные символы промелькнули знакомые буквы кириллицы.

Впечатление длилось буквально секунду. В дверь постучали, Шмидт сморгнул, и тут же всё исчезло. Опять он видел на листах непонятный текст, а в кабинет входили расстроенные стажёры.

Шмидт с досадой причмокнул, поднял голову, посмотрел на ребят. Они усаживались напротив, не дожидаясь разрешения, не от наглости, а от рассеянности. Им просто сейчас было не до субординации, голова была забита совсем другим.

– Ну что? – спросила Маргарита, едва усевшись. – Нашли что-нибудь?

Ответа она ждала с замиранием сердца. Ей и хотелось, и не хотелось, чтобы «что-нибудь» нашли. Если найдут, то – она была в этом почти уверена – тело Костика, и значит всё, конец! Не найдут – остаётся хоть какая-то, хоть призрачная надежда на чудо. Всё происходящее в деле с Бессмертным

отчётливо попахивало какой-то мистикой и чертовщиной, и необъяснимое исчезновение Костика сейчас уже больше поддерживало Маргариту, нежели угнетало. Она думала не о том, что его нет, а о том, что его нет мёртвого. И сейчас она не столько надеялась, сколько боялась кивка Шмидта.

Шмидт аккуратно сложил листы, постучал ребром пачки по столу, выравнивая края, убрал в папку и только после этого медленно покачал головой.

– Нет.

У Маргариты отлегло от сердца. Она испугалась этого облегчения.

«Ну да, конечно, – думала она со стыдом. – Куда бы ни пропал мальчишка, мы по крайней мере не виноваты в его смерти. Хорошенькое утешение!»

– А Лиза? – спросил Никита. – Лиза что-нибудь сказала?

– Нет, ребята, – качнул головой Шмидт, тяжело облокотившись о стол, – и с Лизой пока всё глухо. Что у вас?

– То же самое, – хмуро ответил Никита. – Молчит. Я не я, и лошадь не моя. Вообще непонятно, на что он рассчитывает?

– Что конкретно он вам сказал? Как объяснил ситуацию?

Никита коротко пересказал ему разговор с Бессмертным.

– Ну вот, ты сам всё и сказал, – резюмировал Шмидт, когда Никита закончил. – Ваше слово против его. Объективных данных нет. Тела тоже. Непонятно вообще, что произошло. За такое дело ни один прокурор не возьмётся.

– У нас похищение ребёнка! – воскликнула Маргарита.

– Нет, никакого похищения не было, – спокойно ответил Шмидт. – Мать сама просила Бессмертного забрать сегодня сына, я проверял. Мальчишка сел в машину добровольно, вы сами сказали. Никаких следов насилия. – Шмидт развёл руками. – Не было похищения.

– А пропажа человека?

– Опять же – какая пропажа? Кто возьмётся за это? Три человека под присягой скажут, что мальчик пропал в колодце. Обстоятельства будут разниться, но не суть. Суть в том, что у нас нет обвиняемого. Точнее, есть, но… при известном раскладе под статью может пойти как Бессмертный, так и вы оба.

Это Никита с Маргаритой уже понимали. Им хватило ума не указывать Шмидту на то, что под статью может пойти и он. Не в этом сейчас было дело.

– Хороший адвокат развалит это дело на раз-два, – продолжал Шмидт. – А если мы раскроем карты, то ещё и повесит всё это на нас. Деньги у Бессмертного есть, адвоката он найдёт. Нет, ребята, по процедуре мы его не возьмём.

– Что же делать, Леонтий Васильевич? – растерянно спросила Маргарита.

Шмидт тяжело поднялся.

– Пора мне самому побеседовать с Бессмертным, – сказал он, забирая папку и выходя из кабинета.

* * *

Шмидт сидел напротив Бессмертного и вынимал из папки распечатанные фотографии. Маргарита с Никитой стояли позади него в разных углах комнаты, скрестив на груди руки и безмолвно наблюдая за происходящим.

– Алексей Иванович Бессмертный. – Шмидт по очереди касался разложенных снимков. – Василий Васильевич Коновалов. Андрей Константинович Рейнер. Сергей Валентинович Павлов. Как предпочитаете к вам обращаться?

– Меня зовут Алексей Бессмертный. Сколько себя помню. Давайте остановимся на этом.

Бессмертный выглядел спокойным и невозмутимым. Он посмотрел на часы, повернув руку, и снова поднял взгляд на Шмидта. Шмидт усмехнулся.

– Хорошо. А кто тогда на этих фотографиях?

– Понятия не имею, – Бессмертный пожал плечами.

– На всех них один и тот же человек. До невероятности похожий на вас.

– Вполне возможно. Но что с того? Мало ли в мире похожих людей. Или фотошопа.

– Действительно, – хмыкнул Шмидт. – Может, и впрямь я зря загоняюсь. Уж простите, работа такая. – Он выложил фотографию в Кёнигсберге. – Вы, видимо, и в Восточной Пруссии не были никогда.

– Ну почему же? – Бессмертный мельком взглянул на фото. – В Калининграде я был пару раз. В четвертом году, кажется. И в семнадцатом.

– А в сорок пятом? – Шмидт смотрел на Бессмертного с лёгкой усмешкой, открыто признавая, что слова сейчас ничего не значат.

– Ну как бы я мог это сделать, генерал? – Бессмертный слегка развёл закованные в наручники руки. – Мне же не сто лет, в конце-то концов?

– Очевидно, – Шмидт опять хмыкнул, сложил фотографии, постучал, выравнивая края. – А в 91-м вы не могли быть в Москве?

– Может, и мог, – Бессмертный посмотрел на часы. – Не уверен, что помню, где был тридцать лет назад.

– В августе 91-го? Сложно было бы забыть это время. Я вот прекрасно помню 19 августа, и где был, и что видел. И могу поклясться, что видел тогда вас на Лубянской площади. Нет?

Бессмертный молча смотрел на Шмидта. Если он и понимал, к чему ведёт генерал, то не показывал вида. Никита с Маргаритой не понимали. Надо было брать Бессмертного за грудки, выкладывать козыри, устраивать очную ставку, колоть, пугать, стращать. Чего тянет, чего миндальничает с ним?! Время уходит, а время играет на Бессмертного. «Тоже мне, Порфирий Петрович!» – бесилась в душе Маргарита, которой сдерживаться было труднее всего.

– Более того, и вы видели меня, и мы даже перекинулись парой слов, – продолжал Шмидт. – Не помните, Бессмертный? Я-то тогда был моложе, стройнее. У меня ещё были волосы и не было усов, морщин и этого жира на пузе.

– Простите, не помню, – Бессмертный виновато улыбнулся. – Я даже не уверен, что был тогда в Москве. Скорее всего, где-нибудь в лагере, на каникулах.

– Да? – Шмидт усмехнулся. – Возможно, я что-то и перепутал, но, клянусь, человек тот был точь-в-точь вылитый вы. Такое ведь невозможно, правда?

Бессмертный развёл руками, словно считая ниже своего достоинства доказывать очевидное. Шмидт опять усмехнулся, убрал фотографии и достал из папки распечатки страниц.

– Что ж, тогда закроем тему и пойдём дальше. Вот это вот вам знакомо?

Даже стоящие по углам комнаты Никита с Маргаритой заметили, как явственно напрягся Бессмертный. Он сжал губы, настороженно разглядывая страницы, которые Шмидт раскладывал перед ним. Потом поднял взгляд, спросил отчётливо севшим голосом:

– Откуда это у вас?

– Откуда это у нас – не столь важно. Важнее, откуда это у вас.

Бессмертный смотрел на Шмидта, словно пытаясь что-то понять для себя. Понять было трудно, Шмидт был предельно невозмутим. Ребята, подражая начальнику, тоже стара-

лись сохранять спокойствие, хотя им это не так удавалось, как Шмидту. В безупречной броне Бессмертного была найдена брешь, и все четверо это поняли.

– Понятия не имею, что это такое, – ответил наконец Бессмертный, перебегая взглядом со Шмидта на ребят и явно оценивая реакцию. – Я даже не понимаю, что тут написано. Где вы это взяли?

– Вы отреагировали так, словно видите это не впервые?

– В самом деле? – Бессмертный пожал плечами, опять посмотрел на часы. – Сожалею, что создал у вас такое впечатление. Я, знаете ли, букинист-любитель, люблю коллекционировать разные редкие издания. Мне показалось, снимки из этого ряда – какой-нибудь странной необычной книги. Вот я и заинтересовался.

Никита и Маргарита были так разочарованы, что даже и не пытались этого скрыть. Шмидт лишь слегка улыбнулся и убрал листы в папку.

– Да, жаль, – простодушно вздохнул он. – Хотел получить консультацию специалиста, а вы вон тоже не знаете, что за язык. Видимо, придётся звонить Ларионову. Мишка Ларионов, мой одноклассник, профессор лингвистики, в Окленде преподает. Вот как нас судьба разбросала. А вы с одноклассниками поддерживаете связь?

– Увы, – Бессмертный развёл руками, насколько позволяли наручники. – Нас тоже жизнь разбросала.

– А вы где учились-то? – Шмидт застегнул папку, достал

телефон, всем видом показывая, что заканчивает допрос.

Ребята зашевелились. Вот это Шмидт хорошо придумал, это правильный вопрос. Сейчас Бессмертный ответит, где, и мы либо найдём его одноклассников, либо нет – любой вариант даёт козырь против него.

Бессмертный помолчал, посмотрел на часы.

– Это имеет какое-то отношение к делу? – холодно спросил он.

– А что, какие-то проблемы? – наигранно удивился Шмидт. – Не помните, где учились? Учителей, друзей? Я вот до сих пор помню первый звонок. А уж последний…

– Знаете что, генерал, – холодно прервал Бессмертный. – Мне надоели эти игры в наводящие вопросы и бессмысленные ответы. Я сижу здесь уже пять часов и не понимаю, за что? Либо предъявите мне, наконец, обвинение, либо отпустите. Без своего адвоката я больше не скажу ни слова.

– Ах ты, паскуда! – не выдержала Маргарита, подскакивая к столу. Шмидт поднял руку.

– Алексей Иванович абсолютно прав, – спокойно заявил Шмидт, глядя в глаза Бессмертному. – Он имеет полное право на обвинение и адвоката. В самое ближайшее время мы обеспечим вам и то и другое.

Шмидт неожиданно наклонился через стол к Бессмертному и понизил голос почти до шёпота так, что Никита уже не слышал его. Слышала Маргарита.

– Ты совершил ошибку, Бессмертный! – без злорадства,

без нажима, словно констатируя факт, сказал Шмидт. – Ты много лет уходил от системы, но теперь ты в ней. И игра пошла по моим правилам. Я знаю, кто ты. И скоро узнаю, где мальчик.

Когда Маргарита выходила из допросной вслед за Шмидтом и Никитой, на лице Бессмертного она не видела ни улыбки, ни усмешки. Он был напряжён и, кажется, даже подавлен. Слова Шмидта произвели на него впечатление.

«Наконец-то!» – злорадно подумала Маргарита.

* * *

– Леонтий Васильевич! – Маргарита, запыхавшись, догнала Шмидта с Никитой в конце коридора. – Что вы имели в виду? Что вы поняли? Кто он, чёрт его подери?!

Шмидт, вынимая сигареты, недоумённо посмотрел на Маргариту.

– Кошкина, ты слышала то же, что и я. В каком месте стало понятно, кто он?

Шмидт закурил, открыл окно, сел на подоконник. В коридоре было тихо и сумрачно; кроме них троих и Бессмертного в допросной на этаже больше никого не было.

– Но как же? – растерялась Маргарита. – Вы же сказали, что знаете, кто он.

Никита смущённо потёр лоб. Шмидт круглыми глазами смотрел на Маргариту.

– Девочка, это азы допроса. Ты что, прогуляла эту лекцию? Напугай подозреваемого, что знаешь самое главное, пусть расскажет всё остальное. В каждом втором допросе практикуется, двоечница.

– Но сейчас-то это что нам даст? – Маргарита была уязвлена. – Думаете напугать Бессмертного так же, как остальных?

– Нет, не думаю, – Шмидт сделал затяжку, выдохнул дым. – Но посеять сомнения и напрячь можно. Пусть думает, что мы не всё рассказали, что у нас есть ещё козырь. Пусть поторопится.

– Поторопится? – переспросил Никита.

– У него туго со временем, – сказал Шмидт. – Заметили, как он всё время на часы посматривал? Ему нужно не просто выйти, ему нужно выйти быстро. Это и есть наш козырь, и будем заходить с него.

Шмидт сделал ещё затяжку, посмотрел на Никиту с Маргаритой. Кажется, они его не понимают.

– Ребята, Бессмертному куда-то срочно надо, – нетерпеливо пояснил он. – Без нас он выйти не сможет. Он скоро попросит сделку, он понимает, что раскрыт и попался. Мальчик пропал не просто так; Бессмертный точно знает, что произошло. Но мы нарушили его планы и сейчас в его интересах договориться с нами, чтобы выторговать себе наиболее приемлемые условия. Тут-то мы и возьмём его за жабры и вытрясем из него всю душу со всеми тайнами. Подождём па-

ру-тройку часов, максимум до утра. Думаю, к утру он созреет.

– А как же мальчик? – Маргарита по-прежнему не очень понимала план Шмидта.

– Мы не знаем, куда он пропал и что случилось. – Шмидт задумчиво смотрел на тлеющий кончик сигареты. – Это знает только Бессмертный. Значит, его и надо раскручивать. Но давить на него сейчас бесполезно; надо ждать, пока он созреет сам.

– А если он просто ждёт? – негромко спросил Никита.

– Чего?

Никита не успел ответить. У Шмидта затренькал карман. Он взял сигарету левой рукой, вынул телефон, посмотрел на экран. Та-а-ак…

– Да, слушаю.

– Вы закончили с Бессмертным? – торопливо спросил Горский.

– Нет ещё.

– Тогда поторопитесь. Его адвокат уже здесь.

– Чего? Какой адвокат?

– Не знаю. Хмырь какой-то из Питера. – В трубке отчётливо слышались шаги, Горский явно не мог усидеть за столом. – Только что был у меня, добивался до клиента.

– А ты чего?

– А я чего? Отослал в СИЗО. Долго он там не задержится, минут через десять будет у тебя.

– Горский, ты… – Шмидт даже не сразу нашёлся что сказать. – Ты идиот?! Не мог его сбагрить куда-нибудь, задержать на пару часов? Дурачка дать, на худой конец?!

– Да я и так его минут пятнадцать мурыжил-мурыжил, – Горский был так напуган этим адвокатом, что даже уже Шмидта не очень боялся. – Сам как карась на сковородке. Но чего я могу сделать, когда он знает про задержание? Вынь да положь; собрался уже прокурору в область звонить. Мне свою задницу прикрывать надо. А в ваши столичные разборки я влезать не хочу; сами между собой разбирайтесь, питерские с московскими.

Секунд пять Шмидт в полном ступоре слушал гудки в телефоне. Потом положил телефон в карман, выбросил догоревший окурок в окно и повернулся к стажёрам.

– Откуда у Бессмертного адвокат? – напряжённо нахмурившись и изо всех сил стараясь скрыть панику, спросил Шмидт. – Как он вообще про него узнал?

– Чего? – ребята были ошарашены не меньше него. – У Бессмертного адвокат?

– Он звонил при вас? – допытывался Шмидт. – Он хоть с кем-то выходил на связь?

– Да нет же! – отверг Никита. – Мы, как его взяли, сразу телефон отобрали. И уж точно он отсюда никому не мог позвонить.

– Тогда как? Как его адвокат узнал, что случилось и куда надо ехать?

– Лиза! – предположила Маргарита. – Лиза могла позвонить.

– Нет, Лиза была под моим присмотром, – хмуро ответил Шмидт, напряжённо соображая. – А вот Кира, секретарша его офисная, могла позвонить.

– А она-то откуда узнала? – недоверчиво спросил Никита.

– От Горского!

– Чего?!

– Ну, от его людей. Видимо, родители, когда хватились мальчишки, подняли на уши Горского. Тот направил людей в офис с обыском. Дальше сообразить было нетрудно. Если секретарша у него сообразительная.

– Сообразительная, – мрачно подтвердил Никита.

– Вот он чего на часы всё посматривал – адвоката ждал! – Шмидт покачал головой с нескрываемой досадой.

Никита с Маргаритой выжидательно смотрели на шефа.

– Так, ребята, – решился Шмидт, – времени у нас мало. Если адвокат собирается его вытащить, нам крышка. Он опять исчезнет, а вместе с ним исчезнут и мальчик, и все его тайны. Так что дуйте сейчас к Бессмертному, сообщите, что адвокат его приехал и завис у меня в кабинете. Делайте всё возможное, чтобы он встревожился, чтобы хоть на секунду допустил, что я переманю, или запугаю, или вообще помножу на ноль его адвоката. Главное – убедите в альтернативе. Дайте понять, что мы согласны на его условия, что мы не собираемся его запирать или куда-то тягать. Пусть только вер-

нёт мальчика. Всё останется между нами и ним, больше никто ничего не узнает. Понятно?

Ребята согласно кивнули.

– А вы куда? – спросила Маргарита.

– А я пойду встречать адвоката. – Шмидт посмотрел на часы. – Минут двадцать-тридцать вам выкрою, не больше. – Взглянул на выжидающих ребят, гаркнул: – Шнелле!

* * *

Никита вышел из допросной, что есть мочи хлопнув дверью. Он прислонился к стене, закрыл глаза и сполз на корточки, уткнувшись лбом в сложенные на коленях руки.

Скрипнула дверь. Из допросной вышла Маргарита, встала к стене напротив Никиты и безвольно опустила руки, сцепив в ладонях.

– И что теперь? – бессмысленно глядя в пустоту поверх Никиты, спросила она.

Никита пожал плечами, не поднимая головы.

– Если сегодня нас не убьёт Шмидт, завтра уволит Горский, – продолжала в пространство Маргарита. – Бессмертный выйдет, а мы останемся. С репутацией эпических шлимазлов. Нам в руки попался уникум с первоклассной задачей, а мы не смогли к нему даже подступиться.

Никита поднял голову. Почему бы и нет, в самом деле?! Ни в каких других обстоятельствах он не решился бы на та-

кое, но сейчас других вариантов не осталось.

– И будем мы потом гоняться за Бессмертным, как Шмидт, тридцать лет и три года, – уныло бубнила Маргарита. – А мальчик так и останется неизвестно где.

Никита резко встал и двинулся по коридору. Маргарита опомнилась, встряхнув головой, озадаченно посмотрела ему вслед.

– Эй, ты куда? – она побежала за ним.

– Я не буду гоняться за ним тридцать лет и три года, – стремительно шагая по коридору, бормотал Никита. – Я не дам ему выставить меня дураком и шлимазлом.

Маргарита едва поспевала за ним. Войдя в кабинет, который они с Маргаритой делили на двоих, Никита подошёл к сейфу, открыл и достал свой табельный пистолет.

– Ты… чего? – севшим голосом спросила Маргарита, глядя как он проверяет обойму. – Чего придумал?

– Лучше тебе за мной не ходить, – Никита вставил обойму и зарядил пистолет. – Если ничего не получится, скажи, что я был невменяем и что ты пыталась меня остановить.

– Ты что, спятил?! – Маргарита схватила Никиту за руки, пытаясь отобрать пистолет. – Отдай сюда, дурак! Не смей!

Никита оттолкнул Маргариту так, что она упала на стол. Пока поднималась, Никита успел выйти из комнаты и закрыть дверь.

Маргарита бросилась к двери. Ручка не поддавалась.

– Никита! – она забарабанила в дверь. – Никита, дурак!

Остановись! Выпусти меня!

Лихорадочно пошарив по карманам, Маргарита вытащила свой ключ и трясущимися пальцами вставила в скважину. Замок не поддавался. А, чёрт! Никита оставил ключ снаружи.

Она вытащила телефон, подумала секунду и бросила на стол. Слишком долго! Подбежав к окну, Маргарита рванула ручки, мимоходом возблагодарив судьбу и начальство, что дали им кабинет на втором этаже. С решётками на первом ей было бы нипочём не справиться и не успеть.

Она повисла на подоконнике, оттолкнулась и прыгнула, удачно попав на клумбу и даже ничего не распоров на джинсах. Вскочила, отряхнула ладони и понеслась ко входу.

«Только бы успеть, только бы успеть!» – мелькало у неё в голове. Если сейчас Савостьянов сделает, что задумал, всё обернётся такой…

Маргарита не успела придумать определение; в коридоре она наткнулась на Шмидта с лощёным типом в дорогом костюме и зачёсанными назад волосами.

* * *

Потом, размышляя на тем, что он сделал, Никита не мог не признать, что думал об этом давно. С того самого момента, как Шмидт рассказал им историю Бессмертного, он понимал, что никак иначе проверить и доказать ничего нель-

зя. Он гнал от себя эту мысль, прятал на самых задворках сознания, и если бы не сложившиеся обстоятельства, так бы и оставил там.

Но Бессмертный не оставил им других вариантов. На предложение о сделке он ответил презрительной усмешкой; угрозы запугать адвоката проигнорировал, не сочтя нужным даже отвечать; на очередные безнадёжные вопросы о мальчике просто пожимал плечами.

Не было другого выхода. Если «колоть» Бессмертного, то только сейчас и только так. Ничего лучшего Никита придумать не мог.

…Он ворвался в допросную и с секундным наслаждением отметил, как вскочил со стула Бессмертный, растерянно уставившись на пистолет.

– У тебя последний шанс, Бессмертный! – процедил Никита, подойдя почти вплотную и направив пистолет в грудь. – Или скажешь, где мальчик, или я стреляю.

– Вот я бы на вашем месте не делал этого, лейтенант, – произнёс Бессмертный, не сводя глаз с пистолета. – Хотите остаток жизни провести в тюрьме?

– Может быть, и не проведу, – мрачно ухмыльнулся Никита.

– Ты даже не представляешь, в какую дверь сейчас можешь зайти, – тихо, с угрозой сказал Бессмертный.

Никита выстрелил. Это был его первый выстрел в живого человека, и когда раньше он думал об этом, всегда пытался

представить, что будет испытывать в этот момент.

Сейчас он ничего не успел ни понять, ни осознать. Всё произошло слишком быстро. Бессмертный, кажется, ещё не успел рухнуть на пол, как в дверь ворвались Маргарита, Шмидт и ещё какой-то тип с портфелем.

Пару секунд все оцепенело стояли, пытаясь понять, что происходит. Бессмертный лежал на спине, белая рубашка на груди медленно набухала кровью.

Потом раздался какой-то звук. Никита не сразу понял, что это. Он сначала услышал странное жутковатое дребезжание, потом заметил шевеление тела и лишь мгновение спустя понял, что это смеётся Бессмертный.

Бессмертный тихо и мелко смеялся, медленно приподнимаясь на локте и осматривая грудь. Он расстегнул рубашку, ощупал пальцами рану. Никита попал прямо в сердце, и кровь сейчас должна была хлестать, выдавливаемая из груди последними толчками. Но она не только не хлестала; она остановилась и уже свернулась. Края раны подсыхали и зарубцовывались на глазах, словно опытный хирург быстрыми стежками стягивал их.

Чуть повыше раны на груди виднелся странный знак из тонких синеватых линий, похожий на татуировку. Никита не обратил на него внимания, он был слишком занят заживающей на глазах раной, да и все остальные тоже.

Бессмертный поднялся с некоторым усилием, отряхнулся, насколько позволяли наручники. Встряхнув правой ру-

кой, он, словно фокусник, зажал в пальцах что-то металлическое и поставил на стол. Лишь через пару секунд до Никиты дошло, что это пуля, которую он выпустил Бессмертному в грудь.

Бессмертный сел за стол, обвёл взглядом присутствующих.

– Вы опоздали, Ракитин, – холодно сообщил он адвокату. – Ваши услуги более не требуются.

– Но… – адвокат растерянно перевёл взгляд с Бессмертного на Шмидта и обратно, – но, Алексей Иванович, меня задержали. Поверьте…

– До свидания! – железным тоном прервал Бессмертный. – Завтра свяжитесь с Кирой, получите гонорар за сегодняшний вызов.

Адвокат не стал спорить. Он быстро взял себя в руки, кивнул Бессмертному и вышел. Как-то уж слишком легко он дал себя уговорить, отметил Шмидт.

Но сейчас некогда было думать над поведением адвоката, сейчас всё внимание привлекал Бессмертный. Разным видел Бессмертного Шмидт за более чем тридцать лет охоты, но таким – ещё никогда. Скромный провинциальный терапевт с неизменной обходительной улыбкой и открытым простодушным взглядом исчезал на глазах. Лицо словно заострилось, все черты стали резче и жёстче. Улыбка пропала, как и неизменное добродушие, уступив место сдержанной беспощадности. Во взгляде проступило что-то хищное, инфер-

нальное. Весь облик Бессмертного переменился столь стремительно, что Маргарите стало не по себе.

Её даже слегка замутило; она почувствовала, как кружится голова и подташнивает. Болезненно наморщившись, она пыталась понять, кто перед ней и что вообще происходит.

Никита просто смотрел на Бессмертного. Он всё ещё приходил в себя, тяжело дыша; он понимал, точнее, чувствовал лишь одно: его план удался. Этот Бессмертный действительно оказался бессмертным. Но вот что теперь делать ему с этой информацией, он даже не брался загадывать. Да Бессмертный и не дал на это времени.

– Ну что ж, – начал он, медленно переводя взгляд со Шмидта на стажёров, – поговорим теперь по душам, – он помолчал. – Вам нужен мальчик? Хорошо, будет вам мальчик. Вы получите его, если выполните мои условия.

Никита подвинул стул, сел напротив Бессмертного.

– Какие?

– Для начала, – Бессмертный протянул через стол руки в наручниках, – окажите любезность.

Никита оценивающе посмотрел на Бессмертного, потом вопросительно обернулся на Шмидта. Тот стоял в углу, скрестив руки, как давеча ребята. Шмидт еле заметно кивнул. Никита, поколебавшись, достал ключ из кармана и расстегнул наручники.

– Что дальше?

– Дальше? – Бессмертный с наслаждением потёр запя-

стья. – Дальше мы поедем ко мне домой. В шесть утра я спущусь в колодец. Мальчик появится вместо меня. Всё. Вы будете с мальчиком, орденами и новыми званиями, я… я перестану быть для вас проблемой.

В повисшей паузе было отчётливо слышно лишь прерывистое дыхание Маргариты.

– Ты что, издеваешься?! – перегнувшись через стол, тихо спросил Никита.

Бессмертный наклонился в ответ.

– Как будто у вас есть варианты? – так же тихо ответил он, насмешливо вздёрнув бровь.

Снова повисла пауза. Не выдержав взгляд тёмных, почти чёрных глаз, Никита откинулся назад Маргарита не выдержала.

– Да кто ж ты, наконец?! – закричала она на грани истерики.

Бессмертный вслед за Никитой отвалился от стола, достал из кармана пиджака визитку, бросил на стол.

– Это я, – он постучал пальцем по фамилии. – Только в наших краях я более известен как Кощей. – Бессмертный подумал. – Впрочем, и в ваших тоже.

Несколько секунд Никита молча смотрел на Бессмертного, потом неожиданно для самого себя начал тихо смеяться. Маргарита нервно и неуверенно подхватила. Они смотрели на Бессмертного и смеялись, сначала тихо, потом всё громче, переходя в безудержный, почти истерический хохот.

– Да ты… и впрямь… издеваешься! – проговорил Никита сквозь смех, вытирая заслезившиеся глаза.

Шмидт не смеялся. Бессмертный тоже. Ребята остановились, как по команде, в одну секунду. В комнате стало ещё неуютнее, хотя казалось, что дальше некуда.

– Что это за колодец? – спросил, помолчав, Шмидт.

«Чего он спрашивает?! – подумала Маргарита. – Какой на фиг колодец?! Что за хрен неубиенный сидит тут перед нами – вот что надо спрашивать. Почему он не умер?!»

– Это проход, – просто сказал Бессмертный. – Говоря привычным вам языком – портал между мирами. Этим и тем. Вашим и моим. Как вы уже поняли, воспользоваться этим порталом может не каждый, и работает он не на раз-два. Подробную инструкцию по применению читать не буду, скажу главное. Мальчишка сможет вернуться обратно, если кто-то его заменит в том мире. – Бессмертный помолчал, оглядел присутствующих, усмехнулся. – Решайте, кто вам здесь больше нужен – я или он?

Шмидт взял второй стул, подсел к столу рядом с Никитой.

– Что это за мир? И зачем ты отправил туда мальчишку?

– Строго говоря, он сам туда отправился. Я лишь показал дорогу.

– Зачем?

– А давайте так: вы получите мальчишку и спросите у него сами. Мне вы вряд ли поверите, что бы я ни рассказал. То ли дело живой свидетель, врать коему причин нет никаких.

– Можешь хотя бы сказать, почему он? Почему именно *этот мальчишка?*

– Позвольте, я и эту информацию придержу при себе. Вы не поверили в то, что я Кощей; не поверите и во всё остальное. Я вас вполне понимаю. Демонстрации одной моей живучести мало, всё можно списать на какие-нибудь анатомические особенности организма. Другое дело, если вам явится бесследно исчезнувший мальчик. И расскажет то, что при всём желании не смог бы придумать сам.

Никита не сводил глаз с Бессмертного, Шмидт задумчиво барабанил пальцами по столу, Маргарита нервно ходила у них за спиной. Пауза затягивалась. Бессмертный опять обвёл всех взглядом, опять усмехнулся.

– Господа, у вас не так много вариантов. Либо вы соглашаетесь со мной и получаете мальчика, либо нет – и остаётесь ни с чем. Если я сумасшедший или шарлатан и нет никакого портала, я никуда не исчезну и вы ничего не потеряете. Однако если я прав, вы вернёте мальчика из другого мира с весьма любопытной информацией. Как видите, я играю открытыми картами. У вас на руках все козыри. Я сейчас завишу от вас больше, чем вы от меня.

– В шесть? – переспросил Шмидт, помолчав.

– В шесть, – кивнул Бессмертный.

– Спуститься в колодец?

– Угу.

– И мальчик появится?

– Да.

– А ты исчезнешь?

– Скорее, вернусь в свой мир.

– Навсегда.

– Весьма вероятно.

– А как ты оказался в нашем мире?

Бессмертный выразительно посмотрел на Шмидта.

– Да. Понятно, – кивнул Шмидт. – Мы вам не поверим. Скажи хотя бы, где книга?

– Какая книга? – недоумённо поднял бровь Бессмертный.

– Которую ты дал мальчику.

– Ах, вот ты о чём! – Бессмертный понимающе хмыкнул, помолчал, что-то соображая про себя. – Ну да, конечно, – он откинулся на спинку стула. – А книга, уважаемые, всё ещё у мальчика. Он забрал её с собой.

– Да не может быть! – воскликнула Маргарита, с размаха упираясь ладонями в торец стола. Шмидт бросил на неё предостерегающий взгляд.

– Без неё ему там не обойтись, – пояснил Бессмертный, улыбнувшись краем рта. – Это вроде путеводителя по тому миру. Справочник для туриста, скажем так.

– А почему только он его читает? – Маргарита отбросила всякую осторожность. – Почему мы не можем?

Она не замечала осуждающего взгляда Шмидта. Ей сейчас было не до этого.

– Потому что мальчишка поверил в тот мир, – невозмути-

мо произнёс Бессмертный. – Он знал, что искать, знал, чего хочет, и ему открылись и книга, и портал. Так бывает. Одни видят в математической формуле странные знаки, другие – изящное решение. Или великое открытие. Каждому дается в меру.

Маргарита пыталась осознать сказанное. Её поразило объяснение Бессмертного.

«Неужели всё так просто? – думала она. – Просто поверить?»

– Просто поверить? – Шмидт проговорил вслух мысли Маргариты.

– Поверить совсем не просто, – возразил Бессмертный. – Было бы просто, любой бы сумел.

Шмидт опять замолчал, смотря на Бессмертного и что-то решая про себя. Молчал и Бессмертный.

– Значит, в шесть? – опять спросил Шмидт.

Бессмертный кивнул.

– По вашим часам?

Бессмертный опять кивнул.

– Позвольте мне… – Шмидт взял Бессмертного за запястье, повернул часами к себе. Сравнил со своими часами, кивнул и отпустил. – Это так, чтобы не перепутать.

Шмидт встал.

– Мы обсудим ваше предложение, – сообщил он Бессмертному.

* * *

– Леонтий Васильевич, что это было? – Маргарита задала коронный вопрос последних дней.

Они стояли в кабинете Шмидта. Шмидт курил, устало глядя в окно на тёмную осеннюю ночь. Понятно, что это было, но как же не хочется объяснять сейчас бестолковой молодёжи, которая будет цепляться и сопротивляться до последнего.

– Когда исключаются все возможности кроме одной, эта последняя, сколь ни кажется невероятной, и есть неоспоримый факт, – пробормотал Шмидт между двумя затяжками. Он не особо верил, что ребята смогут опознать цитату и свести всё к шутке.

Так и есть! Маргарита предсказуемо вскипела.

– Вы серьёзно? Это, по-вашему, Кощей Бессмертный?!

– Хочешь сама шмальнуть в него? – предложил Шмидт. – Ещё разок, для верности?

Маргарита подавилась словом. Никита угрюмо вертел в руках пистолет.

Шмидт выкинул окурок в окно, сел за стол, подвинул к себе папку.

– Либо мы приведём наши представления в соответствие с реальностью, либо реальность даст нам по башке, – бормотал он, вынимая снимки страниц таинственной книги. – Не

хотелось бы, чтобы эта реальность приобрела вид и формы Бессмертного.

Шмидт разложил листы на столе. Пододвинул к себе ближайший, надел очки и склонился над ним, напряжённо вглядываясь и пытаясь поймать знакомые очертания.

Он ждал чего-то подобного и даже не особо удивился, когда сквозь непонятный каллиграфический текст начали проступать буквы русского алфавита, складываться в читаемые слова, а слова в предложения. На некоторых листах Шмидт разглядел вместо текста иллюстрации. Одна из них привлекла его внимание; он схватил листок, всмотрелся повнимательней. Вот оно, то, о чём говорил Бессмертный, – разгадка сложнейшей формулы. Только бы не потерять сейчас опять, только бы не потерять!

– Подойдите сюда, – велел Шмидт тихим напряжённым голосом.

Никита с Маргаритой встали у Шмидта за плечами, наклонились, всматриваясь в страницу, которую он держал, чуть приподняв над столом. Прошло три секунды… четыре… пять… Сквозь арабскую вязь на странице проявлялся рисунок… Бессмертный в кресле перед камином… волк, лежащий у ног… красавица блондинка за спинкой кресла…

У Никиты брови поползли вверх. Маргарита ахнула.

– Это же… Это же…

– Это же он, чтоб меня! – Никита схватил листок, потом другой, вчитался с середины текста. – «Волки Бессмертного

перекрыли Старую Гать, и сотня царевича угодила в засаду. Вместо скрытного обходного рейда по южной Долине ударному отряду царевича пришлось отступать, теряя людей, коней и снаряжение. Первая попытка Марьи Моревны перенести войну на территорию брата закончилась неудачей…»

– «Ядвига ощутила лёгкое беспокойство, – затараторила Маргарита со своего листа, перебивая напарника. – К ней постоянно приходили незнакомые люди, не желавшие даже называть себя. Но обычно они шли сразу к домику, а не застревали в лесу, разглядывая невесть что. Может, он уже побывал в домике, и, не найдя её, вышел сюда подождать?» – Маргарита запнулась, растерянно бегая глазами по странице. – Леонтий Васильевич, что это?!

– Это то, что он дал пацану, – сказал Шмидт, не отрываясь от своих листов. – Открыл перед ним карту, а потом и сам мир. И пацан сиганул. Я бы не стал его за это корить.

– Чёрт знает что! – пробормотал Никита. – Какой-то Твин Пикс у нас тут…

– Нет-нет-нет, Савостьянов, – чуть ли не с наслаждением протянул Шмидт, снимая очки и потягиваясь. – Всё гораздо интереснее. Придётся нам довериться Бессмертному и положиться на удачу. В худшем случае, как он и сказал, мы ничего не потеряем. В лучшем – перед нами откроются такие возможности…

– Какие возможности?! Вы о чём вообще?! – Маргарита до последнего отказывалась понимать. Она просто не могла

себя заставить признать то, во что на самом деле уже поверила.

Шмидт не счел нужным отвечать. Он собрал листы в папку, запер в сейфе и повернулся к стажёрам с деловитым видом.

– Так, слушайте. Обо всём, что только что произошло, должны знать только мы трое и Бессмертный. Пока придержим всё при себе. Пока не вернём мальчишку. А сейчас давайте перекусим, выпьем кофе покрепче и выдвигаемся.

– Постойте, подождите! – Маргарита метнула отчаянный взгляд со Шмидта на Никиту, набрала воздух в грудь. – Допустим, всё это чёртова правда, допустим, у нас в кутузке и впрямь сидит этот проклятый Кощей – чёрт его знает, как такое возможно! – она сорвалась в крик. – Ладно, ладно, я почти поверила. Но если это и впрямь правда и у нас в руках Бессмертный, неужели мы выпустим его… куда-то там?

– Ещё чего! – Шмидт, кажется, даже возмутился. – Чтобы я выпустил его, так и не поняв, что за тип? Он останется здесь. На обмен пойдёт один из вас.

Глава 8. Другой Волхов

Алексей Иванович обещал, что его встретят на той стороне. Объяснил, кто встретит, что делать и чего ждать. И встретить-то его встретили, но не те, о ком говорил Алексей Иванович. Всё пошло не по плану с самого начала.

Когда Костя, оттолкнувшись от борта и держась рукой за цепь, прыгнул в колодец, он не почувствовал воду. Стремительный и короткий спуск напоминал болтанку в аэродинамической трубе, куда его в прошлом году водил папа. Три-четыре секунды воздушный поток надувал одежду и щёки, сорвал бейсболку и, покрутив, выбросил в прозрачную водную глубину.

Алексей Иванович (Костя всё никак не мог привыкнуть называть его Кощеем, даже про себя) наказывал ему в этот момент задержать дыхание и выплывать наверх. Там не слишком глубоко, говорил он, выплыть можно будет быстро, если не паниковать.

Так и есть, до поверхности не больше трёх-четырёх метров, и сквозь прозрачную толщу воды Костя отлично видел солнечный свет. Оттолкнувшись ногами и энергично работая руками, он начал всплывать. Он хорошо плавал для своих лет, но до сих пор ему ещё не приходилось бывать в воде одетым, обутым и с тяжёлым рюкзаком на плечах. Мокрая ткань одежды стесняла движения, рюкзак тянул вниз, и Костя со страхом понимал, что почти не продвигается.

В иной ситуации он бы немедленно скинул и рюкзак, и полные воды хлюпающие кроссовки и спокойно бы всплыл. Но сейчас он не мог позволить себе такой роскоши. В рюкзаке лежал его билет обратно; потерять его означало бы застрять здесь надолго, а то и навсегда. Поэтому Костя отчаянно бил ногами и руками по воде, пытаясь всплыть и думая о

том, где же обещанный Алексеем Ивановичем водяной Коля – страж озера, который должен был его встретить.

Коли не было. Мальчишка выбивался из сил, воздух в лёгких заканчивался, и он с ужасом думал, что захлебнётся раньше, чем вынырнет. До поверхности оставалось не больше полуметра, буквально один рывок, как вдруг что-то тяжёлое и гибкое скользнуло по ноге. От неожиданности он сорвался, дёрнул головой, пытаясь посмотреть вниз, и тут же хлебнул воды.

В глазах потемнело; Костя закашлялся, пуская пузыри, заколотил руками по воде и в этот момент, не успев ничего ни понять, ни осознать, попал в струю мощного течения. Он ещё раз невольно хлебнул воды и потерял сознание.

* * *

Костя пришёл в себя на песчаном берегу озера. Открыв глаза, он успел заметить зелёную крону сосны, заслонявшей часть высокого выцветшего неба, и тут же перевернулся на живот, давясь и кашляя водой. Откашлявшись и отдышавшись, Костя приподнялся, сел на коленки и увидел Колобка.

Он узнал его сразу. Он успел прочитать про него и знал, что в этом мире Колобок – лучший разведчик, с которым не сравнятся даже вороны Чёрной балки. В отличие от них, Колобок был мастером маскировки, умел проникать куда угодно и оборачиваться кем угодно, а сверх того – ещё и толма-

чил на языке всех зверей и птиц Третьего мира.

Колобок служил на посылках у дьяка Коломны, и раз он здесь, значит, по приказу дьяка и никак иначе. Случайно ли, что вместо обещанного водяного Коли его встречает лучший шпион Коломны? Что ему понадобилось именно здесь, именно сейчас? И не нарушит ли это их с Алексеем Ивановичем планы?

Костя решил не гадать. В конце концов, ему всё равно нужно добираться до города, а раз Коли нет, придётся воспользоваться услугами другого помощника и провожатого.

– Привет, Колобок! – стараясь звучать как можно более естественно и жизнерадостно поздоровался Костя. – Ты ведь Колобок, да?!

Это был Колобок, Косте не было нужды уточнять. Размером с баскетбольный мяч, серо-жёлтого цвета, с коротенькими ручками и ножками и большими изумлёнными глазами. Если Костя был просто удивлён, встретив на озере вместо Коли Колобка, то Колобок был натурально потрясён. Если он и ждал здесь кого, то явно не его.

– А я – Костя, Костя Благов, – Костя протянул Колобку руку, но тот явно не понимал, чего от него хотят, и продолжал испуганно хлопать глазами.

Костя смутился. Он опустил руку, повертел головой.

– А где Коля? – как можно непринуждённее спросил Костя. – Я думал его встретить, и Алексей Иванович говорил…

– А Коля убёг, – Колобок нервно сглотнул, махнул ладо-

шкой куда-то в сторону. – С русалкой, значит… на острова…

– Да? – Костя с досадой почесал затылок, пригладил мокрые волосы. – Как же я тогда в Волхов попаду? Алексей Иванович говорил, что Коля меня доставит на лодке.

– Так это… лодку-то мы мигом! – Колобок опасливо подошёл поближе. – А тебе куда, мальчик?

– В Волхов! К царице, к Марье Моревне. Это далеко отсюда, Колобок? – Костя вертел головой, осматривая обступающий со всех сторон озеро лес.

– Дык… смотря чем добираться. А зачем тебе, мальчик? – Колобок подозрительно смотрел на него.

– Надо мне, Колобок, – Костя поднялся, отряхивая колени. – Мне надо увидеть Марью Моревну, передать ей кое-что от Алексея Ивановича… то есть, извини, от Кощея.

Реакции Колобка Костя определённо не предвидел. Колобок в ужасе попятился и, споткнувшись, сел на пятую точку, растерянно уставившись на Костика.

– Кощея? – тоненьким голосом переспросил Колобок.

– Ну да, Кощея, – Костя не очень понимал такой странной реакции. Понятно дело, что Кощей не Снегурочка, а как бы колдун, но чего так пугаться-то? Здесь многие колдуют. – У меня есть послание от него, надо бы доставить…

– У тебя сообщение от Кощея к царице? – Колобок вскочил на коротенькие ножки.

– Ну да. Он сказал, что надо до царицы добраться. Ты можешь помочь?

– Так это… это мы мигом, – Колобок засуетился, потёр ладошки, посмотрел по сторонам. Кинулся к сосне справа, передумал, подбежал к тополю слева. Гигантский, в четыре охвата, тополь рос у самой воды, и корни с одной стороны уходили в озеро.

Колобок постучал по стволу.

– Ну? – довольно-таки недружелюбный голос раздался, кажется, из недр дерева.

– Лодку на двоих! – Колобок метнулся обратно к Косте, передумал, снова подбежал к дереву. – И три щуки! – Снова побежал к мальчику, опять что-то вспомнил, вернулся к тополю. – И сообщение дьяку: «Исток вскрыт, у нас гость. От Кощея».

Костя не знал, за чем следить, дальше всё происходило одновременно. Мощные корни тополя, уходящие в воду, раздвинулись, из-под них выплыла лёгкая резная лодочка с тремя кожаными хомутами. Тут же подплыли три полутораметровые щуки, закусили хомуты и с готовностью забили хвостами и плавниками. Откуда-то сверху, может быть, из пожелтевшей кроны тополя или из дупла, вылетела галка, покружилась над Костей с Колобком, кивнула и улетела.

– Эй, мальчик! – Колобок махал Костику из лодки. – Садись!

Восхищённо глядевший на всё происходящее Костя подхватил рюкзак, вынесенный на берег вместе с ним, поискал глазами пропавшую бейсболку, махнул рукой и осторожно

залез в покачивающуюся лодку. Колобок уже устроился на передней скамеечке, и Костику оставалось присесть на заднюю. Он опустился, пристроив рюкзак между ног, и поднял вопросительный взгляд на Колобка. Колобок готовно моргнул, похлопал ладошкой по бортику лодки.

– В Волхов! – пронзительно крикнул он. – Живо, щучьи дети!

Удивительное дело! Говорил Колобок вроде на человеческом языке, но звери его отлично понимали. Во всяком случае, щуки тут же выгнули спины, напряглись и, бешено работая плавниками, рванули утлую лёгкую лодочку с такой скоростью, что Косте пришлось ухватиться руками за борта, чтобы не свалиться.

В несколько секунд щуки перенесли лодку к другому берегу и устремились в незамеченный Костей ручеёк, вытекающий из озера. Если это дорога к столице, соображал Костя, поёживаясь на ветру в мокрой одежде, то ручеёк этот – легендарная Молочная река.

Об этом было написано в самой первой главе, Костя это хорошо помнил. Озеро, в котором он всплыл, магический Исток – и портал между мирами, и источник сказочного Третьего мира. В нём берут начало три реки – Молочная, по которой щуки несут его сейчас к сказочному Волхову; Живая река, в дельте которой раскинулось легендарное Лукоморье; и Мёртвая река, прикрывающая подступы к Долинному царству Бессмертного.

Костя не заметил выходов ни Живой, ни Мёртвой рек: щуки слишком быстро пронесли его по озеру. Он на мгновение пожалел, что его сказочное путешествие продлится так мало – уже завтра утром надо возвращаться, и не доведётся ему увидеть и сотой доли чудес этого волшебного мира, явившегося ему со страниц Книги. Книги, которую ему дал Бессмертный. Книги, которая перевернула его жизнь. Книги, которая лежит сейчас у него в рюкзаке вместо выкинутых учебников и без которой он мог сюда попросту не попасть.

Триггер, говорил Алексей Иванович. Триггер… триггер… Костя не очень понял, что это такое, но слово ему понравилось и он его запомнил.

Щуки вынесли лодку из неширокого ручейка, текущего под сводами светлого осеннего леса, на холмистые просторы, где ручеёк раздавался вширь и превращался в полноводную быструю реку с беловатой пеной на поверхности от многочисленных донных ключей. От этого она получила своё название, а вовсе не от молока, якобы текущего в кисельных берегах. Об этом Костя тоже прочитал в Книге.

Холмистые берега с желтеющей осенней травой, перемежаемой в низинах и на спусках ещё зелёной осокой, на которой то там, то тут паслись небольшие стада коров и овец, сменялись лугами с поставленными на зиму стогами сена, а потом и вспаханными полями. Лодка шла так быстро, что Костя еле успевал замечать прибрежные деревеньки со свежими сосновыми причалами, редких рыбаков в затонах и

ветряные мельницы на холмах.

Скупой пейзаж немного разбавляли тёмно-зелёные или красно-золотые линии лесов на горизонте да яркие блики на реке от уходящего вперёд солнца. Солнце спешило опуститься впереди них, и значит, соображал Костя, они шли на запад. Если к этому миру вообще были применимы знакомые географические понятия его привычного мира.

От слепящего солнца и встречного ветра слезились глаза, и Костя не сразу заметил сказочный Волхов, конечную цель своего путешествия. Он возник неожиданно, вырос буквально на глазах и сразу заполнил собой всё поле зрения. Река прорезала город аккурат посередине, и вскоре Костя уже проплывал под сводчатым мостом, по обоим краям которого стояли дежурные заставы, а с перил свешивались любопытные ребятишки.

Когда Костя узнал, что столица Девятого царства называется так же, как и его родной город, он пришёл в изрядное недоумение. Не то чтобы это удивило его как-то особенно сильно, тем более на фоне прочих открытий последних дней, но всё-таки заинтриговало, и он счёл нужным специально поинтересоваться у Алексея Ивановича насчёт этого обстоятельства.

Алексей Иванович не стал напускать туману, а просто и честно пояснил, что да, мол, столица волшебного царства иначе как Волхов называться и не могла. Были волхвы и в Древней Руси, и особенно долго и упорно держались они тут,

в этой местности, на речке меж Ильменем и Ладогой, которую и связали в итоге с их именем. Городок же назвали в честь речки, и то, что Костя родом именно отсюда, так это чистой воды случайность и совпадение, хоть и весьма занятное.

Почему же всё-таки именно он? Этот вопрос Костя задал последним, перед тем как прыгнуть в колодец. Алексей Иванович посмотрел на него задумчивым взглядом и пообещал, что как только Костя вернётся, он ответит ему. Впрочем, добавил он, возможно, Костя и сам уже всё поймёт к этому времени.

Пока Костя понимал лишь то, что из своего родного, чистенького, ухоженного, но такого скучного и провинциального Волхова он попал в *другой,* сказочный Волхов. Этот город он увидел в колодце, словно проплывая над ним на воздушном шаре. Здесь правит царица Марья Моревна, сильнейшая волшебница сказочного мира – после Кощея Бессмертного. Здесь живёт Иван-царевич, пасынок Марьи Моревны и начальник придворной гвардии. Сюда сбежал из Лукоморья кот учёный, сюда привёз с охоты на Белых Водах царь Василий несчастную потеряшку Лику.

У Кости захватило дух. Знакомые и незнакомые герои сказок, которые являлись ему во сне и со страниц таинственной Книги Третьего мира, живут в этом городе. Они на самом деле живут, как этот вот Колобок-разведчик, как щуки-извозчики, и очень скоро, буквально через несколько ми-

нут, он встретит уже настоящих волшебников.

Щуки тянули лодку между берегов, к которым вплотную подступали каменные дома. Набережной как таковой не было, река шла по стенам домов, и Костя подумал, что, видимо, здесь не бывает ни наводнений, ни паводков, иначе никто не стал бы строить так рискованно. Из окон первых этажей можно было, наклонившись, зачерпнуть воду прямо из реки. С балконов можно ловить рыбу, рассуждал Костя, осматривая проплывающие мимо него улицы.

Улицей, впрочем, сложно было назвать реку, стиснутую с обеих сторон домами; не было здесь ни людей, ни даже лодок – прогулочных или торговых. Улицы, видимо, были с другой стороны домов. Из-за нависающих стен и карнизов Костя не мог разглядеть и оценить город; не мог даже понять, больше или меньше он его родного Волхова. Ясно было, что это *другой* Волхов, но насколько *другие* здесь люди?

Река поворачивала на север, и справа, в изгибе реки, поднимался великолепный белокаменный Мариинский дворец – резиденция царицы Марьи Моревны. Южной башней дворец опирался на изгиб Молочной реки; дальше, на север, через корпус, возвышалась Парадная, центральная башня, а за ней виднелась третья, Северная башня.

Щуки повернули вместе с рекой на север и, замедляя ход, приближались к Парадной башне, от которой уступами спускалась к гранитному причалу мраморная лестница. Костя восхищённо задрал голову, осматривая верхние этажи ба-

шен и корпусов дворца, в окнах которых отражалось заходящее солнце, и на балконе Северной башни увидел её, царицу.

– Марья Моревна! – восторженно прошептал он.

– Э… да, – растерянно согласился Колобок. – А ты откуда её знаешь?

– Ну как же! Царица-волшебница и сестра Кощея – как же не знать?!

– Да, – Колобок боязливо съёжился, вскинув глаза на царицу и тут же отведя взгляд. – Щас она нам задаст.

– Почему? – заинтересованно спросил Костя.

Колобок не успел ответить. Щуки подвели лодку к берегу и ткнули бортом в гранитный причал. На нижней ступеньке лестницы у самой воды стоял высокий тощий с лысиной на темени и короткой жёсткой щетиной старший дьяк Коломна. Его Костя тоже узнал, едва только перевёл взгляд с балкона на причал.

Коломна маячил за плечом у Марьи Моревны едва ли не на каждой иллюстрации с последней. Ближайший помощник и советник царицы, её неофициальный заместитель по всем гражданским делам, служивший ещё её покойному мужу, самолично встречал сейчас Костика с Колобком.

– Прошу, прошу, – скрипучим голосом приветствовал он Костика, подавая ему руку и помогая выйти из лодки. – Добро пожаловать в Волхов! Царица вас ожидает. Если хотите привести себя в порядок, то это можно…

Коломна не договорил. Марья Моревна, продолжающая

наблюдать с балкона, сделала едва заметный жест правой рукой, и Костя со своим рюкзачком, который он как раз надевал на плечи, исчез с причала. Коломна мгновенно обернулся на царицу. Та слегка повела головой и ушла с балкона внутрь башни.

Так, понятно! Государыне не терпится самолично допросить нежданного гостя. То, что Исток вскрыт, они узнали ещё до прибытия галки от Колобка – спасибо Золотому петушку и Баюну, примчавшемуся с вестью. Но вот то, кто прибыл с той стороны, стало для них неожиданным сюрпризом, и вполне понятно желание государыни побыстрее всё выяснить. Его же дело было разобраться сейчас с остальными. И по возможности тихо, не будоража народ непроверенными слухами.

Коломна повернулся и, раздражённо откидывая полы светло-серой атласной ферязи, стал быстро подниматься по лестнице. Колобок семенил сбоку.

– Я тебя зачем посылал, сыч ты печёный?! – свирепо обернулся на ходу Коломна. – Колю, Колю проверить! А ты мне кого привёл?!

– Дак нету Коли! – виновато заморгал Колобок.

– Опять запил?

– Филька сказал – влюбился. В Вику., в русалку ту… помните? Ну и махнул с ней на Подветренные острова.

– Как она вообще оказалась в наших краях?! – разорялся Коломна, шагая по коридорам дворца и отшвыривая двери

одну за другой. – Ей же запрещено появляться здесь. Тем более в Истоке. Ну, Коля! Ну, попадись только мне в руки! Шкуру живьём спущу! А русалку ту в молоке сварю!

Коломна схватился за ручку очередной двери, остоялся, повернулся к Колобку.

– Ну, так и кто это? – тихо спросил он.

– Говорит: послан, – так же тихо ответил Колобок, прикладывая правую ладонь тыльной стороной к левому углу рта. – *Оттуда*… Кощеем…

Коломна привалился спиной к стене, вытащил платок, вытер вспотевший лоб. Конечно, этого следовало ожидать. Но что теперь делать, он не представлял. И тем более не мог представить, что решит царица.

* * *

Костя не успел понять, как он переместился с причала в кабинет царицы на верхнем этаже башни. Он не успел приготовиться, не успел даже что-то почувствовать, и вот уже стоит посреди просторного, светлого, отделанного розовым мрамором кабинета лицом к окнам и раскрытой балконной двери, в которую входила Марья Моревна.

Костя читал, что царица моложе своего брата на семь лет, и, значит, сейчас ей должно быть лет тридцати восьми или около того. Но выглядела она явно моложе и свежее. Безупречный цвет лица оттенялся тёмно-каштановыми чуть

вьющимися волосами, едва доходящими до плеч и схваченными золотой диадемой с плоской фигурной коронкой на лбу. Коронка образовывалась анаграммой из двух искусно переплетённых заглавных «М», составлявших, как знал Костя, инициалы царицы.

Стройный тугой стан царицы подчёркивало узкое тёмно-синее платье с ремешком на поясе и накинутой поверх него лёгкой, отороченной по краям мехом безрукавки, не застегивающейся спереди и с полами до каблуков серых кожаных башмачков.

На правой руке царицы блестел золотой перстень с синим камнем, похожим на сапфир. Тот самый перстень, который Костя встречал на всех картинках всех волшебников. Только они носили подобный перстень с синим камнем Лонгиром.

Костя осознавал, что царица разглядывает его с таким же вниманием и интересом, как и он её, и, может быть, даже с большим. Он-то успел познакомиться с ней заочно, на страницах Книги, а вот она его видит впервые. Надо бы, что ли, представиться, поздороваться, сказать, кто он, откуда и зачем. Но во рту у него внезапно пересохло, он не мог выговорить ни слова и только ждал, что скажет царица.

– Ты не замёрз, мальчик? – неожиданно мягко на фоне подозрительного взгляда спросила царица и, не дожидаясь ответа, повела рукой в сторону камина.

Костя вздрогнул. Огонь в камине вспыхнул сразу и с такой силой, будто горел уже не меньше часа. Языки пламени

наклонились в сторону комнаты, и мальчика охватила такая мощная, но не жгучая струя тепла, что одежда на нём высохла за несколько секунд и он действительно перестал стучать зубами, на что даже уже не обращал внимания.

– Ой… спасибо! – благодарно воскликнул Костя, ощупывая сухие штаны, рубашку и куртку. – Спасибо! – повторил он, поднимая глаза на царицу.

– Что ж, будем знакомиться, мальчик, – она слегка кивнула ему. – Как тебя зовут?

– Костя. Костя Благов.

– Откуда ты?

– Марья Моревна, я… – Костя вздохнул, скинул рюкзак, поставил его перед собой.

– Ого, ты знаешь моё имя! – недоверчиво прищурилась царица. – Откуда?

– Марья Моревна, я… – Костя расстегнул молнию на кармане рюкзака, достал золотые часы. – Я должен вам сначала передать это. А то он сказал, что вы не поверите.

– Кто – он?

– Ваш брат. – Костя протянул часы царице. Она осторожно взяла их, посмотрела остановившимся взглядом, явно собираясь с духом. Потом щёлкнула крышкой и тут же захлопнула, судорожно вздохнув и сжав часы в кулаке.

Царица отвернулась к окну, обхватив себя руками и явно пытаясь унять дрожь. Костя не очень понимал, что её так потрясло. Часы как часы. Красивые старинные золотые ча-

сы с выгравированным вензелем КБ на внутренней стороне крышки. Единственное – они не работали и служили скорее медальоном, чем часами.

Когда Алексей Иванович показал их Косте, он сказал, что это единственная его вещь, сохранившаяся ещё со сказочного мира. Он сделал их сам, таких часов больше нет ни у кого, и Косте достаточно показать их царице, чтобы та поверила ему. Надо сразу объяснить ей, кто он и от кого, иначе подозрительность царицы, и особенно Коломны, обернётся многодневными допросами и всё окажется бессмысленным.

Царица поверила, это факт. Но почему она так испугалась? Костя заподозрил, что в её отношениях с братом было что-то такое, во что Алексей Иванович не счёл нужным его посвящать. И это что-то может осложнить предстоящий разговор.

Костя не успел додумать мысль. Царица повернулась. Она выглядела спокойно и деловито. Бросив часы на мраморный стол, она села в кресло и предложила Костику присесть напротив. Костя пододвинул тяжёлое, обитое бархатом кресло к столу, сел, поставив рюкзак в ноги.

Скрипнула дверь. В комнату пролез крупный серый кот с белым брюхом и лапками. Он с независимым видом пересёк кабинет, не обращая никакого внимания на рыбок в аквариуме во всю стену, и мягко вспрыгнул на стол. Кот с хитрецой посмотрел на царицу, потом на мальчика, уселся, зевнул и явно приготовился слушать.

«Это Баюн, – решил Костя, – кот учёный!» Картинок кота в Книге он не видел, а может, просто не успел дочитать до него. Но в сказке Марьи Моревны упоминался её кот Баюн, и, кажется, это вот он и есть.

– Я так понимаю, мальчик, ты знаком с моим братом? – произнесла царица, изучающе глядя на Костика. – Ты вполне представляешь себе, кто он такой?

Костя энергично закивал. Ещё бы он не представлял, когда тот сам всё рассказал. Да и написано про него в Книге едва ли не больше всех.

Царица недоверчиво хмыкнула.

– Сомневаюсь, мальчик. Но допустим. Зачем он отправил сюда часы, понятно. А вот зачем он отправил тебя?..

– Ну… – Костя смутился. Он не ждал, что так быстро дойдёт до самого главного и немного растерялся. – Ну, он сказал, что вы поможете мне.

– Я?! – царица была непритворно удивлена. – Как?!

– Ну… дело в том, что… В общем, у меня родители разводятся, и я подумал… Если честно, это не я, а Алексей Иванович… Ну, то есть Кощей, ваш брат… Он сказал, что перо Жар-птицы… – Костя замялся.

– Возвращает всё потерянное, включая любовь, – закончила за него Марья Моревна. Она печально усмехнулась. Показалось Костику или нет, но взгляд царицы кажется чуточку смягчился. Он приободрился.

– Ну да… А ещё у меня пропала одна… ну, няня моя. Мы

с ней дружили, и она куда-то пропала, и никто не знает, где она. Алексей Иванович сказал, что перо поможет найти её.

– Алексей Иванович, – задумчиво повторила царица. – Так его зовут в вашем мире?

– Ну да. – Косте казалось, что всё идет хорошо; если честно, он ждал даже большей подозрительности и недоверия. – Алексей Иванович Бессмертный, детский психолог.

– Извини?

– Ну, это вроде врач, только для головы, – Костя покрутил пальцем около виска. – Для мозга. Для ума. Если у кого проблемы – вот он помогает.

– Ты так с ним познакомился? – ему показалось, что в глазах царицы мелькнули насмешливые искорки. – Как с врачом?

– А что? – насупился он.

– Ну, интересно же, как там устроился наш брат, – сейчас царица даже и не подумала скрывать усмешку – Кажется, у него всё хорошо, не правда ли?

– Ну… наверное, – Костя не очень понимал, куда клонит царица. – У него свой дом, работа. Наверное, всё хорошо…

– И он не хочет вернуться? – царица внимательно посмотрела на Костика. Кот насторожился.

– Да как же он сможет, если на нём Запрет?! – недоумённо пожал плечами Костик.

– Ага! – воскликнула Марья Моревна, частью торжествующе, частью недоумённо. – Значит, он рассказал тебе и про

это?!

– Ну да! – кивнул Костя. – Он поэтому и рассказал мне про колодец, что сам не может здесь побывать. Он сказал, что если бы не Запрет, он бы сам… А так больше никто… Сказал, только вы знаете, где перо…

Царица закусила губу.

– А он не сказал тебе самое главное? – спросила она, помолчав.

– Чего? – подозрительно нахмурился Костя.

– Я знаю, где Жар-птица, мальчик. Это правда. Но я не смогу достать её перо.

– Почему? – испугался Костя.

– Потому что мой брат сам упрятал Жар-птицу там, где её никто не достанет. Она в Холодном Логе под таким количеством заклятий, что даже мне их не снять. А учитывая, что это Корневые чары, возможно, уже и ему самому.

– Он ничего такого не говорил, – побледнел Костя.

– Ну разумеется. И я вполне представляю почему.

– Почему?!

Царица помолчала, словно взвешивая про себя, говорить или нет.

– Он рассказал, как тебе возвращаться? – тихо спросила она.

– Ну, так же… тем же путём… через озеро… – забормотал Костя. – Завтра, в шесть утра… он меня встретит… на том же месте…

Царица смотрела на него, почёсывая загривок кота. Костя напряжённо вспоминал: может, Алексей Иванович говорил всё же что-то такое? Или в Книге было, а он пропустил?

Может, в Книге и есть что-то про Холодный Лог, лихорадочно думал Костя, но только не в тех главах, что он уже прочитал. А тогда получается, что кто-то из них его обманывает – либо царица, либо её брат. Но зачем им это? Зачем Алексею Ивановичу обманывать его – Костя совершенно не представлял. И уж тем более не мог представить, зачем это делать Марье Моревне.

Ни с того ни с сего мяукнул кот. Царица подняла голову, Костя обернулся на дверь. В кабинет без стука вошёл Иван-царевич.

Костя его узнал, про царевича он успел прочитать. Высокий, статный, сероглазый, черноволосый красавец лет двадцати пяти неслышно пересек комнату, наклонился к Марье Моревне, поцеловался, слегка касаясь щеками, и выпрямился, холодно глядя на Костика.

Мальчишка поёжился. Вживую царевич выглядел ещё надменней и неприветливей, чем на картинках.

– Иван, у нас гости, – произнесла царица, кивая на Костика.

– Да, уже слышал.

– Костя, это царевич Иван, – Марья Моревна повела ладонью. – Иван, это Костя.

– Здрасьте! – пробормотал Костя, неловко кивнув. Он за-

метил, что Иван не носит кольца.

– Так это, значит, и есть посланец? – сухо поинтересовался царевич, осматривая Костика с головы до ног.

– Нет, я… я не… – испугался Костя непонятно чего. Надо бы им объяснить, что он никакой не посланец и вообще ничего плохого никому не желает. А то тут все, кажется, начинают чураться его, стоит им услышать имя Кощея.

– Иван, он не посланец, – мягко осадила пасынка царица. – Мальчик здесь вообще ни при чём, он ничего не знает.

– Тогда что ему здесь надо? – Царевич заметил золотые часы на столе, поднял их, рассматривая в свете огня камина. Солнце уже почти зашло, небо за окном потемнело. – Как он вообще попал сюда?

– Ему надо всего лишь перо Жар-птицы, – в голосе царицы Костя не услышал сарказма, скорее печаль. – Вот только он не знает, что…

Что он не знает, ни Костя, ни царевич дослушать не успели. Через раскрытую балконную дверь Костя расслышал, как кто-то стучит каблуками, взбегая по мраморной лестнице к Парадной башне. Спустя пару секунд в двери показался Коломна.

– Матушка-государыня, тут до твоей милости…

– Да, знаю, – она встала. – Сейчас иду.

Костя вскочил с кресла, нервно поглядывая на царицу. Кто это ещё тут прибыл до её милости?

Царица тепло оглядела Костика, взяла его за плечо.

– Костя! – Она слегка наклонилась, заглядывая ему в глаза. – Нам надо обсудить твою просьбу. Как ты понимаешь, мы здесь ничего такого не ждали и не готовились. Придётся подумать, решить, как действовать. Мы ненадолго. Ты пока отдохни здесь. Посиди, покушай.

Царица взмахнула рукой, и перед Костей вырос столик с кушаньями. Мальчишка обомлел. Мало того что почувствовал зверский голод и вспомнил, что с самого утра ничего не ел, так ещё и блюда на столе выглядели так аппетитно и пахли так заманчиво, что отбили всякие другие мысли и желания, кроме как сесть и умять всё это за обе щёки.

В синеватой тарелке с золотым ободком по краю дымилась солянка. Рядом в маленьком горшочке стояла густая сметана, которую Костя сначала принял было за майонез, но тут же сообразил, что ну нет, какой тут ещё майонез. Хлеба не было, но лежали в корзинке пирожки, кажется, только что из печи. На отдельном блюде уютно расположился жареный цыплёнок, тускло поблёскивая аппетитной корочкой. В узком кувшине плескалось какое-то питьё с нежно-малиновым запахом, а на крохотной яблоньке, росшей прямо из стола, висело пять-шесть румяных яблок – срывай и ешь.

– Спасибо! – выдавил мальчишка, пододвигая стул к столику и хватая одной рукой пирожок, а другой ложку. Он даже не заметил, как царица с остальными вышли из кабинета. Пирог с мясом оказался таким вкусным, что Костя даже застонал, проглотив кусок не разжёвывая. Он потом подума-

ет над этой неожиданной заминкой с Жар-птицей. Кормят здесь слишком хорошо, чтобы ещё и думать во время еды.

Глава 9. Семейное дело

– Марья! – царевич догнал её в переходе, попытался взять за руку. – Марья, постой!

– Не сейчас, Иван! – она отдёрнула руку и прибавила шаг. – Вот только не сейчас.

– Да погоди ты! – царевич всё же схватил мачеху за локоть, развернул лицом к себе. – Что с тобой?! Приди в себя, ты не можешь являться им в таком виде.

В полутьме коридора он смутно различал на побелевшем лице царицы с трудом сдерживаемые смятение и боль. Она была вне себя и могла вот-вот сорваться. Ну, пусть уж лучше здесь, чем на людях. Коломну с котом Иван за «людей» не считал; они знали про царицу больше и говорили меньше, чем она сама.

– Я в порядке! – Марья вырвала руку, и тут же, пошатнувшись, схватилась за стену. Царевич опять подхватил её за локоть.

– Ты не в порядке! Марья, успокойся. Всё не так страшно, как кажется.

– О да! – она невесело рассмеялась. – Всё гораздо страшнее.

Царица глубоко вздохнула и снова двинулась по коридору.

Кот вприпрыжку нёсся впереди; царевич и Коломна шли по сторонам, отставая на полшага.

– Года не прошло! – бормотала царица, спускаясь по лестнице Парадной башни. – Года! А он уже стучится с того света! А ведь обещал Велизарий, клялся, что навсегда!

– Он ещё не здесь, Марья! – напомнил царевич.

– Да?! – она резко обернулась, взяла из руки царевича часы, которые тот подобрал на столе в кабинете, подняла к его глазам. – А вот это вот что? Этого тоже здесь не должно быть, а они здесь. И ты готов поклясться, что он не превратил их в ключ?!

Царевич промолчал. Марья гневно встряхнула головой и двинулась дальше.

– Что мы знаем о мире, куда он попал?! – говорила она, со злостью толкая двери и проходя один зал за другим. – Ничего! Что он мог там придумать, какие тайны постичь?! Если он меньше чем за год прорвал заклятие…

– Он не прорвал, – перебил Иван.

– Какая разница! Не он, так его посланец! И что мне с ним теперь делать, Иван? Ты хоть представляешь, что мне с ним теперь делать?!

Царевич промолчал. В отличие от Коломны, он вполне себе представлял, что делать, и понимал, почему так нервничает и накручивает саму себя Марья. Нельзя в спокойном состоянии принять решение, которое сейчас необходимо. А то, что Марья его примет, Иван почти не сомневался. Если

только Ольга не вмешается и не переубедит сестру… «И чего они только примчались?! – раздражённо подумал царевич. Да ещё так скоро!»

Они вышли в Зеркальный зал с окнами в пол с одной стороны и зеркальной стеной с другой. В зале горели свечи, было светло и тревожно от колеблющихся язычков пламени.

У зеркальной стены Иван сразу же с привычным раздражением заметил супругов Скаль-Грайских. Ольга торопливо поправляла и расчёсывала растрепавшиеся волосы. Князь, отряхивая рукава бело-коричневой куртки, что-то успокаивающе и негромко говорил ей. На кресле валялись брошенные плащи; тут же жался испуганный Колобок.

Ольга обернулась на звук открывшейся двери, кинулась к царице.

– Маша!

– Оля!

Сестры поцеловались. Царевич и князь лишь кивнули друг другу. Иван недолюбливал Скаль-Грайского, хотя, честно говоря, сам не очень понимал, за что. Светловолосый, голубоглазый, с мягкими пушистыми усами и бородой, молодой князь был совершенно лишён надменности и высокомерия, смотрел открыто и просто и с первого взгляда располагал к себе едва ли не всех, с кем общался. За редким исключением, вроде Ивана, который считал князя подкаблучником и оправдывал этим, за неимением большего, свою неприязнь.

– Ну что тут, Маша, что случилось? – княгиня тормошила сестру за руки. – Мы летали под Гребнем и сразу же сорвались, как услышали. Истокчто, вскрыт? – Ольга спрашивала, подняв брови и с явной надеждой ошибиться.

– Да, Оля, вскрыт! – жёстко сказала царица. – Братец наш объявился. Прислал посланца, требует Обмена.

– Откуда ты знаешь, что он? – побледнела Ольга.

Марья протянула руку и выпустила из ладони покачивающиеся на цепочке часы. Ольга судорожно вздохнула, дрожащими пальцами взяла, щёлкнула крышкой. Несколько секунд смотрела на остановившиеся часы неподвижным взглядом. Неслышно подошедший князь взглянул на часы из-за плеча жены и задумчиво нахмурился.

– Насколько я помню, идея была в том, чтобы изгнать Бессмертного навсегда, – произнёс князь, забрав часы у жены и вернув Марье. – Ты говорила, что заклятие обратной силы не имеет.

– Не имеет, – согласилась она. – Но его можно снять.

Ольга дёрнулась что-то спросить, но, словно подавившись словом, передумала и промолчала.

– Но вы же не собираетесь? – князь переводил взгляд с жены на царицу и обратно. – Или нет? Или я чего-то не знаю?

– Ты не знаешь, кого он прислал сюда, князь, – хмуро ответила Марья. – Мальчишка. Самый обычный мальчишка. Ровесник Яны с Олегом.

– Ну и? – князь по-прежнему переводил непонимающий

взгляд. Ольга охнула, взмахнув ресницами – она всё поняла.

– Мальчишка – это наживка, князь, – терпеливо объясняла царица. – Он отправлен сюда за пером… в общем, неважно зачем – это та же приманка, только для мальчишки. Вот только он этого не знает. Он думает, что получит обещанное и вернётся домой завтра утром. А он… – царица поперхнулась, прикрыв рот ладонью.

– А он не вернётся, – закончил за неё Иван.

– Маша! – Ольга умоляюще посмотрела на сестру.

– Что? Ну что?! – вскипела царица. – Думаешь, мне этого хочется? Или ты на что-то надеешься? Не обманывай себя, Ольга! Вместо мальчика явится Кощей, и тогда нам всем… Ну что я тебе буду объяснять – ты и сама знаешь.

– Насколько я помню, Лонгира у него нет, – проговорил князь, коротко поглядывая на жену. – Вы же забрали у него перстень перед заклятием. Так чего так бояться? Пусть явится; пока он без сил, мы справимся с ним.

– И что ты предлагаешь с ним сделать? – язвительно спросил Иван. – Убить?

Князь понял сарказм.

– Убить Бессмертного не получится, это правда, – спокойно сказал он. – Но можно же обезвредить. Твоя темница, Марья…

– Моя темница, князь, – перебила она, – выдержит кого угодно, кроме него. Один раз он уже уходил из неё – заметь: без кольца! Второй раз я испытывать судьбу не хочу. Здесь

он сильнее нас всех. Он справится с нами даже без камня. Ему хватит рассеянного, а потом всё равно вернет себе прежнюю мощь.

Князь промолчал. Он знал, что это правда. После схватки у Истока Ольга вернулась как будто бы не в себе – вымотанная до предела и совершенно без сил. Вчетвером, на пределе сил, они еле-еле одолели Бессмертного, и после этой минутной схватки Ольга отходила неделю. Она говорила потом, что и Марья несколько дней не могла встать с постели.

– А что… – Ольга запнулась, помолчала, справляясь с голосом. – А что Велизарий с Морозом? Они уже знают?

Царица вопросительно обернулась на Коломну; дьяк кивнул.

– Сказали: решать вам. Если потребуются – будут.

– Нет, не надо, – качнула головой Марья. – Это семейное дело. Велизарий с Морозом здесь ни при чём.

– Ещё как при чём, – усмехнулся Иван. – Он убил Метелицу.

– Тем более, – нахмурилась Марья. – Тем более не стоит на него рассчитывать. Я уж не говорю про Велизария. Для старика он до сих пор остаётся главной ошибкой в жизни.

В комнате повисло молчание. Все понимали, что решение принято, и ждали только, кто произнесёт его вслух.

– На что же он рассчитывал? – недоумённо вздёрнул плечи князь. – Неужели он не понимал всего этого?

Сёстры переглянулись.

– На чувство вины он рассчитывал, – желчно сказала Марья. – Что мы не решимся оставить мальчишку здесь.

– Маша! – прошептала Ольга, приложив ладони к виску. – Я не могу так! Наш брат обманул его, неужели мы тоже обманем? Неужели нет никакого другого способа вернуть мальчика домой?!

– Есть, – спокойно ответила царица, глядя сестре прямо в глаза. – Не задавай глупых вопросов, Ольга, ты знаешь, что есть. Но он не перенесёт его.

Княгиня отвернулась с выступившими на глазах слезами. Да, она знала. Но легче ей от этого не стало.

«Однажды тебе придётся кому-то причинить боль, – вспомнила она слова из давно позабытых, казалось, уроков брата. – Однажды ты кого-нибудь убьёшь или устроишь что-то ещё более скверное. Конечно же, для блага других; конечно же, в исключительных обстоятельствах и только один раз. Не заблуждайся! Одним разом дело не ограничится. Некоторые поступки имеют слишком сильную инерцию. Ты не можешь исправить их и даже контролировать последствия. Они уже сами тебя ведут».

«Он был прав! – с ужасом думала Ольга. – Мы думали на нём всё закончится! Но теперь пострадают другие люди. Из-за нас в том числе. Из-за меня! Если бы я тогда не согласилась, ничего бы этого не было!»

* * *

Тяжелее всего оказалось объяснить всё мальчишке. Ольга не смогла. Она только плакала и гладила его по голове, обещая, что всё будет хорошо и они что-нибудь придумают. Даже Марья почувствовала, что это выше её сил. Пришлось позвать Коломну.

Сухо и деловито дьяк разъяснил плачущему мальчишке ловушку, в которую его послал Бессмертный. Самый зловещий колдун Третьего мира был изгнан в мир без волшебства, где он не мог колдовать и творить те злодеяния, что совершал здесь. Проход между мирами устроен таким образом, что в волшебный мир из не-волшебного можно попасть, только зная о нём и видя, куда направляешься.

В обратном же направлении можно переместиться лишь в том случае, если кто-то заменит выбывающего – иначе проход не откроется. Чтобы Костя вернулся обратно через озеро Истока в колодец на усадьбе Бессмертного, нужно чтобы кто-нибудь в это же время нырнул в колодец и открыл проход. Иначе вернуться не получится, можно просто захлебнуться и утонуть в озере.

Очевидно, Бессмертный рассчитывал поменяться с мальчиком, открыв для него проход, и самому вернуться обратно. Но есть проблема. Как Костя справедливо заметил, на нём заклятие Запрета. Он не может вернуться в волшебный мир,

пока заклятие не снято. А снять могут лишь те, кто наложил его при изгнании: четыре сильнейших волшебника сказочного мира после него самого – Мороз, Велизарий, царица Марья и княгиня Ольга. И для этого нужно согласие их всех четверых.

Но согласия никто не даст. Бессмертный оставил по себе здесь слишком дурную память, чтобы кто-то снова решился пустить его в Третий мир. Он изменился, пытался доказать Костя, он стал хорошим, он никому не причинит вреда.

В это сложно поверить, возражал Коломна. Бессмертный обманул мальчика с Жар-птицей, обманул с возвращением – хорошие люди так не делают. Если бы Бессмертный рассказал мальчику всю правду, если бы прислал с ним официальное предложение мира и доказательства своей благонадёжности, можно было бы о чём-то говорить. А так – нет.

Так он опять взялся за свои манипуляции, опять использует людей – хуже того: детей! – втёмную. Он рассчитывал, что жалость к ребёнку даст ему пропуск обратно в волшебный мир, к источникам магии, обретя которую он вновь станет почти всемогущим и подчинит себе все царства и земли Третьего мира. Но не в этот раз.

Пойми, мальчик, убеждал убитого горем Костика дьяк, ты стал игрушкой в руках Бессмертного, и нам всем тебя очень, очень жаль. Но мы не можем рисковать спокойствием и благополучием Девятого царства и всего Третьего мира ради того, чтобы вернуть тебя домой.

Меня ждёт мама, плакал мальчишка. Она не знает, где я, наверное, думает, что пропал. Что же с ней будет, если я не вернусь?! У Ольги разрывалось сердце, она обнимала Костика, умоляюще смотрела на Марью. Царица стояла неподвижно, обхватив себя руками и глядя в огонь камина.

Если у Бессмертного осталась хоть капля совести, убеждал Коломна, он придумает, как убедить твою маму, что ты жив и с тобой всё в порядке. Но вернуться ты не сможешь, мальчик. Коломна посмотрел прямо и строго. Лучше тебе понять это сразу и окончательно. Да, сейчас будет тяжело. Но потом станет легче.

– Не станет! – зло проговорил Костя, мотнув головой. Он вытер глаза, насупился, изо всех сил стараясь сдержать новый прилив слёз. Его вдруг осенило. – А как же Алексей Иванович? Как он оказался в нашем мире? Ведь никто с нашей стороны портал не открывал, вы же его изгнали.

– Да, – согласился Коломна. – Но видишь ли, в чём дело, Костя. Мощь заклятия, используемого при изгнании, и перегрузки при переходе из нашего мира в твой таковы, что обычный человек, да хоть бы даже и волшебник, их не выдержит. Погибнет без вариантов. Остаться в живых мог только Бессмертный.

Костя нахмурился. Бессмертный… бессмертный… Ну что ж… Раз они не оставляют ему других вариантов.

– А как он стал бессмертным? – спросил Костя. Он ещё раз вытер глаза, хотя плакать уже не хотелось.

Сёстры переглянулись. Коломна наморщил лоб, пожевал губами.

– Этого никто не знает, Костя. Эту тайну он унёс с собой в твой мир.

Вот как! Костя перевёл взгляд с бесстрастного Коломны на напрягшуюся Марью и смутившуюся Ольгу. Кажется, ему опять что-то недоговаривают. Что ж, ладно. Раз ему не хотят говорить, он сам узнает, как стать бессмертным, станет им и вернётся домой. Чего бы ему это ни стоило!

* * *

– Ольга, подумай ещё раз. У тебя своих трое, зачем тебе ещё этот мальчик?!

Они стояли у крыльца, выходящего на Дворцовую площадь, тёмную и пустую в этот поздний час. Царица не хотела привлекать внимания к тому, что здесь сейчас происходит, поэтому площадь заливал один лунный свет.

– Ты его доканаешь тут, Марья, вот зачем, – сердито ответила Ольга, поддёргивая и укладывая на плечах плащ с застёжкой из маленького хрустального лебедя у шеи. – Ему нужно отвлечься от всего этого, сменить обстановку. У нас море, ладьи, дети. Ему будет с кем поиграть. А у тебя тут что? Коломна твой этот…

– Я могу приглядеть за мальчиком, – Марья была немного уязвлена.

– Не надо, Марья! – Ольга не особо старалась скрыть сарказм. – Я же знаю, тебе некогда. У тебя дела государственные, у тебя ещё что-то. Да и вообще, – княгиня наконец уложила плащ как надо, взглянула на сестру прямо, – не нужно ему оставаться здесь. Здесь всё ему будет напоминать о сегодняшнем дне. А это, наверное, худший день в его жизни.

– Ладно, уговорила, – царица устало махнула рукой. – Постарайся его там… отвлечь как-нибудь…

Ольга посмотрела на сестру предельно выразительным взглядом. Как раз за этим его и забираю, без слов поняла Марья.

Царевич хмыкнул. Царица резко обернулась к пасынку, но не успела ничего высказать – с крыльца спускались Коломна с Костей.

Насупленный мальчишка был уже одет по-здешнему. Плотная замшевая куртка с ольховыми пуговицами была опоясана кожаным ремнём, на одном боку которого удобно пристроился небольшой кошель, а на другом была заткнута пара перчаток. Вместо потерянной бейсболки мальчику дали круглую шапку с алым верхом и меховой опушкой, а вместо белых кроссовок алые же кожаные сапожки на каблуках, подбитых гвоздями.

Если бы не обстоятельства, при которых он получил новое платье, мальчишка был бы в восторге. Даже сейчас, несмотря на горестное настроение, Костя, вышагивая по мраморным полам и ступенькам крыльца, невольно старался пристуки-

вать каблуками – уж очень ему нравился этот звонкий и бравый звук.

Когда же мальчишка увидел кургузого двугорбого конька на площади перед крыльцом, у него захватило дух. Неужели это то, что он думает?! Он стремглав скатился с крыльца, подбежал к коньку, осторожно коснулся гривы.

– Вот, держи! – князь подошёл к Костику, протянул морковку. – Угости его!

Костя поднёс морковку коньку. Тот понюхал, аккуратно подхватил её теплыми мягкими губами и с аппетитом захрумкал. Костя погладил его по крупу, чувствуя, как волна восторга захлёстывает и перебивает даже обуревавшую его горесть.

– Я полечу на нём?! – всё ещё не веря прошептал он.

– Да, родной, ты полетишь на нём. – Ольга ласково огладила Костика по плечам, застегнула пропущенную пуговицу. – Чтобы не продуло. Наверху сейчас холодно, можно и замёрзнуть. Так что перчатки лучше надеть.

Костя торопливо закивал, вытащил перчатки из-за пояса, натянул их и с помощью Ольги вскарабкался в седло между двумя небольшими горбиками на спине Конька. Ольга помогла ему надеть рюкзак, и Костя, чувствуя себя на вершине блаженства, натянул поводья и упёрся каблуками сапог в стремена.

– Натягивать не надо, – посоветовал князь, и Костя тут же послушно ослабил поводья. – Ты просто держись за них, и

Конёк сам донесёт тебя куда надо.

Костя согласно закивал.

– И ещё кое-что, родной. – Ольга взяла его за руку, улыбнулась немного извиняющейся улыбкой. – Это твой первый полёт, так что давай примем кое-какие меры предосторожности. На всякий случай.

Она взмахнула рукой с блеснувшим в свете Луны синим перстнем, и крепкие кожаные ремни накрепко примотали Костика за ноги и поясницу к седлу и крупу Конька. Теперь, даже если бы он и захотел, упасть с него было нельзя.

Но сидеть было удобно. Костя пошевелился – да, определённо удобно. Не то что Гарри Поттеру на метле. Кто вообще придумал летать на метле? Наверное, тот, кто никогда в жизни не держал узкую палку между ног и не пытался удержаться на ней в таком положении на весу. Костя пару раз пробовал для забавы, и это был, конечно, кошмар. Совсем не то, что в этом плотном и удобном седле.

Мальчишка глубоко, удовлетворённо вздохнул, обернулся. На него смотрели все, но он невольно задержался на царице. Её неизъяснимый взгляд был полон печали, сожаления, и, кажется, тревоги, и ещё чего-то… Костя не мог понять чего. Надо было, наверное, сказать что-нибудь на прощание, поблагодарить за сапоги и Конька, извиниться, что ли, со своей стороны. Но Костя смог выдавить только «до свидания!» и снова сердито отвернулся. Не хочется ему сейчас с ними говорить, ну их! Невозможная семейка!

Марья печально усмехнулась. Баюн, устроившийся на перилах лестницы, скучающе зевнул, лениво прищурился, посмотрел на планирующего над крыльцом ворона. Не нравился ему этот ворон. Не из Чёрной ли балки этот разбойник? Да нет, откуда?! Как изгнали Бессмертного с той стороны, никто больше сюда не прилетал. Некому их посылать. Разве вот что Елена…

– Ладно, Маша, прощай. – Ольга торопливо поцеловала сестру, кивнула Ивану с Коломной и, взявшись за края плаща руками, развернулась лицом к площади. То же самое сделал князь.

Оттолкнувшись ногой от земли и взмахнув краями плаща, княгиня обернулась лебедем и взлетела в ночное небо. Тут же за ней устремился ястреб и, расправив два крыла по бокам, Конёк-горбунок. Несколько секунд над площадью раздавался, быстро удаляясь, восторженный визг мальчишки, потом стремительно набиравшая высоту группа превратилась в точки и растворилась в ночном небе.

– Думаешь, мы правильно поступили? – негромко спросила царица, провожая взглядом улетевших.

– Не мы, – поправил царевич, тоже прищурившись в ночное небо. – Ты. Это было твоё решение. – Он перевёл взгляд на мачеху. – Но да, думаю, ты правильно поступила.

Марья страдальчески поморщилась, покачала головой.

– Не знаю, Иван. Не знаю. До слёз жалко этого мальчишку. Как он вынудил нас поступить с ним, это просто… У меня

даже слов нет!

– Да, паршиво, – нахмурился царевич. – Но выбора особого не было. Ты всё сделала правильно.

Коломна вздохнул.

– Что? – резко обернулась к нему Марья. Знала она эти его вздохи, наизусть выучила.

– Я бы послал постеречь Исток, – негромко проговорил Коломна. – Он смог заслать сюда мальчишку. Может, это не последний его ход…

– Да, – пробормотала Марья, растерянно глядя на Коломну. – Да, ты прав. Как я об этом не подумала. Иван, ты не мог бы? – она просительно обернулась к царевичу.

– Разумеется, – тот склонился в полупоклоне с насмешливой улыбкой.

– Собери людей, – распорядилась царица. – Выставь дозоры. Если завтра кто-то объявится – сразу ко мне. Если нет, оставь караулы и возвращайся. Тебе там торчать не обязательно.

Царевич опять поклонился. Выпрямляясь, он задержался взглядом за женский силуэт, застывший в освещённом окне на верхнем этаже Южной башни. Марья перехватила его взгляд.

– Тебе не обязательно к ней заходить, – холодно сказала она. – Я сама скажу Лике, где ты и когда вернёшься.

Марья взяла пасынка за руку. Он с трудом оторвал взгляд от окна, посмотрел на царицу. Невесело усмехнулся, ещё раз

наклонился, поцеловал её руку и, развернувшись, направился к конюшне. Коломна задумчиво рассматривал свои сапоги, старательно не замечая происходящего.

* * *

Марья очень устала. Баюн уговаривал её ложиться, обещал золотые сны, предлагал, ежели царица пожелает, усыпить вообще без снов. Без толку. В конце концов, кот сдался, растянулся на кушетке возле камина и захрапел. Он обещал, поступая на службу, следить за здоровьем царицы, но что он может поделать, коли она сама не хочет за ним следить. Правильный режим и распорядок дня, очевидно, не для этой семейки.

Она не могла спать. Уже, собрав людей, ускакал в ночь царевич. Получив последние указания, спустился к себе Коломна. Давно уже спала Лика, спал дворец и весь город. А она не могла.

Марья сидела за столом и рассматривала в отблеске свечей такие знакомые, пугающе знакомые золотые часы брата. Он сделал их в те времена, когда они ещё были семьёй, когда ещё не рассорились и не погрязли во взаимной смертельной вражде. Он тогда только начинал свои рискованные опыты, и вот эти часы стали его едва ли не первым по-настоящему серьёзным успехом и прорывом. Марья не могла представить себе, чтобы он с ними расстался по доброй воле. Он всегда

ходил с ними, и даже на тот свет с собой уволок – зачем же вернул обратно?

Марья намотала мягкое тёплое золото цепочки на пальцы, открыла крышку. Ну да. Конечно. «КБ». Этот вензель он выгравировал, взяв старую мальчишескую кличку и присовокупив к ней свой нынешний зловещий титул. Он и им с Ольгой предлагал сделать такие же часы, но они отказались. Постоянно носить с собой пороховую бочку с зажжённым фитилем – удовольствие ниже среднего.

Но кое-кто не отказался. Марья знала, что такие же часы есть в этом мире у ещё одного человека, и это было ещё одной причиной, мешающей ей спокойно заснуть.

Она захлопнула крышку часов и задумалась, постукивая точеными ногтями по мраморной поверхности стола. Если часы сейчас у неё, значит, брат отправлял их именно ей. Но зачем? Что он хотел этим сказать? Не проще ли было написать письмо и передать его с этим мальчишкой? Уж почерк-то она его отличит от миллиона прочих, да и кто вообще захотел бы подделываться под Кощея?

Она опять открыла крышку часов. Стрелки мёртво стояли на без четверти три пополудни. Она не знала, работали ли часы в том мире или нет, но время это она помнила прекрасно. Незачем было брату напоминать ей об этом.

Без пятнадцати три они вышвырнули его из этого мира. Без пятнадцати три остановились его загадочные часы. Навсегда ли?

Затаив дыхание, Марья сдвинула колёсико хода и вздрогнула, тут же отдёрнув руку. В недрах золотых часов раздался тихий щелчок, и стрелки, набирая ход и негромко потрескивая, закрутились всё быстрее и быстрее, пока не слились в сплошной круг, вращающийся с головокружительной скоростью. С непонятным ей самой страхом Марья следила за бешеным вращением стрелок, непроизвольно пытаясь поймать количество оборотов, прекрасно понимая, какая это бессмысленная затея.

Когда-то, давным-давно, брат учил их развивать внимание и наблюдательность, заставляя подсчитывать количество птиц в стае, листьев на дереве и муравьев, снующих по муравейнику. Они с Ольгой как ни старались, так и не смогли достигнуть его уровня – он мог подсчитать даже зёрна, высыпаемые из мешка в ларь.

Но здесь и он был бы бессилен. Нельзя было уследить за стрелками, нельзя было подсчитать, сколько они сделали оборотов. У Марьи было смутное ощущение, что несколько сот тысяч, а может, и миллионов, пока стрелки наконец не замедлили ход и стало можно отличать секундную от минутной и часовой.

На 2:11 часы встали, и секундная стрелка пошла обычным плавным ходом. Марья непроизвольно взглянула на свои настольные часы с дельфинами. Они показывали 2:09.

Ей захотелось немедленно кого-то разбудить, растолкать, поднять с постели – Коломну ли, Велизария, да хоть бы Ба-

юна, безмятежно дрыхнувшего на диване, – чтобы поделиться увиденным, спросить, посоветоваться. Она не понимала, что происходит, что вообще произошло только что на её глазах. Рука автоматически потянулась подвести свои часы, и ей стоило немалых усилий остановиться.

Она не станет подводить своё время под время брата! Если в этом состоял его план, она не будет способствовать его осуществлению. Ни за что! Ни за что, сцепив зубы и сжав кулаки, повторяла про себя Марья. Каковы бы ни были его планы, она сделает всё, чтобы их разрушить!

Часть вторая. Братья и сёстры

Глава 1. Приглашение

Василиса знала, что её ждут. Она могла быть уже на месте, но не могла отказать себе в удовольствии пройти хоть немного пешком. В последние годы это удавалось ей всё реже и реже – и потому что болели ноги, и потому что просто не было времени.

Из-за больных ног она даже завела ходить с посохом. Не очень-то приятно в сорок лет обзаводиться старушечьим подспорьем, но что поделать: приходится расплачиваться за бурную и не слишком разборчивую молодость. Ей хотя бы можно делать вид, что это не посох, а волшебный жезл, приличествующий её статусу и званию. Многие верили.

Сегодня, однако, она не могла отказать себе в удовольствии. Майский лес был прекрасен, и не прогуляться по просыхающей после дождя и блестевшей в лучах полуденного солнца молодой дубраве было бы преступлением. И ноги почти не болели, и настроение было замечательным, и всё сегодня складывалось почти идеально, как редко уже бывало в последние годы.

Полгода назад она была здесь в прошлый раз. Сестра уже была на сносях, и Василиса клятвенно заверяла, что будет

к родам, и – не успела. Опять. Опять всё обошлось без неё, и опять ей достаётся всего лишь являться с подарками и поздравлять роженицу и всё семейство с очередным прибавлением. Ну в этот раз у неё хотя бы годное оправдание и ценный, по-настоящему ценный подарок.

Василиса шла по тропинке, радостно вдыхая свежие весенние ароматы и вспоминая вчерашний вечер. Велизария, оказалось, уговорить не трудно, да, в сущности, ничем особым он себя и не связывал. Ну, примет, ну, посмотрит. К восторженным заверениям Василисы Велизарий до сих пор относился скептически, но это уже было неважно. Он согласился посмотреть Кешу, согласился проверить его – этого было достаточно.

Василиса была уверена – Кеша справится. Знала она все проверки и испытания Велизария и сама их устраивала племяннику неоднократно. Кеша проходил их с пугающей лёгкостью. Смышлёный подросток явно заслуживал большего, чем оставаться в деревне чистить хвосты коням, и сейчас самое время вырвать его наверх.

Полина, конечно, будет против. Конечно, ей не захочется отпускать сына в далёкий Халдон, но с сестрой, была уверена Василиса, она справится. Она убедит её, что со способностями Кеши ему просто необходимо начать профессиональное обучение, и не по книгам, которые она то и дело привозит ему, а на практике, у настоящего мага и учителя.

Она могла бы и сама, наверное, но времени не было. Она

постоянно нужна была в Малахите, и сейчас – как никогда ранее. А Кеше нужно учиться, и Велизарий подходит для этого, как никто другой.

На подходе к Козьему мосту Василисе по привычке пришлось отгонять шальную мысль навестить сначала Ядвигу. Всякий раз одно и то же, всякий раз ей приходится выбирать между сестрой и старой школьной подружкой – к кому гостить первой? Но только не сегодня, осадила себя Василиса. Сегодня сестра точно заслуживает быть первой.

Василиса вышла из леса, спустилась по пологому склону холма, перешла Медянку и через десять минут подходила к небольшой деревне. У крайней избы крепкий невысокий мужик выверенными движениями окашивал лужок, периодически покрикивая на кур и гусей, лезущих под ноги.

– Федя! – Василиса радостно окликнула зятя, приветственно взмахнув посохом.

– Василиса! – улыбнулся он, откладывая косу и обнимая свояченицу. – Как раз к обеду поспела, – он отстранился. – Ты проходи, я сейчас тут закончу…

– Да ладно, Федя! – Василиса нетерпеливо повела ладонью с перстнем, срезав оставшуюся траву под корень. – Успеешь ещё поработать, посиди с нами сегодня.

Фёдор хмыкнул, кивнул на проезжающего в телеге мужика, бросавшего на соседа мрачные взгляды.

– Не стоит тебе здесь колдовать, Васса. Соседи тебя не любят. Ну и нас заодно. Думают, прошлогодний падёж обо-

шёл нас, потому что ты заколдовала.

– Да ну их! – махнула рукой Василиса. Не это её сейчас интересовало. – Ну что там, как у вас? Всё хорошо?

– Нормально, – улыбаясь, кивнул Фёдор. – Вчера родила, всё нормально. Девочка. Олей назвали.

– Ой, как хорошо! – Василиса, не сдержавшись, обняла Фёдора, притиснув к груди. – Извини, Федя, не смогла вчера прибыть. Сначала в Малахите застряла, потом в Халдоне…

– Не переживай! – Фёдор махнул рукой. – Справились, не первый раз. Маша хорошо помогала.

– Да ты что?! – обрадовалась Василиса. – Ну, Маша, умница. Всегда знала, что из неё выйдет толк. Ладно, Федя, чего стоим? Пошли уже, проведаем нашу мамашу.

Они зашли в дом, прошли полутёмные сени и оказались в просторной светлой горнице с большой белой печкой в правом углу и подвешенной к потолку зыбкой в левом. У зыбки сидела женщина в белом сарафане с голубой вышивкой, небрежно заплетённой косой, усталой, но счастливой улыбкой, и, тихо напевая без слов, качала её. У окна на скамейке сидел хмурый подросток и читал книгу. Темноволосая девочка резво бегала по комнате, расставляя на столе тарелки и кружки.

Подняв голову на вошедших, девочка брякнула тарелки на стол и, радостно завизжав, бросилась к Василисе.

– Тетя Вася! – Она с разбега обхватила её руками, повиснув на шее. – Приехала!

– Приехала, Маша, приехала зайчонок! – Василиса радостно целовала племянницу. – Как же ты выросла, проказница, какая тяжёлая стала. Ой, отпусти меня, задушишь.

– А мы тебя вчера ждали, – тараторила Маша. – А у нас сестрёнка родилась… А я знаешь как вчера помогала… Я и печку топила, и воду грела, и посуду мыла, и зыбку качала…

– Ой, ты моя умница! Совсем взрослая стала, не страшно и дом на тебя оставлять. Ну, давай, давай, веди.

Маша подтащила Василису за руку к зыбке, заглянула с гордостью, приподнявшись на цыпочках.

– Ч-ш-ш! – Полина приложила палец к губам. – Тихо ты, только уснула, – зашептала она, поднимаясь и целуясь с Василисой.

Василиса стиснула сестру за плечи, заглянула в свою очередь в зыбку Крепко спелёнатая малышка, с личика которой ещё не сошла краснота, спала, посапывая и причмокивая в такт зыбки.

– Какая красивая! – прошептала Василиса. – Сразу видно – вся в мать.

– А я? – обиделась Маша.

– А ты тоже красивая, – Полина тихо засмеялась, потрепав дочь по голове. – Только в тётю. Видишь, Оля светленькая будет, как я, а ты тёмненькая, как Василиса.

– Ну вас! – недовольно буркнула Маша, мотнув головой и не признаваясь, что замечание матери ей больше польстило, чем рассердило.

– Мой подарок новорождённой, – прошептала Василиса, проводя рукой и подвешивая над зыбкой хрустальную гирлянду тихо позванивающих и покачивающихся белых, синих и золотых лебедей.

Все восторженно ахнули; Маша тут же потянулась потрогать лебедей.

– Тихо, разбудишь! – сердито прошептала Полина, перехватив руку дочери. – Потом поиграете.

– Ну зачем же потом, – улыбнулась Василиса, отводя за плечи недовольную Машу в сторону. – Можно и сейчас. Держи, зайчонок! – Василиса повернула руку и протянула на ладони игрушку. – Это тебе.

Маша осторожно взяла круглый прозрачный шар на подставке, под куполом которого виднелся крохотный, но различимый во всех очертаниях город.

– Что это, крёстная? – спросила девочка, восхищённо разглядывая город, посередине которого, как настоящая, текла, поблёскивая, река.

– Это Волхов, Маша. Царская столица. Ты всё хотела там побывать. Обязательно побываешь как-нибудь, но пока просто полюбуйся. И тут не только Волхов. Переверни-ка вверх дном, а потом верни обратно.

Маша перевернула шар и опять восторженно ахнула. Вместо города с дворцом на реке под куполом оказался город на скале, выступающей в море. Огромный утёс поднимался уступами вперёд в море, и по склонам утёса теснились, при-

жимаясь, а кое-где и подпирая друг друга, узкие разноцветные домики. На самом верху утёса, нависая над скалистым обрывом, поднимался небольшой, но высокий дворец с узкими башенками, крутыми лестницами и висячими переходами.

– Скальный Грай! – пояснила Василиса. – Самый неприступный порт Тёплого моря, за который по сию пору идёт война.

– Красота! – восхищённо вздохнула Маша, разглядывая город под стеклом. Подошли Фёдор с Полиной, тоже с интересом склонились над игрушкой дочери. Только подросток продолжал хмуро сидеть со своей книгой у окна, украдкой бросая взгляды на игрушку сестры.

– А это Халдон, – назвала Василиса следующий город, появившийся под стеклом вместо перевёрнутого Скального Грая. Утонувший в тропической зелени и окружённый со всех сторон песками разноцветный город смотрелся под стеклом такой же экзотической игрушкой, как и сам магический шар. – Знаешь что-нибудь про Халдон, зайчонок?

– Ага, – торопливо закивала Маша. – Кеша рассказывал. Это столица Барханного каганата, город посреди пустыни. Там учит волшебству маг и прорицатель Велизарий Хлор, советник трёх последних каганов.

– Правильно, – Василиса уже не могла сдерживать довольную улыбку. – И этот Велизарий прислал приглашение Кеше.

– Чего?! – Маша резко вскинула голову, недоумённо по-

смотрев на тётку, потом на брата. Подросток, наконец, оторвался от книги, недоверчиво взглянул на Василису.

– Не может быть! – ахнула Полина. – Васса, ты что, ты в самом деле хочешь его отправить туда?

– Разве я не говорила в прошлый раз? Велизарий объявляет очередной набор, самое время попробовать Кеше.

Василиса подошла к племяннику улыбаясь, но, увидев у него синяк под глазом, нахмурилась, поняв, чего тот сидел и упорно не оборачивался от окна.

– Ты же говорила, что к Велизарию не попасть просто так, – заметил Фёдор.

– А это не просто так, это по моей просьбе, – сообщила Василиса, беря подростка за подбородок и критически осматривая синяк. – Так, Кеша, что на этот раз?

– Ничего, – буркнул подросток, мотнув головой.

– Кеша! – Василиса старалась придать голосу строгости, но получалось плохо, губы сами собой разъезжались в улыбке.

– Соседские ребятишки опять дразнили Машу, – пояснила Полина, подходя. – Кеша полез заступаться, ну и… вот.

– Сколько можно уже, Кеша?! – вздохнула Василиса, проводя рукой над глазом племянника и убирая синяк.

– А ты бы что сделала, если бы при тебе стали обзываться «ведьминым отродьем»? – горячо возразил Кеша. – Ладно меня, но они Машу…

– Балбесы! – усмехнулась Василиса. – Не взирай. Это они

со страху. Скажи им, что скоро сам станешь колдовать и превратишь их в клопов – сразу отстанут.

– Так это что, правда? – недоверчиво спросил подросток.

– Ну да, – улыбнулась Василиса. – Я поговорила с Велизарием, рассказала про тебя. Он так впечатлился, что готов провести персональные испытания. Вылетаем завтра.

Подросток ошеломлённо смотрел на торжествующую тётку, явно гордую своим подарком, встревоженных родителей и радостную сестрёнку и не мог привести в порядок свои мысли.

Конечно, говорили они об этом с Василисой, не один раз говорили. Спрашивала его крёстная – хочет ли он учиться волшебству, пойти по её стопам? Ещё бы он не хотел! Он потому и читать выучился едва ли не первый в деревне, и Василису расспрашивал, как колдовать и не научит ли его тоже.

Василиса книжки привозила, но от учёбы отнекивалась – говорила, что и времени нет, да и учитель из неё тот ещё. Но над вопросом обещала подумать, что-нибудь сообразить, походатайствовать у кого нужно.

И вот – сообразила. Свалилась как снег на голову и забирает его на испытательные в Халдон – к самому Велизарию. Без подготовки, без тренировки, без ничего.

А если он провалится? И что тогда? Снова возвращаться в деревню к топору и лопате? Под привычные насмешки и издёвки соседских остолопов. Подросток почувствовал, как

страх сдавил ему грудь до того, что стало тяжело дышать.

– Кеша! – услышал он как сквозь пелену Василиса взяла его за плечи, хорошенько встряхнула. – Ты что завис? Ты станешь волшебником, ты понимаешь это?! Тебе дадут Лонгир, вот как у меня. – Василиса приблизила к глазам подростка ладонь с синим камнем в перстне. – Ты будешь колдовать, ты овладеешь силами, подвластными немногим. Разве не об этом ты мечтал?!

Подросток поднял на тётку сияющие глаза. Да! Именно об этом он мечтал, именно к этому стремился с тех пор, как помнил себя.

Он поедет в Халдон! Он пройдёт испытания и поступит в школу, чего бы ему это ни стоило. Он станет волшебником! Разве это не лучший подарок, который только могла ему сделать тётка-волшебница?!

– Спасибо, крёстная! – выдавил он из себя, обнимая Василису. Та даже шмыгнула носом, расчувствовавшись. Наконец-то она проняла и этого застенчивого гордеца. Велизарий тоже будет доволен – она привезёт ему одного из лучших учеников за последние годы. Возможно, самого лучшего.

Глава 2. Не по плану

В зарешёченное окошко уныло вползал дождливый октябрьский рассвет. Бессмертный сидел на застеленной жёсткой койке, уперев локти в колени и уронив голову в ладони.

Он не раздевался со вчерашнего вечера и, кажется, просидел так всю ночь.

В коридоре послышались тяжёлые быстрые шаги, потом лязг замков, и в дверь вошёл Шмидт. По лицу и одежде было видно, что он тоже всю ночь не спал. Шмидт захлопнул за собой дверь, подхватил табуретку и сел напротив Бессмертного.

– Почему не вернулся мальчик? – спросил он.

Бессмертный буравил его взглядом.

– Да, – кивнул Шмидт. – Понимаю. Mea culpa! Я тебя кинул, ты имеешь полное право свернуть мне шею. Понимаю. Но ты бессмертный, у тебя есть шанс на вторую попытку У меня его нет. Так что… давай попробуем ещё раз. На этот раз по твоим правилам, обещаю. Только объясни сначала, почему не явился мальчик?

Несколько секунд Бессмертный продолжал разглядывать усталое и где-то даже потерянное лицо Шмидта с холодной злостью.

– Я так понимаю, ты отправил кого-то из своих птенцов в колодец, – произнёс он.

– Да.

– И, судя по заходу, он ушёл в портал.

– Да. Но мальчик не вернулся. Почему? Ты же говорил…

– Говорил? – невесело усмехнулся Бессмертный, хрустнув пальцами. – Я много чего говорил.

– Ты говорил, что кто-то его должен заменить в том мире.

Ты не говорил, что именно ты.

– Я и подумать не мог, что Исток откроется вам. Неужели вы и впрямь поверили в мои россказни?

– Мы расшифровали текст. Ну или он сам открылся – не знаю, как это у вас происходит. Дальше было проще.

– Вот оно что! – Бессмертный мрачно хмыкнул, покивал. – Понятно. Ну что ж, всё равно это уже не имеет значения.

– Почему?

– Потому что Марья трусливей, чем я думал. Она всё ещё боится меня, поэтому и не пустила парнишку на Обмен. Если бы она знала, что вместо меня явится кто-то другой, может, и отпустила бы. Да что уж теперь… – Бессмертный тоскливо посмотрел в серое зарешёченное небо.

– А можешь теперь перевести? – Шмидт напряжённо вслушивался в бормотание Бессмертного. – Я ничего не понял.

– Да какая теперь разница, – Бессмертный слабо махнул рукой, продолжая глядеть в окошко. – Если Марья решила меня не впускать, она не впустит. И никого не выпустит. Она не станет рисковать. Можешь забыть и про мальчика, и про своего посланца. Кстати, – Бессмертный повернулся, взглянул с интересом, – кого ты отправил в Исток?

Шмидт промолчал.

* * *

Маргарита лежала на спине, чувствуя, как кто-то легонько похлопывает её по щеке.

– Барышня! – слышала она сквозь смутную пелену – Барышня, пора приходить в себя. Воды вы хлебнули немного, больше испугались.

Маргарита открыла глаза. Первое, что увидела, – склонённое над собой лицо черноволосого красавца. Она мечтательно улыбнулась, моргнула пару раз и тут же осознала, что красавец смотрит на неё не с участливой заботой, а с настороженной подозрительностью.

Маргарита резко села, отодвинулась, оттолкнувшись ладонями и пятками по земле.

– Где я? – спросила она, оглядываясь по сторонам. Красавец поднялся с корточек и теперь стоял, возвышаясь над ней, в кожаной шнурованной куртке и плотном суконном плаще. По сторонам и за спиной у него стояли ещё семь мужиков, одетых так же, как он, с саблями и ножами на поясах.

– А куда вы направлялись? – спросил красавец, отбрасывая со лба мокрые волосы.

Шёл дождь, было холодно. Маргарита вдруг сразу почувствовала, как замёрзла в промокшей одежде под моросящим осенним дождём. Особенно заледенели ладони и ноги в кроссовках, полных воды.

– Я… – она с усилием поднялась, обхватила себя руками, пытаясь сдержать дрожь. – Я за мальчиком… точнее, вместо него. Вы ведь его сопровождали? Он ушёл обратно?

– Мальчик? – красавец недоверчиво прищурился. – А вы, значит, тоже от Кощея?

– Нет, я не от него. Я вместо него.

Маргарита чувствовала себя до крайности неуютно под подозрительными молчаливыми взглядами восьмерых вооружённых мужчин и этим проклятым дождём, от которого нет никакого спасу. Она подняла воротник лёгкой кожаной косоворотки, подтянула повыше молнию, ещё крепче обхватив себя руками.

Ныряя в колодец, Маргарита понятия не имела, чего ей ожидать на этой стороне. Она прыгала с явным осознанием того, что это безумная авантюра, и не знала даже, чего хочет больше – то ли чтобы Никита со Шмидтом успели её вытащить, то ли чтобы всё это оказалось правдой и парнишка сумел вернуться обратно. А она… она… Ну а что она? Она посмотрит, правда ли здесь такое волшебство, о котором пишут в сказках.

Пока что всё это на волшебство не очень тянуло. Маргарита хлюпала носом, понимая, что, если в ближайшее время не переоденется в сухое и не попадёт в тепло, простудится на хрен. Кажется, об этом подумала не только она.

– Наденьте! – предложил красавец, сбрасывая с себя плащ и протягивая Маргарите. Он явно здесь был за главного, хоть

и выглядел моложе своих спутников. – Одеты вы явно не по погоде, барышня. Не хватает ещё простудиться.

– С-с-спасибо! – простучала зубами Маргарита, накидывая на себя неожиданно тёплый и сухой с изнанки плащ. – Я что-то п-продрогла. М-может нам п-перенести б-беседу в более уютное место?

– Пожалуй. – Красавец обернулся, кивнул одному мужику. Тот поспешно отвязал серого в яблоках коня от ближайшей сосны, подвёл к предводителю.

– Давайте-ка в Волхов, барышня, – красавец легко вскочил в седло. – Там и будем разъяснять, кто вы и зачем. Гаврила!

Маргарита не успела опомниться, как ещё один здоровый мужик на повелительный кивок взял её обеими руками за талию и поднял на коня. Она взвизгнула от неожиданности и ухватилась одной рукой за мокрую гриву коня, а другой – за шею всадника. Кто он здесь, Маргарита понятия не имела. Представиться они забыли, а сейчас уже было и неудобно спрашивать.

– Вот так и держитесь! – посоветовал красавец, перебирая поводья и устраивая Маргариту поудобнее. – Остей, Радько – со мной! Остальные остаётесь здесь, караульте выходы. Если что – сразу шлите в Волхов.

Мужики согласно кивнули. Красавец дождался, пока названные им сядут на коней, и тронул своего. Маргарита судорожно вцепилась ледяными пальцами в кожаную куртку

своего спутника и в гриву коня.

«Только бы не упасть, только бы не упасть!» – думала она, пока красавец переводил коня с шага на рысь, а потом на скок. Было до жути неудобно сидеть боком на скачущей лошади, периодически подпрыгивая и хлопая пятками по крупу. Да ещё и тесно прижимаясь к незнакомому, пусть и красивому мужчине. Страх свалиться с коня пересиливал смущение, и Маргарита ещё крепче вцеплялась в спутника, не рискуя даже отбросить намокшие волосы со лба и стараясь не поднимать глаза на его красивое надменное сосредоточенное лицо.

* * *

Впервые в жизни Никита жалел, что не курит. Он вдруг понял, почему так много курят на войне. Что ещё делать, когда нечего делать, кроме как ждать? Он бы закурил сейчас всё равно – были бы сигареты под рукой. Но их не было, и спросить не у кого, и отойти купить тоже нельзя – Шмидт велел ему дежурить у колодца, пока не вернётся. На всякий случай.

На какой ещё такой случай Никита не представлял. Бессмысленно было чего-то ждать, понятно уже, что мальчишка не явится. Что-то пошло не по плану. Не по плану Шмидта, не по плану Бессмертного или ещё кого-то.

Когда Маргарита спустилась, держась, как Костик, одной

рукой за цепь, и Никита с колотящимся сердцем следил, как она словно проваливается сквозь дно колодца и исчезает, но никакой мальчишка не появляется ни через секунду, ни через две… три… десять… первым его побуждением было броситься в колодец вслед за Кошкиной. Шмидт удержал его.

Сквозь слой прозрачной воды, как сквозь иллюминатор самолёта, они видели проплывающий под ними мир с незнакомыми, но совсем не призрачными городами, лесами, горами. Это был настоящий, подлинный мир, пусть и по ту сторону реальности. Мир, куда ушёл сначала мальчишка, а потом Маргарита и откуда явился, по всей видимости, Бессмертный.

Вот с него и надо спросить, убеждал Шмидт Никиту, удерживая его от погони за Маргаритой. Надо догнать её, твердил Никита, пока она ещё не пропала, как мальчишка, чёрт знает где. Пока ещё не успела исчезнуть, пока ещё не поздно.

А как возвращаться, возражал Шмидт. Мальчишка не вернулся, не факт, что и Кошкина сможет. А если ещё и ты там сгинешь, мне одному вас точно не вытащить. Надо ехать к Бессмертному, выяснить у него, что случилось и чего дальше делать. Так что сиди здесь, жди, карауль. Никого не подпускай, особенно Лизу. Если что – звони, я скоро буду.

С этими словами Шмидт отбыл в Волхов, а Никита остался, не зная, что делать и чем себя занять. Он смотрел в колодец, пытаясь в неясных размытых очертаниях неведомого

мира разглядеть Маргариту, но даже редкие города проплывали под ним с высоты самолёта, людей же и вовсе было не разглядеть.

Никита почувствовал страх. Он вдруг только сейчас по-настоящему испугался за Маргариту. Чёрт его знает, куда она там попала и где застряла?! А что если навсегда? Мало ли какие там правила и люди? Если такие же, как в нашем мире, шансов у Кошкиной немного. Они вон Бессмертного не захотели отпускать обратно; что ж удивляться, что с той стороны ответили тем же.

Надо было идти ему! Надо было идти ему, в который раз подумал Никита, в раздражении постукивая кулаком по бортику колодца. Когда они решали, кому из них идти на обмен с мальчишкой, Маргарита предложила бросить монетку. Но Шмидт велел им прекратить валять дурака и приказал отправляться Маргарите. Она особо и не сопротивлялась, а надо было, подумал Никита. Надо было заартачиться, попросить отправить его, Савостьянова. И лучше с пистолетом, а то мало ли что.

Никита посмотрел на часы и застонал от нетерпения. Ну скоро он, что ли?! Долго ему ещё тут торчать, ожидая неизвестно чего. Скоро уже Лиза проснётся, а может, уже проснулась. Пойти к ней, поспрашивать? Не может быть, чтобы она ничего не знала. Она четыре года работает на Бессмертного, она семь лет была няней Кости – это не может быть совпадением, она должна что-то знать.

Никита уже почти решился, уже зашагал по дорожке к заднему крыльцу дома, когда с нескрываемым облегчением увидел Шмидта с Бессмертным. Ну наконец-то! Хоть что-то сейчас должно проясниться. Наверное…

Бессмертный со Шмидтом прошли не с крыльца, а значит, в дом не заходили. Они шли быстро и молча. Шмидт казался подавленным, Бессмертный напряжённым. Выглядит всё это не слишком оптимистично, хмуро подумал Никита.

Бессмертный прошёл мимо Никиты, слегка кивнув, подошёл к колодцу и облокотился о борт, наклонившись и заглянув внутрь. Шмидт задержался рядом с Никитой.

– Ну что? – спросил Никита, кивнув в сторону Бессмертного.

Шмидт неопределённо пожал плечами.

– Сказал, что надо подумать. Видимо, сам не знает, что делать.

– Почему?!

– Потому что проблемы возникли на той стороне, а не на этой. Мальчишку бы не вернули, даже если бы вместо Кошкиной пошёл он сам. Но пойти он не может, на нём какое-то заклятие. Кажется, он рассчитывал, что заклятие с него снимут. Но, видимо, нет.

Никита пытался осмыслить сказанное. Получалось плохо. Ладно, до подробностей он потом доберётся, сейчас не это главное.

– Так и чего делать? – спросил он.

– Не знаю, Савостьянов, – вздохнул Шмидт, вынимая пачку сигарет. – Не знаю. Сейчас у нас один шанс, – он кивнул в сторону Бессмертного. – У него что-то личное, он очень хочет вернуться. Но без нашей помощи не может. А значит, придётся ему и нам помочь. Такая вот ситуация.

Шмидт выбил сигарету из пачки, потянулся в карман за зажигалкой.

– Дайте мне тоже, – попросил Никита.

Шмидт равнодушно протянул пачку. Бессмертный продолжал смотреть в колодец.

* * *

Коломна ничего не понял. Марья не особо и рассчитывала и показала ему часы лишь для очистки совести.

В вопросах управления и дипломатии, хозяйства и казначейства Коломне не было равных. Кого и как запугать, улестить, подкупить, какого противника валить, а какого привлечь в союзники, какие и на что тарифы поднять, а какие снизить, какую байку пустить в массы, а какую жесточайше пресечь – во всём этом Коломна разбирался как никто, и она знала, что делала, когда привлекала его на свою сторону ещё при жизни мужа.

Но вот в волшебстве… Теорию Коломна ещё более или менее сёк, представлял, откуда что берётся, и то так, слабенько, на троечку. В практическом же колдовстве проку от

него не было никакого.

Когда она рассказала ему утром про фокус с часами, Коломна ожесточённо поскрёб бороду и не нашёл ничего более умного, как предложить спросить Велизария.

– Это бы я и сама сообразила, спасибо тебе большое, – желчно ответила Марья, бросая часы на стол и откидываясь в кресле.

Она не выспалась и была сильно не в духе. Вчерашнее благородно-синее платье сменила на буднично-серое с короткими рукавами до локтя и брошкой-дельфином. Вместо золотой диадемы волосы были схвачены в хвост кожаным шнурком. Только небрежная чёлка падала на лоб, и Марья постоянно раздражённо смахивала её.

– Матушка-государыня, ну откуда же я знаю, что тут такое, – просипел Коломна. – Раз уж вы не поняли, так куда мне соваться?!

– Может, они встали на том свете, а тут опять завелись, – предположил Баюн. Он сидел на столе и вылизывал растопыренную пятерню.

– Зачем он вообще их сюда прислал? – задала Марья вопрос, больше всего тревоживший её. – Не время же показать. И почему, почему они сделали столько оборотов?

– Надо было парнишку оставить, поспрашивать его, – кошак опять отвлёкся от умывания. – Сдаётся мне, как-то поверхностно вы его допросили. Если вообще это можно назвать допросом.

Марья с Коломной переглянулись.

– Прикажете связаться? – с готовностью предложил Коломна.

Марья подумала.

– Нет. Не надо. Пусть мальчик отдохнёт. Да и сомневаюсь я, что Кощей посвятил его в свои планы. Какие бы они у него ни были.

– Зря! – Баюн широко зевнул. – Ну, не хотите мальчишку дёргать, допросите другого.

– Кого – другого? – Марья недовольно взглянула на кота.

– Кого Иван ведёт, – Баюн выпрямился, принимая официальную позу. – Счас будут.

Распахнулась дверь, и без стука вошёл царевич, пихнув перед собой промокшую насквозь девицу. Девица выглядела жалко – она стучала зубами, хлюпала носом и постоянно откидывала со лба мокрые спутанные патлы.

– Зд-драсьте! – нерешительно пробормотала она, бегая взглядом по комнате. Коломна с царицей настороженно уставились на неё.

– Как велели, государыня, – доложил царевич. – Доставили, кто явился.

Он прошёл к креслу у стола, развернул и уселся с торца, лицом к Маргарите. Теперь она чувствовала себя как на допросе, и зубы стучали у неё уже не только от холода.

– Ну, так и с кем имеем честь? – холодно спросила Марья, подождав ещё несколько секунд.

– П-п-простите, а м-м-можно переодеться во что-нибудь с-с-сухое? – простучала зубами Маргарита. – А т-то я с-совсем п-продрогла.

Маргарита не понимала, почему её спутник не замёрз, и, кажется, даже не промок и не провонял своим и конским потом, как она. Скакали-то они под одним дождём и на одном коне?! И вот, однако же, красавец выглядит свежо и бодро, и хоть на нём такая же промокшая одежда, она его, кажется, совсем не стесняет, и сидит он в кресле спокойно, нисколько не дрожа, а положив ногу на ногу и с интересом склонив голову набок.

Эта трёхчасовая поездка далась Маргарите с огромным трудом. Несколько раз она жалобно просила остановиться и передохнуть, но красавец лишь переводил коня со скока на рысь или на шаг, давал ей перевести дух пару минут и снова пускал в галоп. Маргарита окоченела под дождём и пронизывающим ветром, несмотря на плащ, у неё затекло и болело всё тело, а от скока внутри подпрыгивали даже те органы, о которых она и не подозревала. Кажется, впервые Маргарита узнала, где у неё печень, а где почки.

Вот уж явно не так она себе представляла принцессу с принцем на белом коне. Сдохла бы та принцесса через пять минут такого скока, думала зло Маргарита, вытирая со щеки очередной комок грязи, вылетевший из-под копыт. И как только наши предки струячили по хрен знает сколько дней на таком вот, прости Господи, транспорте?! Как они ещё раз-

множались после этого?! Самой Маргарите не то что размножаться, просто на стул сесть после такой скачки казалось сомнительным – задницу она себе отбила капитально.

А её спутнику хоть бы хны! Когда они подскакали, наконец, к дворцу, он спрыгнул с коня, как на пружинах. Маргарита со стоном сползла ему на руки, и до двери кабинета он её фактически донёс, лишь у самого входа поставив на ноги и крепко держа за локоть. Так и пропихнул вперёд себя.

И вот она стоит под настороженными взглядами трёх неизвестных, но явно влиятельных в этом мире людей и не знает, что говорить. До Маргариты вдруг только сейчас дошло, что она не знает, кто перед ней. Не знает даже того, кто привёз её. Ясно было одно: эти люди – власть. Их взгляды, их вопросы, их поведение – всё демонстрировало абсолютную уверенность в своём праве повелевать.

Женщина за столом, которую Маргарита безошибочно приняла за главную, взмахнула рукой, и в камине вспыхнул огонь. Маргарита вздрогнула, попятилась, но волна тепла из камина охватила её так плотно, мягко и соблазнительно, что она невольно остоялась, а когда сообразила, что происходит, одежда, обувь и волосы на ней уже высохли.

Маргарита восхищённо присвистнула, ощупывая себя и наслаждаясь долгожданным блаженным теплом. Если это и есть волшебство сказочного мира, то оно определённо ей нравится. Повеселев, она скинула с себя плащ красавца и подошла к нему.

– Спасибо! – с чувством произнесла она, отдавая плащ. – И за плащ, и за, – Маргарита повернулась к царице, – тепло. Ещё чуть-чуть, и я бы точно слегла с простудой.

– Так кто вы? – повторила вопрос царица. – Тоже от моего брата?

– В смысле – от Кощея? – не сразу сообразила Маргарита, судорожно вспоминая обрывки сказок из книги Бессмертного. – А… то есть вы его сестра… царица Марья Моревна, так?

– Она самая, – холодно произнесла Марья, не спуская с неё пронзительного взгляда.

Маргарита, впрочем, высохнув и согревшись, изрядно приободрилась, перестав смущаться под настороженными взглядами.

– Что ж, отлично, – Маргарита улыбнулась. – Тогда, ваше величество, позвольте внести ясность. Я не от вашего брата, я вместо него. Мы знаем, что он отправил сюда мальчика, чтобы вернуться вместо него. Но так как ваш брат представляет… гм… определённый интерес для нас, мы решили его пока задержать. И на обмен с мальчиком отправили меня. Ну, как отправили – я и сама была не против. Да, и кстати, меня зовут Маргарита. Маргарита Кошкина, если что.

– Маргарита? – Марья переглянулась с Коломной, стоящим у неё за плечом. – Вы сказали, что задержали Кощея. Зачем?

– Ваше величество, не знаю, как с этим обстоит дело в

вашем мире, но в нашем бессмертие на дороге не валяется. Если ваш брат и впрямь бессмертный, надеюсь, вы поймёте наш интерес к нему. Мы буквально вчера раскололи его, времени что-то придумать у нас не было. Простите, конечно, но мы бы всё-таки хотели понять, как он стал бессмертным. Может, поделится с нами, расскажет секреты. В обмен на возвращение.

– Не расскажет, – усмехнулась Марья. – Не поделится. И что вы всё мы да мы? Кто это «мы»?

– Ну, как вам объяснить, – Маргарита слегка смутилась. – Спецслужбы, полиция… В общем, мы отвечаем за поддержание порядка и безопасности в нашем мире.

Царевич издал смешок. Все повернулись к нему.

– Ничего, ничего, – взмахнул он небрежно рукой. – Это я так, о своём…

Марья медленно отвернулась от пасынка, снова взглянула на Маргариту.

– Так Кощей стал представлять угрозу порядку и безопасности вашего мира?

– Ну, – Маргарита замялась, – он похитил мальчика. Это уголовное преступление, прямо скажем.

– Мальчик утверждал обратное, – царица смотрела бесстрастно, но ледяным тоном подчеркивала своё недоверие. – По его словам, никакого похищения не было. Он явился сюда добровольно.

– Вот как? – Маргарита была не столько удивлена, сколько

смущена. – Так он был у вас? Костя? Чего он хотел?

– Чего он хотел – не суть важно. Мне интересно, чего хотите вы? Зачем вы здесь?

– Я же говорю, – Маргарита недоумённо пожала плечами, – чтобы пройти Обмен, чтобы вернуть мальчика домой.

Царица переглянулась с Иваном и Коломной. Маргарита отнесла этот перегляд на свой счёт – кажется, ей не поверили. Следующий вопрос подтвердил её подозрения.

– И всё? – недоверчиво спросила царица.

– И всё! Клянусь вам! – горячо воскликнула Маргарита.

– А вам-то это зачем? Кто вам этот мальчик?

– Вообще-то, он мой знакомый, мы с ним почти соседи. Но тут главное, что я из полиции, я тоже отвечаю за поддержание порядка. Вернуть пропавшего мальчика – это как бы моя работа. В том числе и моя.

– Но вы знали, куда направляетесь?

– Ну, представляла, да. Немного.

– А как назад возвращаться?

– Так же ведь, нет? По Обмену. Меня должен будет заменить мой напарник через три дня. Ну, чтобы я ушла…

– Ваш напарник? – холодная улыбка царицы не предвещала ничего хорошего. – А кто его заменит? Или он согласен остаться здесь?

– Ну… – Маргарита замялась. Она очень надеялась, что до этого не дойдёт, но царица явно была настроена выяснить всё досконально. – Ну, смотрите. Если честно, времени всё

продумать у нас не было, я вам говорила. Нам главное было вытащить Костика отсюда и оставить у себя Бессмертного. Потом мы думали разобраться, как тут всё устроено и уже выбираться совсем.

Маргарита переводила взгляд с царицы на её окружение и видела, что ей не верят. Особенно царица, которая даже и не думала скрывать своего скепсиса.

– Послушайте! – Маргарита с трудом сглотнула. – Я понимаю, как всё это выглядит. В других обстоятельствах я сама себе бы не поверила, если честно. Но это всё правда! Вот как я рассказала, так всё и есть, честно! Мы изрядно ошалели, когда мальчишка сиганул сюда, и реально не знали, что делать. Ну вот сделали, что придумали, на что хватило времени. Если был бы другой способ вытащить отсюда мальчишку и никого тут не беспокоить, мы бы им и воспользовались. Ведь есть же он, нет? – Маргарита беспокойно бегала взглядом по лицам. – Если вы сможете вернуть меня обратно без всяких обменов, я буду только за. Я никого не хочу здесь беспокоить, и, поверьте, у меня нет никаких враждебных намерений. Если хотите, можете продержать меня под замком до самого Обмена – я не собираюсь вмешиваться в вашу жизнь и не намерена ничего менять.

Маргарита с трудом остановилась, сообразив, что чем больше оправданий и обещаний она нагромождает друг на друга, тем меньше ей верят. Она шумно вздохнула, сцепила пальцы рук и с тревогой стала ждать.

Царица молчала, негромко постукивая точёными ногтями по столу. Царевич небрежно поигрывал кончиком пояса, заплетая и расплетая его в пальцах. Коломна нагнулся к уху царицы, что-то прошептал.

– Хорошо, – кивнула царица. – Да, ладно. Вот что… э-э-э… Маргарита. Обмен с напарником у вас через три дня?

Маргарита обрадованно закивала.

– В шесть утра, как сегодня, – торопливо добавила она.

– Хорошо, – повторила царица. – Время у нас есть. Подумаем.

Марья встала, одёрнула платье повернулась к царевичу.

– Иван, найди нашей гостье комнату и вели накормить. Или, может, – Марья взглянула на Маргариту, – вы хотите отдохнуть?

– Да, вы знаете, я бы поспала часика три-четыре где-нибудь, – Маргарита изобразила извиняющуюся улыбку. – Трудная была ночка, простите.

Она непритворно зевнула. Как только отпустило напряжение, она почувствовала дикую усталость и, покачнувшись, едва не свалилась тут же.

– Можете спать, сколько хотите, – Марья кивнула царевичу. – Как выспитесь, обсудим всё остальное. А пока идите.

Иван встал, подхватил Маргариту под локоть и вывел из комнаты.

– Слушайте, можно меня не тащить, – запротестовала Маргарита, вырывая руку. – Я и сама дойду.

– Да вы с ног валитесь, барышня, – усмехнулся Иван, отпуская. – Дойдёте – так идите!

Он быстро шёл по коридору, сворачивая то в один зал, то в другой. Маргарита с трудом поспевала за ним, спотыкаясь на каждом шагу от усталости. И от усталости, и от быстроты ходьбы она не успевала рассмотреть интерьеры и обстановку дворца, которые даже мимоходом показались ей удивительно красочными и богатыми.

Они прошли малахитовый зал, нефритовый, янтарный. Поднялись по наборной палисандровой лестнице, перешли через зал Парадной башни, прошли ещё один корпус дворца и свернули в заставленную цветами обширную гостиную Южной башни, в которую выходило несколько дверей.

Иван распахнул первую дверь и жестом пригласил Маргариту.

– Спальня, – сообщил он, пропуская её в комнату. – Надеюсь, понравится. Сладких снов!

– Подождите! – Маргарита повернулась к нему, схватила за рукав. – Иван, так ведь?

Он слегка поклонился с лёгкой усмешкой.

– Иван, а если мне что-то понадобится?

Красавец нахмурился, соображая, что она имеет в виду.

– Ну, там, попить, – смущённо пояснила Маргарита, – умыться или…

– Я пришлю горничную, – понял Иван. – Она поможет со всем остальным.

Он кивнул с намёком на поклон, развернулся, пристукнув каблуком, и пошёл обратно. Маргарита дёрнулась было задержать его, сама не понимая зачем – чего-нибудь спросить, поблагодарить, – но не успела. Иван удалялся, а кричать в спину ей показалось невежливым. Да и чего она вяжется тут, подумала Маргарита, закрывая дверь и осматривая чистую светлую спальню с кроватью, камином и даже туалетным столиком с зеркалом.

В другое время Маргарита немедленно бы исследовала каждый уголок в комнате, проверила бы каждый шкафчик и каждый ящичек, заглянула бы под кровать, посмотрела в окно и уж совершенно точно зажгла бы камин, в котором уже лежали заботливо сложенные дрова. Но она слишком устала. После бессонной ночи, изнурительной скачки и нервного допроса у царицы у неё уже ни на что не осталось сил.

Она добрела до кровати и плюхнулась на мягкое меховое одеяло. С учётом всех возможных вариантов, думала Маргарита, стаскивая с себя кроссовки и куртку, с ней здесь обошлись ещё вполне приемлемо. Ни в темницу тягать не стали, ни палить по ней, как они в Бессмертного. Подозрительность к чужаку с того света вполне уместна и объяснима, рассуждала Маргарита, стягивая джинсы и ныряя в непривычно мягкую перину под тёплое соболье одеяло, мы бы тоже устроили такой же допрос. Да мы ведь и устроили, усмехнулась про себя Маргарита.

Она потянулась с блаженным стоном, засунула руку под

подушку с одной стороны и прижалась щекой к другой. Если это сказка, опять подумала Маргарита, засыпая, мне она нравится. Особенно этот красавчик… Иван… Иван-царевич, наверное… Вот бы его сейчас сюда, мечтательно улыбнулась Маргарита и заснула.

Когда пять минут спустя в дверь тихонько постучала и просунула голову горничная девушка, Маргарита уже крепко спала.

* * *

Шмидт понимал, что дело выходит из-под контроля, но ничего уже не мог с этим поделать.

Он допустил ошибку в самом начале, когда решил разрабатывать Бессмертного в одиночку, без доклада и координации вышестоящего руководства. И теперь вынужден пожинать плоды этой ошибки и прикрывать её, совершая всё новые и новые должностные если не преступления, то нарушения.

Лиза принесла кофе с коньяком, зажгла камин. Шмидт выпил свой кофе и закурил. Савостьянов неслышно ходил по комнате, рассматривая корешки книг и изредка молча поглядывая то на Шмидта, то на Бессмертного.

Бессмертный сидел за столом и на большом листе набрасывал какую-то схему, очень похожую на карту. Он попросил дать ему время разработать новый план и уже исписал

несколько листов. Он был бесстрастен и спокоен, слишком спокоен для человека, чей тщательно и долго разрабатываемый план только что накрылся. Не у него одного, впрочем, думал Шмидт, и ещё вопрос, у кого из-за сегодняшнего провала проблем будет больше.

Если бы он сразу же доложил о феномене Бессмертного куда следует, если бы принял его по всей форме, как полагается, мальчишка Благовых никуда бы не пропал и ему не пришлось бы напрягать свои московские и питерские связи, убеждая оставить дело под своим контролем и заверяя всех, что оно вот-вот будет раскрыто.

Ему уже пришлось принять вместе с Горским измученных страхом и неизвестностью родителей мальчика, выслушать их крики, жалобы и вопросы и заверить, что дело находится на особом контроле, и вот он, генерал ФСБ, лично займётся им. Главный подозреваемый находится под стражей и вот-вот начнёт давать показания. Задействованы лучшие оперативники, и мальчика непременно найдут в ближайшие часы, максимум дни.

Беда была не в том, что ничего этого нет и рано или поздно и родители, и их адвокаты разберутся в этом цирке и поднимут уже настоящий шум, который может дойти и до Москвы. С этим, при желании, можно было бы разобраться, да и Бессмертный пообещал, что проблемой Благовых займётся сам и за пределы Волхова эта тема не выйдет. Шмидт почему-то поверил Бессмертному, но дело это нисколько не упрощало.

Даже если допустить, что дело о пропаже мальчика удастся на какое-то время прикрыть и оставить в Волхове (что, между прочим, весьма сомнительно), что делать со стажёрами? Ладно, он убедил Кошкину перед уходом отправить родителям сообщение, что, дескать, едет в срочную командировку, работа под прикрытием, вернётся через несколько дней, волноваться и звонить не нужно. Савостьянову тоже придумают какую-нибудь легенду, но ведь это снимет вопросы на несколько дней. А что потом?

Что, если эта экспедиция в сказочный мир затянется? Что, если она вообще провалится и мальчишка, и Савостьянов с Кошкиной так и останутся по ту сторону портала? Кому отвечать за их пропажу? С кого спросят первого? Понятное дело – с него, Шмидта. Все следы ведут к нему, Горский молчать не станет, а Бессмертный… А что Бессмертный? Хороший вопрос, между прочим; Шмидт так и не понял толком, какова его роль во всей этой истории и что ему надо на самом деле.

– Савостьянов! – Бессмертный отложил ручку, поднялся из-за стола с исписанным листом в руках; Никита с готовностью повернулся к нему. – Слышал, ты занимался верховой ездой. Умеешь с конём обращаться.

Никита переглянулся со Шмидтом.

– Ну, умею, да.

– Отлично. Там, куда ты отправишься, тебе это пригодится.

– А куда я отправлюсь?

– За помощью. – Бессмертный протянул ему листок. – Без союзников нам Марью не победить и девицу с мальчиком обратно не вытащить.

– Понятно, – не совсем искренне отозвался Никита, просматривая список Бессмертного. – А это что?

– Кое-какой вспомогательный инвентарь. Закупись в городе и возвращайся. Будем готовить тебя к спасательной операции.

* * *

Маргарита проснулась через несколько часов. Сразу, будто её толкнули, и тут же вспомнила, где находится и как сюда попала.

Она посмотрела в окно. Дождь кончился, тучи разошлись, и комнату освещал неяркий осенний свет заходящего солнца. Маргарита прислушалась к себе, пытаясь оценить состояние, и с удивлением поняла, что, в общем-то, в полном порядке.

«Зашибись, конечно! – думала она, спуская ноги с кровати и одеваясь. – Я в сказочном мире, где всё как в реальном Средневековье, за вычетом волшебства. Я прошла сквозь портал в параллельный мир, у меня должно снести крышу, я должна биться в истерике или валяться как веник, а вот ни фига подобного. Даже странно, что меня не колба-

сит. Как будто в Лондон слетала – и не более того! В Лондоне-то ещё посложнее будет, по-английски надо шпрехать. А тут – вполне себе на русском языке говорят. На современном русском! В сказочном средневековом мире говорят на современном русском языке – это вот как понимать?!»

Произнося про себя этот монолог, Маргарита оделась, завязала кроссовки и огляделась. Около кровати висел колокольчик, который она только что заметила. Наверное, кого-нибудь позвать, решила Маргарита, но звонить не стала. Ей захотелось самой прогуляться по дворцу, рассмотреть, что тут и как.

Маргарита вышла в просторный зал с цветами, где запах гладиолусов и настурций перебивал все прочие ароматы, повертела головой, соображая, куда идти.

Сначала она направилась туда, откуда её привёл Иван, но на переходе Парадной башни свернула в галерею, ведущую в другую сторону. Было тихо и пустынно. Слишком пустынно для такого огромного дворца, и Маргариту это начинало немного нервировать. Не заблудиться бы тут ещё, думала она, невольно ускоряя шаг.

Галерея вышла в анфиладу пустых сквозных залов с одной боковой стеной. Вместо другой стены шла арочная колоннада, выходящая на балкон, проходящий по всей восточной стене дворца. В проёмах арок показалось небо, сразу стало прохладнее.

«Наверное, это летнее крыло, – сообразила Маргарита. –

Видимо, тут пиры дают летом. Поэтому и стены нет внешней, и народу тоже. А я-то думаю, что тут так тихо?»

Только Маргарита подумала об этом, как сейчас же услышала голоса с балкона. Она замедлила шаг, пытаясь подслушать, о чём говорят. Но, кажется, её тоже услышали – голоса смолкли.

Маргарита решительно вышла на балкон и увидела впереди девушку в палевом платье с высоким воротником и парчовой с серебряным шитьём куртке на меховой подкладке. Прямые каштановые волосы, заплетённые в косу, доходили до талии. Нежный овал лица не портил даже чуть выступающий подбородок и прямой (излишне прямой, как казалось курносой Маргарите) нос. Подойдя ближе, она заметила под внешним углом левого глаза девушки родинку в форме слезы.

Девушка стояла, небрежно облокотившись одной рукой на парапет балкона, и прозрачными бирюзовыми глазами смотрела на приближавшуюся Маргариту. Рядом сидел серый кот, которого Маргарита ещё утром заметила на столе у царицы.

– Привет! – она протянула ладонь незнакомой задумчивой девушке. – Я Марго, Маргарита Кошкина. А ты?

Почему-то Маргарите сразу захотелось перейти на «ты». То ли потому что девушка выглядела моложе её самой, то ли по бессознательному дружескому притяжению. Непонятно почему, но Маргарита с первого взгляда прониклась к де-

вушке симпатией. Наверное, потому, что, в отличие от всех прочих, она выглядела предельно естественно и без капли подозрительности. Было ясно, что девушка не обременена ни властью, ни ответственностью.

Она задумчиво посмотрела на протянутую Маргаритой руку, меланхолично подняла свою и слабо пожала. Рукава её платья, с завистью отметила Маргарита, были схвачены красивыми чёрными нарукавниками с серебряным шитьём.

– А я Лика, – тихо ответила она.

– А ты здесь кто? – спросила Маргарита с живым интересом. Она не собиралась повторять утренней ошибки, ей сразу же захотелось выяснить всё о своём собеседнике.

– Она здесь никто, – ответил вместо замешкавшейся Лики кот. – Сирота приёмная.

– Мама! – Маргарита в панике отшатнулась, выпучив глаза на кота. – Он… он, чё… он, правда, говорит?!

– Что за хамство, барышня! – возмутился кот, надменно выгибая спину. – Вас не учили, что невежливо говорить о присутствующих в третьем лице?

– Да ты ж маракуйя! – Маргарита истерически захихикала. – И как же мне к тебе… к вам обращаться… э… кот?

– Можете звать меня Баюн, – чопорно сообщил кот.

– Тот самый Баюн, – недоверчиво переспросила Маргарита. – Да ведь он же чёрный должен быть. Ну… насколько я помню…

– Откуда сведения? – подозрительно поинтересовался Ба-

юн.

– Да так, неважно, – Маргарите не хотелось развивать тему. – А ты тут в каком качестве? Сказки рассказываешь?

– Сказки рассказывать, барышня, бабки старые есть, – высокомерно заявил кошак. – А кто я тут, не твоего ума дело.

– Он сплетник, стукач и наветник, – тихо сказала Лика. Маргарита живо, с интересом повернулась к ней. Баюн обиженно фыркнул. – Выведывает всякие пакости и доносит царице.

– Я бы попросил! – обиженно запротестовал Баюн.

– Да, и ещё царицу лечит, – бесстрастно добавила Лика. – Кроме него, она к себе никого не подпускает.

– Вот именно, – Баюн раздосадованно задрал хвост. – Имейте это в виду, соплячки! И относитесь с подобающим уважением.

Он спрыгнул с парапета и затрусил с независимым видом в темноту залов.

– Поскакал докладывать царице, – безразлично констатировала Лика. – Что ты проснулась и скоро явишься и что мы ему нахамили и нагрубили.

Маргарита весело засмеялась.

– Обалдеть, какой клёвый кот! Вот бы мне такого же! Всегда мечтала о говорящем коте.

– Зачем? – Лика внимательно смотрела на Маргариту.

– Ну как?.. – Маргарита смешалась. – Ну здорово же иметь такого! Он такой забавный и прикольный…

– Он не забавный и не прикольный, он мерзкая подлая тварь, – Лика говорила спокойно и, кажется, даже безразлично. – Ты ещё узнаешь об этом. Мой тебе совет – никогда не обсуждай при нём никаких важных дел. Да и вообще никаких дел.

Маргарита, раскрыв рот, выслушала эту безапелляционную характеристику кота, произнесённую самым будничным тоном. Что-то тут не очень сходилось – не вязалось такое убийственное описание с таким забавным котиком.

– Да я и не собиралась тут ничего обсуждать, – ответила Маргарита, придя в себя. – Нет у меня тут никаких дел, я вообще здесь ненадолго.

Теперь удивилась Лика. Похоже, что удивилась – по ней вообще трудно было что-либо понять. Она слегка свела брови, чуть отклонилась назад, рассматривая Маргариту.

– Ненадолго? Тебе ещё не сказали?

– Что не сказали? – встревожилась Маргарита.

– Что тебя оставят здесь, как и мальчишку. Никакого Обмена не будет.

– Что?! – Маргарита похолодела. – То есть как?! Погоди… то есть… ты хочешь сказать, что Костя ещё здесь? Его не отправили обратно?

– Ну, не прямо вот здесь, – пожала плечами Лика. – Он в Скальном Грае, под присмотром…

– Где?! – взвыла Маргарита, хватаясь за голову. – Да что здесь вообще творится? Где царица?

– У себя в кабинете, – бесстрастие Лики впервые уступило место некоторому интересу. – Баюн сказал…

Маргарита не дослушала. Она побежала обратно по галерее, пытаясь выбраться к палисандровой лестнице и знакомой дороге. Баюн, она заметила, пошёл в другую сторону, очевидно более коротким путем. Но она не знала дворца и боялась заблудиться, а потому выбрала путь, по которому её вёл Иван.

Маргарита пулей пролетела галерею, перебежала Парадную башню и, на ходу вспоминая утренний маршрут, добежала по коридору и переходам до Северной. Увидев знакомую дверь, рывком рванула её и влетела в кабинет.

Царица, как и утром, сидела за столом. Как и утром, рядом с ней стоял Коломна и что-то объяснял, показывая на листке бумаги. Под рукой у царицы сидел кот, на кушетке у камина – Иван. Всё это Маргарита разглядела мельком, не задерживая внимания. Не до того ей сейчас было.

– Вы что, блин, творите?! – закричала она, подбегая к столу.

– Простите? – холодно отреагировала царица, откидываясь в кресле.

– Вы что, не отправили мальчика домой? – Маргарита схватилась руками за край стола, наклонилась к царице. – Вы правда оставили его здесь?

– Да, – сухо ответила Марья.

– Почему?! – Маргарита была готова вцепиться в царицу

и расцарапать её холёное невозмутимое лицо.

– Потому что Обмен задумывался моим братом как способ вернуться в наш мир. Это было категорически недопустимо. Если б я знала, что вместо него появитесь вы, я бы отпустила мальчика. Но где ж было предвидеть такую неожиданность!

– Отлично, выпустите тогда его вместо меня, – Маргарита решительно встряхнула головой, откидывая упавшую прядь. – Через три дня мы меняемся с напарником – пусть идёт Костя. Вместо меня.

– А вы? – царица внимательно посмотрела на Маргариту.

– А я подожду. Меня там никто особо не ждёт, а мальчика ждут родители. Где он, кстати?

– Мальчик в хорошем месте, о нём хорошо заботятся. Не беспокойтесь.

– Я могу с ним поговорить?

– Всё в своё время.

Царица встала из-за стола (Коломна услужливо отодвинул стул), медленно подошла к камину и задумчиво уставилась в огонь.

– Вообще-то, это вариант, – небрежно произнёс Иван, взглянув на задумчивый профиль мачехи. – Если Кощей у них заперт… а он заперт? (царевич повернулся к Маргарите, та энергично закивала)…сюда ему не попасть. Ни мы его не пустим, ни они. Нет резона задерживать мальчишку. Пусть возвращается.

Марья продолжала молча смотреть в огонь. Остальные смотрели на неё, ждали. Пауза затягивалась.

– Что у вас за напарник? – опять прервал молчание царевич. – Хорошо его знаете? Что он тут должен делать?

– Ничего! – клятвенно заверила Маргарита. – Всё, что от него требуется, это сменить меня здесь и надеяться, что вы тут или мы там придумаем, как ему вернуться уже без всякого Обмена. Никита никого не подставит, обещаю вам. Я его с института знаю – он нормальный парень, а не жопа с перьями какая-нибудь.

Царевич усмехнулся, опять взглянул на Марью.

– Ну вот. Почему бы не отправить парнишку, раз всё так складывается?

Коломна кашлянул. Все повернулись к нему, кроме Марьи. Она продолжала упорно смотреть в огонь.

– Я извиняюсь, но дело тут не только в мальчике, – Коломна обращался к затылку царицы. – Не слишком ли много посторонних стало к нам попадать? Что мы о них знаем, с позволения сказать? Матушка-государыня, надо вернуть Колю и перекрыть там всё.

– Нет-нет-нет-нет, вы что?! – затараторила испуганно Маргарита, обращаясь то к Коломне, то к царевичу, то к царице. – Слушайте, об этом портале, кроме меня и напарника, знает ещё только один человек – наш начальник. И я вам клянусь, он никому ничего не расскажет и уж точно не припрётся сюда. Если мы отправим мальчика назад, здесь боль-

ше никто не появится, я вам обещаю. Больше про ваш мир никто не знает. И не узнает, поверьте мне.

Коломна недоверчиво хмыкнул.

– Это сейчас. А ну как мальчик начнёт всё рассказывать, когда вернётся?

– Можно же поговорить с ним, убедить не рассказывать. Или стереть память, – Маргарита просительно обратилась к царице. – Вы ведь можете же это сделать, а?

Марья помолчала ещё несколько секунд, глядя в огонь.

– Ладно, посмотрим, – она наконец повернулась, сведя тонкие чёрные брови. – Если вы не врёте, у нас есть ещё пара дней. Подумаем, может, что и решим. Может, и отправим мальчика обратно.

* * *

Все инструкции получены, все указания затвержены. В кармане надёжно уложены карта, нарисованная Бессмертным, и смартфон с его обращениями. Бессмертный подробно объяснил Никите, кому что предназначено, и настоятельно просил не перепутать. «Ошибёшься, – сказал он, – провалишь всю операцию и застрянешь там навсегда. Если вообще выживешь».

Никита съездил в город закупиться по списку Бессмертного, заехал к родителям сообщить о предстоящей командировке в Ростов, вернулся и лёг отдохнуть. Ему не хотелось

спать, но Бессмертный настоял, а Шмидт поддержал. Вторую бессонную ночь он мог и не выдержать, а нагрузки ему предстояли серьёзные.

Разбудили его около полуночи. Накормили и вывели к колодцу. Было темно, Луна зашла за облака. Ветер носил опавшие листья по двору, забрасывая то один, то другой в колодец. Шмидт собрал листья с поверхности воды, вытер руки носовым платком, закурил. Бессмертный помогал Никите натянуть водолазный костюм.

– Я не знаю, какие меры приняла Марья и что там насоветовал ей Коломна, – говорил он, помогая застегнуть молнию, – но тебя точно будут ждать, будь уверен. Про Колю я тебе сказал, но не знаю, кого они там ещё могли поставить. Это уж тебе придётся разбираться на месте. Наш единственный шанс – что они не будут тебя ждать именно сегодня. Ну и, – Бессмертный кивнул на облачение Никиты, – некоторое технологическое преимущество. Ты всё запомнил?

– Всё, – Никита засунул за пояс пистолет с глушителем, накинул на плечи рюкзак со снаряжением и взялся за кислородную маску. – Но если ничего не сработает?

Бессмертный усмехнулся уголком рта, помолчал секунды три-четыре. Что это у него за манера – тянуть с ответом, не в первый раз уже с раздражением подумал Никита.

– Тогда вам придётся остаться там до конца жизни, – ответил Бессмертный. – Возможно, тебе даже понравится. Но если всё же хочешь вернуться, постарайся следовать инструк-

циям. И свою соображалку включай, не стесняйся. Если всё сделаешь правильно и нам немного повезёт, всё получится.

– А вы?

– А мы будем ждать вас здесь. Как договорились. Ну-ка, дай часы, ещё разок сверим.

Бессмертный взял Никиту за левое запястье, поднёс к своему, всмотрелся в оба хронометра и удовлетворённо кивнул.

– Секунда в секунду. Ну, удачи!

Он хлопнул его по плечу, подвёл к колодцу. Шмидт отбросил окурок, пожал ему руку, посмотрел значительно в глаза. Никита знал, что хотел сказать Шмидт, но не мог при Бессмертном. Он и так понял, он помнил, что они обсудили в те недолгие минуты, что им один раз за день удалось остаться вдвоём, без Бессмертного.

Показалось это Никите или нет, но Бессмертный перехватил взгляд Шмидта и вроде бы усмехнулся про себя, словно отлично зная или догадываясь о его особых наставлениях. Никита не стал рисковать и разъяснять; в конце концов, от него сейчас больше зависит, чем от них всех, и его ждут там и будут ждать здесь. Несмотря ни на что.

Он неуклюже перекинул ноги в ластах через борт, уселся, ухватившись одной рукой за цепь, а другой взявшись за кислородную маску. Подумал ещё раз обернуться, махнуть, что ли, на прощание? Кто знает, может, и впрямь ему уже не вернуться?!

И тут же обозлившись на самого себя за эти сантимен-

ты, Никита рывком надел маску и, оттолкнувшись, полетел в глубину колодца.

Под верхним слоем воды, который он проскочил, не заметив и не намокнув, Никиту встретил мощный воздушный поток. Он был готов к этому и, крепко уцепившись за лямки рюкзака, ждал, когда стремительный смерч, поболтав и покрутив его несколько секунд, выбросит в тёмные воды Истока.

Оказавшись в озере, Никита первым делом выхватил пистолет и, озираясь вокруг, попытался разглядеть водяного. Бессмертный советовал сразу же пристрелить Колю, как тот появится; водяной, если схватит его, или доставит к Марье, или просто утопит, если будет на то особое распоряжение.

Коли не было. Никита, напряжённо всматриваясь в тёмные глубины озера и постоянно оглядываясь, начал медленно всплывать, держа пистолет наготове. С предельной осторожностью и тишиной вынырнув на уровень глаз, он заметил в пятидесяти метрах от себя берег, со всех сторон окружённый подступающими к воде деревьями. Чуть правее виднелся просвет вроде дороги или подъезда к озеру. Тут деревья несколько расступались, образуя небольшую полянку, на которой стоял шатёр.

Вот и засада, о которой предупреждал Бессмертный. На засаду это, впрочем, было мало похоже. Рядом с шатром был разведён костерок, который караулил клевавший носом мужик. Это скорее дозор, чем засада, решил Никита, и выста-

вили его на всякий случай. Бессмертный и тут угадал – конкретно сегодня они никого не ждали.

Никита повернулся в воде, пытаясь разглядеть по берегу озера другие дозоры. Ни одного огня он больше нигде не увидел, было темно и тихо.

Он вернулся взглядом к костру. Дозорный дремал, сидя на бревне и кутаясь в попону. Рядом с ним, на том же бревне, лежали отстёгнутая сабля, лук и колчан со стрелами. Чуть в стороне от шатра, под облетевшими кустами рябины, Никита заметил какое-то шевеление и сообразил, что там, очевидно, привязаны лошади.

То, что нужно, пробормотал он про себя и, погрузившись в воду, тихо подплыл к берегу. Стараясь не издать ни всплеска, Никита вынырнул под кустами и, цепляясь за голые ветви, поднялся на берег.

Снял маску, стянул резиновый шлем с головы, прислушался. Вроде всё тихо. Он скинул ласты, осторожно поднялся и проскользнул за кусты. Теперь дозорный не мог бы его увидеть, даже если бы повернул голову в его сторону.

Всё так же стараясь не шуметь, Никита быстро стянул с себя водолазный костюм, вытащил из рюкзака берцы, камуфляжные штаны с курткой и переоделся. Водолазное снаряжение засунул в рюкзак, вскинул его на плечи, проверил пистолет и, перемещаясь за деревьями, добрался до лошадей.

Быстро пересчитав их и поняв, что в дозоре сейчас пять человек, Никита наугад стал отвязывать одну из лошадей,

молясь, чтобы никто из них не взоржал. Не помогло. Когда он уже почти отвязал лошадь, она коротко всхрапнула и попятилась от него. Вслед за ней забеспокоились и зашевелились другие лошади.

Дозорный проснулся на топот копыт, поглядел сонно в сторону лошадей. Никита, одной рукой отчаянно развязывая узел, другой поглаживал лошадь по шее, шёпотом успокаивая её. Но та пятилась, переступая копытами, испуганно всхрапывала и фыркала.

– Эй, кто там? – крикнул дозорный, подхватывая саблю и направляясь к лошадям.

Дело решали секунды. Никита отвязывал последний узел, лошади ржали и топотали, дозорный приближался, вглядываясь в темноту и вынимая саблю из ножен.

– Стоять! – крикнул дозорный, заметив Никиту. – Держи татя! – заорал он, рванувшись с саблей наперевес.

Никита выстрелил. Дозорный с истошным воплем свалился, схватившись за колено и беспорядочно матерясь. Из шатра выскочил один полусонный мужик, завертел головой, не понимая, где что происходит; потом второй, третий.

– Тимоха! Кузьма! Сюда, сюда! – орал подстреленный, зажимая руками пробитое колено.

Мужики рванули от шатра к нему. Но Никита наконец отвязал повод и, благословя судьбу за то, что дозорные оставили лошадей нерассёдланными, взвалился в седло и, понукая коня, устремился в темноту леса по едва заметной дороге.

Глава 3. Ученик

Кеша знал, куда и к кому направляется. Всё-таки Василиса готовила его, пусть и не прямо – привозила книжки и сама много чего рассказывала.

Барханный каганат – сеть городов и оазисов, раскиданных по великой Арданской пустыне. В столице каганата – Халдоне – основал свою школу волшебства великий маг и прорицатель Велизарий Хлор.

Вели зарий был хоть и южанином, но не местным, в Халдоне очутился проездом из Ладоники в Малахит и задержался на обратном пути. Задержался, да так и остался здесь, и город вот уже сорок лет нельзя представить без этого невысокого, высушенного солнцем и временем волшебника, обучающего искусству чародейства способных подростков и периодически помогающего советами властителям каганата.

Велизарий был не просто волшебником; Велизарий был звездочётом и Халдон выбрал для постоянного проживания потому, что здесь более трёхсот дней в году было безоблачное небо и в тёмные долгие ночи ничто не мешало наблюдать за звёздами и прочими небесными телами, видными с Ардана лучше, чем откуда бы то ни было ещё.

Он составлял карты, высчитывал циклы и траектории движения небесных тел, сравнивал с земными событиями, устанавливал связи и предсказывал будущее. Он советовал, ко-

гда бурить скважины глубже, потому что год ожидается засушливым, а когда задерживать караваны, потому что буря заметёт дороги на суше и потопит корабли на море. Когда посылать посольства в соседние царства с предложением новых договоров, а когда лучше не торопиться и переждать волнения на Солнце, вызывающие волнения и на Земле.

Опираясь на свои звёздные карты и вычисления, Велизарий предсказал почти все войны, бунты и перевороты в окрестных царствах и городах, предупредил обо всех недородах и природных бедствиях, об упадке одних царств и подъёме других и в конце концов снискал себе устойчивую репутацию пророка и ясновидца, к которому за советом посылали правители и цари всех окрестных земель.

Велизария принимали в самом Малахите, слышал Кеша от Василисы, которая сама же и готовила эти приёмы, и участвовала в них.

Малахит – город, выстроенный целиком из драгоценного камня, столица Горного царства, в котором добывают волшебный камень Лонгир. В городе этом, рассказывала Василиса племяннику, живут рудокопы, оценщики, огранщики и прочие мастера по камню, пускают туда только проверенных купцов по особым разрешениям, а правит им древняя династия Хранителей Лонгира, ответственных за распределение волшебства в мире.

Хранители выдавали разрешение или запрет на вывоз Лонгира, они решали увеличить, уменьшить или оставить на

прежнем уровне экспорт волшебного камня. А самое главное – они выдавали лицензию на владение и использование Лонгира; без их разрешения никто не мог колдовать на законном основании, даже если честно купил волшебный камень. Нужно было подтвердить квалификацию волшебника в одной из специальных школ, крупнейшей и известнейшей из которых была на сегодняшний день школа Велизария.

* * *

Велизарий, сказали им, был в саду, и Василиса уверенной походкой повела племянника во внутренний дворик школы. Кеша смущённо покусывал губы и старался не смотреть по сторонам. Василиса почему-то не захотела наколдовать ему нарядное платье, и в простой посконной рубахе и домотканых штанах он сам себе казался здесь лишним и неуместным. В такой роскоши бывать ему ещё не приходилось.

Белое воздушно-ажурное здание школы хоть и возвышалось на два, а местами и на три этажа, не доходило и до верхушки исполинских кипарисов, ограждающих её по периметру от остального города. Во внутреннем дворике школы, куда Василиса уверенно вывела Кешу из белых прохладных залов, росли пальмы, рододендроны, эвкалипты и мирт, наполняющие горячий дрожащий воздух одуряющим запахом. Выложенная затейливыми изразцами дорожка, по которой Василиса повела племянника к видневшейся в глубине сада

небольшой ротонде, была обсажена с обеих сторон розовыми кустами, на которых яркими пятнами горели алые, белые, жёлтые, синие и даже чёрные розы.

Кеша вертел головой, разглядывая на ходу тропическое изобилие, и рассеянно кивал, вполуха слушая воркотню крёстной.

– Ты, главное, не теряйся, – наставляла его Василиса, отряхивая плечи племянника и приглаживая ему на затылке волосы. – Не пугайся, не смущайся, дурацких вопросов не задавай. Просто сделай то, что он попросит. Ничего сложного для тебя там нет, уж поверь мне – я знаю.

Они подошли к беседке, уютно пристроившейся под тремя пальмами, прикрывавшими её листьями, словно навесом. На скамейке беседки, подложив под голову снятые с ноги мягкие сафьяновые туфли, лежал с книжкой в руках какой-то невысокий старичок и шевелил пальцами на босых ногах. Кеша немного растерялся, не сразу сообразив кто перед ним, пока Василиса, кашлянув, не позвала его.

– Велизарий. Мы здесь.

– А! – старичок опустил книгу, посмотрел на них сквозь витую решётку стенки. – А, Василиса! Чуть не забыл!

Он спустил босые ноги на дощатый настил пола, бросил книжку на стол и, добродушно улыбаясь, вышел к ним из беседки.

У Кеши пересохло в горле, когда он осознал, что перед ним стоит тот самый великий Велизарий Хлор. Кеша не знал,

как выглядит величие, но когда он себе представлял его, оно точно не имело ничего общего с обликом Велизария.

Он был невысок, лишь чуть-чуть повыше четырнадцатилетнего Кеши, да ещё и немного сутулился. Когда-то чёрные волосы, усы и узенькая бородка на нижней губе были тронуты сединой и не скрывали почтенный возраст, как и глубокие морщины в уголках чёрных лукавых глаз – Велизарию было уже за шестьдесят. Он был одет в белую шёлковую хламиду, небрежно подпоясанную и изрядно помятую от лежания на скамейке. Там же, на скамейке, осталась и маленькая круглая шапочка с бриллиантовой заколкой. Перстня с Лонгиром на руке Велизария не было, заметил Кеша.

– Значит, это и есть наш новый кандидат, – добродушно щурясь, уставился Велизарий на Кешу. – Ну, здравствуйте, юноша!

– Здрасьте, – пробормотал Кеша.

– Поверьте, Велизарий, юноша очень способный, – Василиса положила руки на плечи Кеши. – Он будет хорошим учеником и отличным кандидатом.

– Вполне возможно, – Велизарий продолжал оглядывать Кешу. – Но что скажет сам юноша?

Василиса легонько пихнула Кешу вперёд.

– Я… – Кеша слегка растерялся, не сразу поняв, что от него требуется, – я хочу учиться.

– Ты знаешь, чему здесь учат? – доброжелательно спросил Велизарий.

– Волшебству.

– Да, волшебству. Волшебство, однако, такая субстанция, которую, во-первых, не каждому можно дать, а во-вторых, не каждый может взять. Нужны определённые наклонности и способности. Как у вас с наблюдательностью, юноша? Сможете отыскать здесь бабочку?

Велизарий взмахнул рукой и подвесил перед Кешей уменьшенный кусок тропического леса, где на фоне буйной зелени и пышных цветов прыгали маленькие обезьянки, порхали крохотные разноцветные попугайчики и блестящие стрекозы, ползали по веткам деревьев миниатюрные змейки. Отыскать в этом кишащем буйстве разноцветья и разнотравья какую-то бабочку казалось, на первый взгляд, задачей нереальной, и Кеша изрядно растерялся.

Он бегал глазами по веткам невиданных деревьев, листьям, цветам и неожиданно для самого себя заметил бабочку. Неожиданно, потому что таких бабочек он не видел никогда, и тем не менее сразу понял, что вот этот лилово-чёрный с оранжевыми вкраплениями цветок, повисший на ветке дерева, никакой не цветок, а как раз таки замершая бабочка.

– Вот! – Кеша уверенно ткнул пальцем в бабочку, которая тут же слетела с ветки и запорхала в воздухе.

Василиса захлопала в ладоши, Велизарий поощрительно кивнул.

– Очень хорошо, юноша, очень хорошо. С наблюдательностью у вас всё в порядке. А как насчёт внимания и концен-

трации? – взмахом руки Велизарий убрал лес, оставив порхать в воздухе только бабочку. – Следи за ней. Внимательно следи. А теперь найди именно эту бабочку.

Велизарий взмахнул ещё раз и в воздухе появилось ещё несколько десятков точно таких же бабочек. Кеша бегал глазами по стайке бабочек, пока они все порхали в воздухе и садились одна за другой на ствол пальмы.

– Ну? – Велизарий выжидательно смотрел на Кешу. – Где она?

Кеша разжал кулак. В ладони, слабо трепыхая крыльями, сидела бабочка. Пару секунд Велизарий с Василисой молча смотрели на неё; потом оба, как по команде, зааплодировали. Бабочка испуганно вспорхнула и скрылась в ветвях пальмы.

– Что я говорила! – торжествующе воскликнула Василиса.

– Да, способности выдающиеся, – кивнул Велизарий, улыбаясь. – Думаю, этого достаточно, юноша. Вы приняты.

Василиса стиснула Кешу за плечи, поцеловала в висок и радостно засмеялась.

– Красавчик! А ты боялся. Я же говорила тебе, что справишься. Ну, теперь держись, Кеша, – будешь учиться по-настоящему и спуску тебе тут не дадут.

Кеша стоял, не зная, куда смотреть и что говорить. К счастью, Велизарий не стал его задерживать.

– Что ж, остальное мы всё потом выясним и объясним. А пока ступайте, молодой человек. Спросите распорядителя,

назовитесь, и вас устроят с другими учениками. Через неделю первое занятие.

Кеша кивнул, махнул рукой крёстной и направился ко входу, указанному Велизарием.

– Он способнее тебя, Василиса, – сказал Велизарий, задумчиво глядя в спину подростку. – Когда я тебя принимал, ты работала медленнее. И совсем не так уверенно, прямо скажем.

– А я тебе говорила, – с ноткой самодовольства ответила Василиса. – У мальчика талант. Он много чего сумеет, если правильно его обучить.

– Вполне возможно, Василиса, вполне возможно, – протяжно произнёс Велизарий. – Он может стать первоклассным чародеем, тут ты права. Но я уже не уверен, что он идеальный Кандидат.

– Почему? – испуганно спросила Василиса.

– Он слишком амбициозен, ты не заметила? – проговорил Велизарий, всё ещё глядя в сторону ушедшего Кеши. – Он рождён в год низкого Солнца, самого низкого за последние триста лет. Самые великие герои и злодеи рождались в годы низкого Солнца, и я пока не знаю, кем уготовано стать твоему племяннику. Не знаю, Василиса! – повторил Велизарий с нажимом, взглянув в испуганное лицо своей бывшей лучшей ученицы.

* * *

То, что он был последним поступившим на этот курс учеником, Кеша узнал в тот же день от своего соседа по комнате – рыжего коренастого парня, назвавшегося Соловьём.

Соловей был родом из Рогатого Калача и в школу Велизария попал почти случайно. По его словам, он нанялся помощником к одному купцу, проезжавшему с обозом через их городишко, и попал вместе с ним в Ладонику, где его и заметил случившийся там в то же время Велизарий. В подробности Соловей не вдавался, из чего Кеша заключил, что история была мутная и чего-то там Соловей да натворил, раз не хочет рассказывать.

Соловей ему, впрочем, понравился. Весёлый и говорливый он быстро познакомил Кешу со школой и её обитателями, которых оказалось до странности мало. Сам Велизарий, десяток его помощников и сотрудников, да четырнадцать учеников с их курса – вот и все обитатели знаменитой на весь мир школы. Соловей утверждал, что сюда берут только самых лучших и перспективных, а потому их и не может быть много. Непонятно тогда, как сюда взяли его, нищего безграмотного голодранца, но за неимением иного Кеша был вынужден согласиться с этим объяснением.

Сблизило его с Соловьём ещё и то, что они были в школе, кажется, единственными простолюдинами – без знатных

родственников, высоких связей и предков-волшебников. Соловей, правда, пихал приятелю на тётку-волшебницу, служившую при Хранителях в Малахите, но сам Кеша не воспринимал себя приближённым к знати. Всю жизнь он провёл в глухой деревеньке, и если чем и выделялся среди прочих ребят, так это грамотностью. Которая, впрочем, в деревне ему не сильно помогала, а больше создавала репутацию заносчивого гордеца, чужака и отщепенца.

Если бы не Соловей, Кеша и здесь бы чувствовал себя одиноким чужаком. На курсе, как выяснил он в ближайшие дни, были сплошь дети знатных родителей или волшебников. В школу Велизария отдавали на обучение своих детей сами Хранители, не говоря уже про местных каганов или уже отучившихся у него волшебников. Конечно, Велизарий брал лишь способных детей, но простые крестьяне могли даже не знать про его школу, а влиятельные родители загодя готовили своё чадо к испытаниям Велизария – неудивительно, что знатные отпрыски составляли большинство на курсе.

Стеснительный Кеша, кроме Соловья, ни с кем больше особо не старался ни сблизиться, ни подружиться. Остальные на него тоже посматривали свысока, как на выскочку и деревенщину с севера. По странному совпадению почти все ученики на этом курсе были южанами, кроме них с Соловьём и ещё одной девочки, привлёкшей внимание Кеши в первый же день.

Девочка выделялась среди прочих своими белыми воло-

сами и неправдоподобно яркими синими глазами. Видел Кеша светловолосых девушек, но у этой были не просто светлые, русые или золотистые волосы, а именно белые, как только что выпавший снег. Кеша прозвал её про себя «белоснежкой», пока не узнал от Соловья, что зовут девушку Морозова Метелица, что она дочь великого держателя Севера Мороза и что клинья к ней поэтому подбивать не стоит.

– Без шансов! – твёрдо заявил Соловей. – Она птица не нашего полёта, старик, и с Морозом связываться себе дороже. Лучше с Сирин попробуй, и то больше шансов.

Кеша не хотел пробовать с Сирин. Он знал, что она дочь какой-то знатной особы из Малахита. И ему не было до этого никакого дела. Куда важнее было то, что Сирин уже сдружилась с Метелицей и повсюду таскалась вместе с ней, не давая ни малейшей возможности застать её одну и хотя бы толком познакомиться.

До первого дня занятий Кеша видел Метелицу только в общей столовой, да изредка встречал, прогуливаясь в саду и бросая на неё смущённые, но пристальные взгляды. Порой Метелица поглядывала на него с ответным интересом, но этим всё и ограничивалось. В следующую секунду она отворачивалась к Сирин, и девушки начинали перешёптываться, хихикая и прыская в кулак. Соловей бил приятеля по спине и уводил приунывшего Кешу посмотреть город.

* * *

На первый урок Велизарий собрал курс в круглом зале, одна половина которого широкими распахнутыми окнами выходила в сад, а другая была занята невысоким помостом, заваленным разноцветными подушками. Он предложил ученикам рассаживаться, кто где хочет, и Кеша потащил Соловья на край полукруглого помоста напротив Метелицы.

Велизарий встал в центре зала, добродушно улыбаясь оглядел притихшую молодёжь. Ни учебников, ни тетрадей он им не предложил; казалось, сегодня Велизарий намеревается только говорить, а им предстояло слушать.

– Волшебство, мои дорогие, штука одновременно и простая, и сложная. Простая втомсмысле, что это не дар, не чудо и даже не тайна. Нет врождённых волшебников с врождённым даром, кто бы вам и что по этому поводу ни говорил. И чудом – если мы понимаем под чудом явление или действие без явно выраженной и доказуемой причины – волшебство тоже не является. Волшебство – это инструмент, которым при желании может овладеть любой.

Велизарий ходил по комнате, заложив руки за спину и время от времени поглядывая то на одного, то на другого ученика. Слушали его внимательно; даже Кеша на какое-то время отвлёкся от Метелицы.

– Другое дело, что инструмент этот чрезвычайно слож-

ный, тонкий и крайне опасный, – продолжал Велизарий, предупреждающе подняв палец. – И доступный поэтому очень немногим. Топором владеют многие, мечом меньше. Музыкальными инструментами ещё меньше. Волшебство – инструмент высшего уровня сложности и доступен он лишь особым талантам. Нужны определённые наклонности к этому, нужны способности, как слух и чуткие пальцы для игры на лютне. Способности эти есть у единиц, хорошо если у десятков людей. В этом году мы набрали четырнадцать учеников – это очень много. Ваш выпуск может стать уникальным.

Велизарий остановился, обвёл взглядом учеников, помолчал и снова зашагал. Кеша воспользовался секундной паузой, чтобы бросить взгляд на Метелицу – она слушала Велизария сосредоточенно, наматывая и разматывая на пальцах синюю ленточку для волос.

– Прежде чем объяснять, как производится и творится волшебство, остановимся на качествах и способностях, необходимых волшебникам. Концентрация. Способность к предельной концентрации мысли – первейшее и необходимейшее условие для любого волшебства. Когда волшебник творит чары, он должен предельно конкретно и ясно представлять в своей голове и весь процесс, и конечный результат колдовства. Дело не в заклинаниях, заклинания и попугай выучит. Большинство волшебников обходятся вообще без заклинаний, как хороший певчий без нот. Они представляют исходный объект и воображают желаемый. При должной

концентрации и настойчивости превращение материализуется наяву. Вот так.

Велизарий взмахнул рукой, и одна из подушек, разбросанных по комнате, превратилась в золотой кувшин. Взмахнул ещё раз, и кувшин обернулся яркой тропической птицей, вылетевшей в окно. По помосту пронёсся нестройный гул восхищения.

– Но стоит хоть на самую малость ослабить концентрацию, – продолжил Велизарий, – хоть на самый краешек допустить стороннюю мысль, и колдовство сорвётся, а может и вообще выйти из-под контроля. Вы хотели превратить эту подушку в букет цветов, – Велизарий поймал влетевшую в руки подушку, – но не успели убрать из головы мысли о лесе, а в этих мыслях на краешке сидит ещё и река, а в реке – всякая живность, и вместо цветов, которые вы хотели подарить подружке, у вас в руках почему-то оказывается… лягушка.

Велизарий продемонстрировал восхищённо загудевшему курсу лягушку и выбросил в окно.

– Да, Метелица? – Велизарий обратил внимание на поднятую руку.

– Учитель, а как вы вообще колдуете? – смущённо спросила Велизария Метелица. – Для материализации нужен Лонгир, а вы… вы же без камня…

– Очень хорошо, Метелица, хвалю за наблюдательность, – поощрительно кивнул Велизарий. – Да, без проводника, без камня Лонгир материализовывать мысли нельзя. Однако я

это сделал. Кто скажет почему?

Велизарий с улыбкой оглядел ряд замешкавшихся учеников. Первым поднял руку Соловей.

– Да, Соловей, слушаю, – кивнул Велизарий.

– Может, вы спрятали камень? – предположил Соловей. – В рукаве или ещё где?

Велизарий весело улыбнулся, поднял руки, с которых до плеч скатились широкие рукава.

– Чистые! – продемонстрировал он. – В шапке тоже ничего. – Велизарий снял свою круглую шапочку, потряс ею перед Соловьём. – Я бы разделся совсем, но перед девочками неудобно. Так что поверь на слово, Соловей, Лонгира при мне нет. У кого есть ещё какие версии?

Велизарий нахлобучил шапочку обратно, оглядел озадаченных учеников.

– Да, Троекуров, – кивнул он Кеше. – Что ты придумал?

– Я читал, что можно колдовать, используя рассеянный Лонгир, – Кеша метнул взгляд на Мителицу. – Если колдовство не требует больших затрат энергии, этого иногда хватает.

– Ты абсолютно прав, Троекуров, – согласился Велизарий. – Лонгир в нашем мире используется не только в твёрдом, но и в других состояниях. Наиболее употребительный после камня растёртый в порошок или, иначе говоря, рассеянный Лонгир.

Велизарий вытянул ладонь со щепоткой синеватого по-

рошка, больше похожего на пыль, подул, и порошок взлетел, поблёскивая и растворяясь в воздухе за пару секунд.

– Сейчас этот способ почти не используется – слишком нерационально. Концентрация слабая, воздействие, как следствие, тоже. Но за прошлые века, когда рассеянный Лонгир использовался довольно часто, он накопился в нашем мире, и сильные волшебники могут пользоваться им как проводником. Конечно, это не идёт ни в какое сравнение с камнем, но для несложного волшебства вполне сгодится.

– Так, теперь устроим практические занятия, посмотрим, на что вы годитесь, – Велизарий похлопал в ладоши, призывая учеников подняться. – Начнём с простейшего. Возьмите каждый по подушке и смените ей цвет.

Кеша подхватил с помоста зелёную подушку, на которой только что сидел, растерянно повернул в руках, не зная, что делать дальше. Он украдкой посмотрел на остальных – те были озадачены не меньше, чем он, некоторые и просто испуганы. Метелица, сосредоточенно сдвинув светлые брови, вертела подушку, словно выбирая, на какую сторону лечь.

– Никаких заклинаний не нужно, – наставительно произнёс Велизарий. – Просто внимательно смотрите на свою подушку, отрешитесь от всего происходящего и представляйте, как она меняет цвет на нужный вам. Предельная концентрация, внимание, отрешённость от постороннего – начали.

Кеша ещё раз посмотрел по сторонам, заметил, что Соловей с Метелицей уже уставились на свои подушки, и, пода-

вив непроизвольный смешок, тоже опустил глаза.

Это оказалось совсем нетрудно. Кеша сам не понимал, почему так произошло, но едва он представил, как нежно-зелёный цвет подушки темнеет, наливаясь бордовой густотой, как это и случилось на его глазах. Он даже не щурился, как одни, и не распахивал глаза, как другие; он просто смотрел на подушку, и она меняла цвет с зелёного на бордовый.

Кеша ещё продолжал смотреть на подушку, ещё даже не успел удивиться, обрадоваться или осознать, что совершил первое в своей жизни волшебство, как услышал над ухом негромкие хлопки и лишь секунду спустя понял, что это аплодирует Велизарий.

– Отлично! Отлично, Троекуров! Вот уж не ожидал. Не то что с первого раза, даже на первом занятии мало у кого получается, – Велизарий смотрел на Кешу, кажется, даже не с восхищением, а с удивлением.

– Ага! А вот и ещё один успех, – Велизарий повернулся к Метелице, чья подушка только что сменила ярко-оранжевый цвет на синий. – И Соловей тоже справился! – Соловей поднял над головой пурпурную подушку, бывшую до этого серебристо-серой. – Да вы молодцы, ребята! Северяне выходят вперёд, поздравляю!

Велизарий восхищённо смотрел на троицу отличников, переводя взгляд с одного на другого. Кеша посмотрел вокруг. Кажется, действительно получилось только у них троих. Остальные не смогли сменить даже оттенка и с завистью

поглядывали на троих везунчиков, с раздражением вертя в руках свои подушки.

Кеша улыбнулся Метелице. Это вышло непроизвольно, он даже не успел ничего такого подумать, но она улыбнулась ему в ответ.

– Везёт тебе, Троекуров! – зашептал Соловей на ухо Кеше, брякнув по спине в виде поздравления. – Кажется, ты привлёк её внимание.

Велизарий захлопал в ладоши, призывая всех успокоиться и начать сначала.

Глава 4. Скальный Грай

«…Вот так, легко и непринуждённо, состоялось знакомство Кеши Троекурова с Метелицей Морозовой, дочерью властителя Четвёртого царства. Не было обычной подростковой зажатости и неуклюжести, неловких ухаживаний и нервных переживаний. Молодые люди сразу понравились друг другу, быстро сдружились, и то, что они вместе с Соловьём оказались единственными северянами на курсе Велизария, только способствовало их сближению. Как и то, что все трое сразу же выделились из остальных своими способностями и умениями…»

Костя перевернул страницу и задумался. Бесполезно, конечно, искать разгадку бессмертия Кощея в главах раннего периода его жизни. Но дело-то в том, что он и в позднем по-

ка ничего не нашёл. Понятно, что он не всё ещё прочитал и даже до середины Книги не добрался. Наверное, в какой-нибудь сказке ближе к концу Книги он всё-таки наткнётся на рецепт бессмертия и сможет воспользоваться им и вернуться обратно. Но чтобы найти это место, приходилось перечитывать Книгу с самого начала – по крайней мере, все главы с Кощеем.

Костя закрыл Книгу. Читать больше не хотелось. Ну не сейчас же, в самом деле! Не в это чудесное солнечное утро!

Он проснулся от весёлого щёлканья канареек и сразу же вспомнил мраморный дворец царицы Марьи, оставивший у него тягостное впечатление, полёт на Коньке-горбунке в бездонном ночном небе, шум моря, бьющегося о камни утёса. Конёк опустился на площадку самой высокой башни дворца, вытесанного в цельной скале, и Костя, когда освободился от удерживающих его ремней, тут же подбежал к краю башни и, схватившись за зубчатый парапет, выглянул вниз.

Внизу, под высоченной скалой утёса, неразличимо переходящей в стену башни, шумело море, наскакивая пенистыми гребнями на скалу и отваливаясь, оставляя клочки пены на каменистых выступах и впадинах. Справа и слева от скалистого мыса береговая линия полукругом отступала назад и снова выгибалась в море, образуя два больших залива.

Это было легендарное Лукоморье, воспетое Пушкиным, и Костя восхищённо крутил головой, чувствуя, что реальность не обманула его ожиданий. Он пытался разглядеть внизу, на

берегу, тот самый сказочный дуб, по которому ходил кот учёный, но вид на берег заслоняли башни и стены дворца, крыши домов, спускающихся по склонам утёса, да и в любом случае было темно и до берега далеко.

Он не заметил, как исчез Конёк-горбунок, как оказались рядом князь с княгиней, вновь обернувшиеся людьми. Княгиня дала ему насладиться видом, потом взяла за плечи и мягко увела внутрь дворца. Костя уже плохо помнил, как они куда-то спускались по узким крутым лестницам, где-то и чем-то торопливо ужинали, кто ему, уже полусонному, помогал умыться и раздеться. В конце концов его положили в кровать, подоткнули одеяло, и кто-то – в полусне Костя уже не сообразил кто, наверное, княгиня Ольга – поцеловал его в лоб. Через секунду он уже спал.

Проснувшись, Костя ощутил себя таким свежим, отдохнувшим и выспавшимся, каким не помнил давно. Он не любил ходить в школу в первую очередь из-за раннего пробуждения. Ему всегда не хватало ещё немного поспать, и почти всегда он шёл в школу в плохом настроении, невыспавшийся и раздражённый. Минуты перед пробуждением, когда он ещё не совсем проснулся, но уже чувствовал, что вот-вот придёт мама его будить, были для Костика худшим временем дня, и он с удивлением и благодарностью сообразил, что здесь ему дали выспаться вволю – едва ли не впервые за последние пять лет.

Он полежал, с наслаждением ощущая приятную истому,

свежесть и бодрость во всём теле, огляделся и заметил свой рюкзак, пристроенный на сундуке в изножье кровати. Костя быстро перегнулся через спинку кровати, подтянул его к себе и достал Книгу.

Правду сказать, читать ему сейчас не хотелось. Он знал, что должен найти ответы на многие вопросы, но утро было таким соблазнительно ярким и солнечным, в открытое окно дул такой освежающий бриз, а канарейки распелись так азартно, что Костя с трудом осилил пару страниц и больше не смог. Ему не хотелось больше лежать в постели, а хотелось есть.

Он запихал Книгу обратно в рюкзак и только задумался по поводу завтрака, как его отвлекли две любопытные белки, прыгнувшие невесть откуда на подоконник. Костя замер в кровати, боясь спугнуть зверьков, но те его, кажется, совсем не боялись.

Белки с любопытством принюхались, соскочили с подоконника на стол, в три прыжка пересекли комнату и забрались к Косте на одеяло. Они смешно дрожали носами, и Костя лишь через пару секунд вспомнил, что у него в рюкзаке лежит с позавчерашнего дня открытый пакетик с орешками.

Он быстро достал его, высыпал орешки на ладонь и протянул угощение белкам. Те подпрыгнули поближе, помялись, поглядывая то в ладонь, то в лицо Костика, потом быстро схватили по орешку и уселись в ногах мальчика, с аппетитом похрумкивая лакомством.

Костя разулыбался. «А орешки непростые, всё скорлупки золотые…» – вспомнил он. Да, вот бы и впрямь они были бы золотыми! Впрочем, и так неплохо.

Скрипнула дверь. Белки стремглав спрыгнули с кровати и тут же вернулись на подоконник. Костя невольно вздрогнул, рассыпав орешки по кровати и подтянув одеяло. В комнату пролез сначала лохматый пёс добродушного вида, а за ним зашла княгиня Ольга.

– Доброе утро, соня! – приветливо улыбнулась она. – Проснулся наконец?!

– Ага! – пробормотал Костя, косясь на пса. – Доброе утро!

– Шарик, Шарик! – позвала княгиня пса, норовившего лизнуть Костика. – Сидеть! Вообще-то, он безобидный и ко всем лезет дружиться. Можешь его не бояться.

– Угу, – отозвался Костя, спуская руку с кровати. Шарик тут же принялся лизать ладонь. Костя засмеялся, переводя взгляд с Шарика на княгиню.

Она была тоже по-утреннему свежа и оживлённа. На ней было домашнее простое бело-зелёное платье с широким мягким поясом, нитка перламутрового жемчуга на шее и тонкая золотая ленточка, вплетённая в косу.

– Сколько уже времени? – спросил Костя, косясь на княгиню. – Я долго проспал?

Она весело рассмеялась.

– Ты проспал больше суток, родной! Две ночи и вчерашний день.

– Да ладно?! – не поверил Костя.

– Правда-правда, – заверила княгиня. – Я дала тебе капельку успокоительного за ужином, чтобы ты хорошо отдохнул. Вот ты и проспал столько. Ну что, готов к завтраку?

Костя бодро кивнул. Княгиня вела себя так открыто и доброжелательно, что он, почти невольно, и сам заражался её настроением.

– Отлично! – Ольга опять улыбнулась. – Тогда одевайся, умывайся и спускайся в столовую. Шарик покажет тебе дорогу. Шарик! – княгиня посмотрела на пса. – Понял меня?

Шарик тявкнул и завилял хвостом.

– Тогда ждём вас, мальчики! – княгиня сверкнула улыбкой напоследок и вышла из комнаты, оставив дверь приоткрытой.

Костя спустил ноги с кровати, надел свежую рубашку и штаны, натянул сапоги, подаренные Марьей Моревной. С удовольствием пристукнул каблуками и огляделся в поисках умывальника.

Шарик подбежал к столику у стены, тявкнул и поставил передние лапы на край столика. Тут же в нём появился серебряный тазик, а из стены выдвинулся серебряный узкогорлый кувшин. Кувшин наклонился, и из горлышка потекла ровная струя воды.

Костя присвистнул от восхищения, подошёл к импровизированной раковине и, стараясь не сильно плескать, умылся холодной водой. Только он отодвинулся и стал стряхивать

воду с ладоней, из стены выдвинулся крючок с полотенцем.

– Вот это сервис! – восхищённо пробормотал Костя, вытираясь мохнатым полотенцем. – Интересно, а зубы здесь чистят, а, Шарик?

Пёс озадаченно смотрел на мальчика и колотил хвостом по полу.

– А, ладно, и так сойдёт, – решил Костя, пригладив волосы рукой и посмотрев на Шарика. – Ну что, веди давай!

Шарик тявкнул, вильнул хвостом и вышел из комнаты. Костя бросил взгляд на рюкзак, оставленный у кровати, мельком и без особого удивления отметив, что та уже заправилась сама собой, и поспешил вслед за Шариком.

Они спустились по узкой круговой лестнице на два этажа вниз, прошли по простому, без изысков (в сравнении с дворцом царицы) коридору, пару раз свернули и встали перед приоткрытой дубовой дверью, из-за которой доносились голоса и соблазнительные запахи.

Костя опять оробел. Он знал, вернее догадывался, кто будет за дверью – очевидно, всё княжеское семейство в полном составе. А он всегда больше ладил со старшими, чем с ровесниками, и с княжескими детьми ему вдруг совсем не захотелось встречаться. Что он им скажет? Как они его примут?

Шарик, впрочем, решил всё за него. Просунув морду в дверь, он распахнул её пошире и, виляя хвостом, вошёл в комнату. Шум голосов усилился, и Косте ничего не оставалось делать, как последовать его примеру.

Столовая оказалась совсем не такой большой, как он ожидал. В уютной комнате, обшитой светлым деревом и наполненной утренним солнцем, вливавшемся в распахнутые окна, стоял круглый стол. За столом сидели князь с княгиней и трое ребятишек. Ещё один плетёный стул стоял свободным.

– А вот и наш гость! – воскликнула княгиня, вставая и подходя к Костику. – Ребята, знакомьтесь – это Костя. Костя, это Олег, это – Яна, а этот вот карапуз с вареньем – Игорёк. Давай, проходи, садись, будем завтракать.

Костя знал, кого ему представляли. Он прочитал сказку о князе Гвидоне и царевне Лебеди, изрядно отличавшуюся от пушкинской версии, и уже был заочно знаком со всем княжеским семейством.

Двойняшки Олег и Яна были его ровесниками. Крепкий, коренастый, светловолосый и голубоглазый брат мало чем напоминал свою тоненькую, темноволосую и кареглазую сестру. Они отличались и внешностью, и характером, помнил Костя; смелый, любознательный и озорной Олег постоянно втягивал в какие-нибудь проделки и неприятности осторожную и осмотрительную Яну, которая хоть и не одобряла затеи брата, почти всегда соглашалась в них участвовать или хотя бы прикрывать. Пятилетний Игорёк был немного толстеньким для своего возраста и кругленькой довольной мордашкой с удивлённо распахнутыми глазами действительно напоминал карапуза.

– Здрасьте! – Костя неловко кивнул всем сразу и сел на

свободный стул между княгиней и Олегом. Он ощущал на себе любопытные взгляды и не знал, как себя вести и о чём говорить.

К счастью, княгиня всё взяла в свои руки.

– Что будешь есть, Костя? Кашу, блины, творог с мёдом? Попробуй творог – свежий, только сегодня откинули. И мёд калачовский, лучший в наших краях. На прошлой неделе привезли.

– Спасибо! – поблагодарил Костя, придвигая к себе тарелку с творогом и поливая его из серебряной вазочки густым тягучим мёдом. Творог оказался и впрямь неожиданно вкусным, и хотя у себя Костя его не очень любил, тут и сам не заметил, как с аппетитом въелся.

Остальные завтракали кашей, свежим сыром и хлебом. Запивали чаем и топлёным молоком. Изредка бросая взгляд на семейство, Костя видел, что дети умирают от желания что-нибудь спросить у него, но то ли тоже стесняются, то ли родители запретили.

Олег, как и следовало ожидать, не выдержал первым. Торопливо проглотив последнюю ложку каши и, видимо, посчитав это честно выполненным условием, он повернулся к Костику с самым невинным видом и, стараясь звучать как можно более естественно, спросил:

– Так ты и правда из другого мира? Как там, сильно по-другому, чем у нас?

– Олег! – княгиня бросила на сына испепеляющий взгляд.

Костя усмехнулся. Конечно, следовало этого ожидать и никуда ему от этого вопроса было бы не уйти. Так чего откладывать, можно и сейчас.

– Ну, на самом деле, не так уж там всё сильно и отличается. Одеваемся по-другому и дома немного другие. Интернет есть, машины, самолёты – ну да, так сразу-то, наверное, по-другому всё кажется. Но привыкнуть можно. Алексей Иванович же… то есть Кощей же ведь привык. Освоился и живёт, как мы.

Костя не сразу понял, почему так напряглись лица князя с княгиней и испуганно-восторженно распахнулись глаза детей.

– Ты видел нашего дядю?! – благоговейно понизив голос, спросил Олег.

– Ну… да, – Костя только сейчас вспомнил, что Кощей родной брат княгини и, соответственно, дядя её детей; настолько это не вязалось и не сходилось на первый взгляд. – Я, вообще-то, от него здесь… Ну, то есть без него… Я хочу сказать… – Костя запутался, не зная, как толком объяснить, что произошло.

– Это он тебя сюда послал? – напрямую спросила Яна.

– Ребята, это всё необязательно сейчас обсуждать, – попыталась урезонить детей Ольга. Но не тут-то было.

– А дядя Кощей у вас тоже всех захватил? – толстенький Игорёк жадно уставился на Костю.

Яна шикнула на брата, отвесив ему хороший подзатыль-

ник. Костя усмехнулся.

– Нет, никого он у нас не захватывал. Он вообще… Я хочу сказать, у нас вообще никто не знает, что он Кощей Бессмертный. Он же без магии. Он теперь не колдует, а просто лечит.

Костя заметил, как княгиня выразительно переглянулась с мужем. А вот ребятишки не поняли.

– Не колдует? – озадаченно переспросил Олег. – Как это – не колдует? А как же он тогда там живёт?

– Костя, может быть, тебе чаю горячего? – попыталась сменить разговор Ольга.

– Да, спасибо, – Костя отодвинул тарелку и взял из рук княгини кружку с ароматным чаем, настоянным на каких-то травах. – Ну, смотри, – повернулся он к Олегу, – у нас ведь необязательно колдовать. Захотел есть – позвонил, заказал, и тебе привозят еду на дом. Надо куда-то отправиться – сел в самолёт. Надо что-то узнать – открыл интернет. Вообще не надо колдовать, всё везде есть. Свет, вода, тепло – всё проведено в каждый дом, надо только кнопку нажать.

Ребята слушали Костика, мало что понимая, но с явным неподдельным интересом. Костя хлебнул чай, скромно стараясь не показывать, как польщён подобным вниманием.

– Но как же всё это работает без волшебства, – сдвинув брови спросила Яна.

– Ну, это наука, – не без самодовольства ответил Костя. – Технический прогресс и всё такое. Сначала у нас что-нибудь

изобретают, потом конструируют, делают. Техника работает по разным законам. И колдовать не надо, надо только знать, как их применять.

– То есть ты хочешь сказать, что в вашем мире лучше, чем в нашем? – недоверчиво спросила Яна. – Тогда что ты тут делаешь?

Костя осёкся. Незаметно для себя начав хвастаться, он не заметил, как сел в лужу. Девочка задала правильный вопрос.

– Ну… не всё лучше, конечно, – промямлил он. – Кое-что у нас до сих пор не умеют, чего есть у вас. Да и вообще я не хотел… Это Алексей Иванович сказал, что…

– Так, ребята, хватит, – решительно прервала разговор Ольга. – Костя оказался в нашем мире по стечению обстоятельств – это всё, что вам надо знать. Костя, можешь все их вопросы отсылать ко мне – я им отвечу, как следует. Больше его не тревожить, понятно? – княгиня грозно посмотрела на детей, те торопливо закивали. – Вот и ладно. Костя пробудет нашим гостем какое-то время. Надеюсь, вы отнесётесь к нему подобающе и сделаете всё, чтобы он здесь не скучал.

– Да я и не скучаю, – пробормотал Костя, чувствуя себя виноватым за грозный тон княгини.

– Надеюсь, Костя, – улыбнулась ему Ольга. – Чем ты хочешь заняться после завтрака?

– Ну не знаю, – пожал плечами Костя. – Может, погулять, посмотреть город?

– Отличная мысль! – вскочил Олег. – Мам, можно мы с

ним, покажем Косте, что тут где?

– Ну не знаю, – княгиня, кажется, растерялась. Она с сомнением посмотрела на Костика, бросила вопросительный взгляд на мужа.

– Почему бы и нет?! – согласился князь. – Спуститесь до берега, прогуляйтесь по пристани.

– Батя, а можно мы «Кречет» возьмём, по лагуне покатаемся? – осторожно попросил Олег.

– Нет, нельзя! – резко ответила Ольга.

– Ну мам! – заныл Олег. – Ну чего ты? Мы столько раз уже катались, и я сам выводил и правил тоже. Мы же Косте покажем… Ты ведь хочешь, а? – Олег повернулся к Костику. – По лагуне покататься? На парусной ладье?!

Костя знал, что по всем правилам приличия ему нужно согласиться с княгиней и вежливо отказаться от морской прогулки. Но он просто не мог заставить себя это сделать. Перспектива, нарисованная Олегом, казалась ему настолько заманчивой, что он просительно посмотрел на княгиню, выразительно скосив глаза в сторону Олега.

– Хорошо, – смягчилась княгиня. – Только возьмите с собой Финиста. Одних я вас…

Ольга не успела договорить, в дверь постучали. В столовую вошёл усатый горбоносый мужчина в светло-сером плаще.

«А вот и Финист!» – тотчас же узнал его Костя.

– Финист! – обрадовалась Ольга. – Хорошо, что ты зашёл.

Мы как раз про тебя… Что случилось? – резко оборвала себя княгиня, заметив выражение его лица.

– Крёстный, ты пойдёшь с нами на лодке в лагуну? – подбегая к Финисту и надеясь на отказ, спросил Олег.

– Привет, богатырь! – Финист улыбнулся, подтянул подпрыгнувшего Олега на руке. – Здравствуй, Костя! Всей честной компании! – он кивнул всем остальным. – Нет, ребята, сегодня я с вами не смогу пойти. Надо кое-что срочно обсудить.

Финист выразительно посмотрел на князя. Тот понял.

– Так, Олег, бери Костю, ребят, и идите гулять, – спокойно произнёс князь деловитым тоном. – Можете взять лодку, покататься. Но под твою ответственность. Если что случится, больше ты в море один не выйдешь.

Ольга встревоженно и сердито посмотрела на мужа, потом грозно и предупреждающе на Олега. Тот, вне себя от радости, схватил одной рукой Игорька, другой Костю и выбежал из столовой, пока родители не передумали. Яна поспешила за ними, улыбнувшись на ходу Финисту и понимающе кивнув на предупреждающий взгляд матери: мол, не бойся, послежу за мальчишками. Уже не первый раз ей приходилось осаживать энтузиазм брата обещанием наябедничать маме. Иногда это даже помогало.

* * *

– Что? – без предисловий спросил князь, едва за детьми закрылась дверь.

– Новый посланец, – ответил Финист, садясь за стол и наливая чай. – Только что пришло сообщение от Коломны. Велено выставить дозоры по всем трактам и стеречь по Гребню. Нужно твоё распоряжение.

– Какой посланец? – всполошилась Ольга. – Это ты про вчерашнюю, Кошкину? Марья что, передумала с Обменом?

– Нет, княгиня, Кошкина всё ещё в Волхове, и не о ней речь, – Финист залпом выпил чай, вытер усы. – Сегодня под утро через Исток явился новый гость. Его ждали, но и он был готов. Ранил одного дозорного, увёл коня и скрылся. Всем велено поднять розыск, не только нам. Марья вне себя, рвёт и мечет. Коломна говорит, лучше ей сейчас ни о каком Обмене вообще не напоминать.

– Так это… – Ольга перевела растерянный взгляд с сосредоточенного мужа на Финиста. – Это что тогда – мальчик останется? Марья же согласилась… И Кошкина ручалась… Почему всё сорвалось?

Финист пожал плечами. Князь хмуро смотрел в стол, постукивая пальцами по краешку тарелки. Ольга закусила губу.

Она так была рада утром, что Костю можно отправить об-

ратно домой, что очередная ложь брата не станет роковой хотя бы для этого мальчика, а теперь почему-то опять всё срывается. Она хвалила себя сейчас, что не стала заранее сообщать Косте о вчерашнем посланце из его мира и преждевременно обнадёживать его несостоявшимся возвращением. Пережить такое ещё раз мальчик, наверное, просто не смог бы.

Но почему, почему же всё сорвалось?! Кто нарушил данные Кошкиной обещания?

* * *

Костя не знал, почему всё сорвалось и кто нарушил обещания. Он даже не понял, что что-то случилось; ему вообще было не до того.

Олег хотел идти сразу же, но Яна настояла вернуться в комнаты и одеться для прогулки. Костя поднялся к себе вместе с Шариком, накинул замшевый зипун и, подумав, захватил из рюкзака смартфон. Пока зарядка держится, можно поснимать. А то со слов же никто не поверит.

Комнаты княжичей находились на том же этаже, но в соседней башне. Шарик провёл Костю к ним по замысловатому переходу, огибавшему какой-то большой парадный зал без окон и узкую крутую лестницу, ведущую непонятно куда. Косте немедленно захотелось исследовать, куда ведёт эта лестница, но Шарик, виляя хвостом, трусил впереди, и, не

желая заставлять других ждать себя, он прибавил шагу.

Ребята уже ждали его в коридоре. Олег с Игорьком надели такие же замшевые, как у Кости, коричневые зипуны; на Яне была светло-серая накидка с капюшоном и краповый жилет поверх белой рубашки. Она заплела волосы в косу и выглядела довольно мило.

– Ну что, идём, – радостно провозгласил Олег и, оглядываясь, устремился вперёд по коридору, гордый своей ролью вожака. Яна взяла Игорька за руку и вместе с Костей поспешила за братом.

Они спустились на первый этаж, прошли по мрачноватой прихожей, освещённой факелами, и вышли в распахнутые высокие двери, больше напоминавшие ворота. Солнечный свет брызнул в лицо, город ослепил буйством красок, звуков и запахов.

Княжеский дворец стоял на самой вершине утёса. Сразу же от парадного крыльца, словно в его продолжение, широкими уступами спускалась к подножию утёса главная улица Скального Грая. Вся улица, собственно, напоминала Косте гигантскую лестницу с широченным ступеньками, по бокам которой жались друг к другу разноцветные двух-и трёхэтажные кирпичные дома под черепичными крышами, иногда пропуская между собой переулки. С верхней, дворцовой площадки этой лестницы был отлично виден весь город, спускавшийся по склонам утёса до крепостной стены и расползавшийся по ней к берегу направо и налево.

Левый залив был поменьше и поуже, с более крутыми и скалистыми берегами и служил портом для военных и посольских кораблей. Правый, широкий и покатый, занимали рыбацкие лодки и купеческие галеры. Берега обоих заливов были сплошь застроены причалами, доками, складами, мастерскими, гостиницами и кабаками. Даже отсюда, сверху, было видно, что там, внизу, на берегу и в глубине заливов, и на выступающих далеко вперёд, словно молы, крайних мысах в одноэтажных скромных домиках живёт простой рабочий люд, обслуживающий порт. А здесь, на скале центрального мыса, под сенью княжеского дворца, устроился народ познатнее и побогаче.

До столичного размаха и основательности Волхова город, впрочем, явно не дотягивал. За исключением княжеского, дворцов в городе больше не наблюдалось, да и вельможных особняков тоже не было видно. Первые этажи домов были заняты магазинчиками, лавками, трактирами и чайными. Распахнутые окна открывали прилавки с заманчивыми вкусностями и сладостями, игрушками, тканями, драгоценностями, оружием и прочими товарами. Едва ли не в каждом втором магазинчике на витрине или в глубине помещения висели клетки с птицами – певчими канарейками, почтовыми голубями, охотничьими соколами, декоративными попугаями и многими другими, вплоть до кур, несущих золотые яйца. Яйца были, впрочем, пояснили Косте ребята, не золотыми, а так, позолоченными, или, скорее даже, жёлто-блестящими,

из особой породы кур.

Княжичей в городе знали и любили, это Костя отметил сразу. Каждый первый встречный с ними здоровался, каждый второй торговец приглашал зайти, прицениться, что-нибудь прикупить. Косте было интересно всё, он бы обошёл все магазинчики и мастерские по улице. Но Олег нетерпеливо отмахивался, говорил, что это всё ерунда и вообще успеется, зайдут потом, когда будут деньги, а сейчас надо к пристани и в море, пока родители не передумали.

Спустившись до середины улицы, Костя попросил ребят подождать и вытащил смартфон. Он включил камеру, навёл на дворец и сфотографировал.

– Это чего? – немедленно поинтересовался Олег.

– Смотри, – Костя показал ему фото на экране. – Круто, да?!

Олег изумлённо уставился на экран. Тут же, пихнув его в локоть, пролез посмотреть Игорёк, и Яна тоже с интересом заглянула через плечо брата. Костя поворачивал смартфон так, чтобы всем удалось рассмотреть снимок.

– Это как делается? – Олег осторожно взял смартфон из рук Кости, потряс, словно надеясь вытрясти дворец из него. – Как он там оказался?

Княжич повернулся к дворцу, словно желая убедиться, что тот по-прежнему на месте. Костя рассмеялся.

– Да это просто снимок, вроде рисунка в книге, – он забрал смартфон. – Давайте-ка, я вас тоже сниму. Или нет, луч-

ше вставайте сюда, за мной – селфи сделаем.

Костя повернулся, вытянул руку и включил запись, постаравшись захватить в кадр и себя, и ребят.

– Скажите чего-нибудь, – попросил он.

– Чего? – растерянно спросил Олег.

– Ну, не знаю, представьтесь, там, поздоровайтесь. Привет передайте. А, ладно… Короче, мы сейчас в Лукоморье, в Скальном Грае, спускаемся в лагуну на прогулку под парусом. Со мной Яна, Олег и Игорь – дети князя Гвидона и царевны Лебеди. Точнее, княгини Ольги. Пушкин тут чего-то напутал. Или наврал.

– Ну вот, – Костя остановил запись, повернулся к настороженным и недоумевающим ребятам, – записали. Смотрите, что получилось.

Он нажал на пуск и поднёс экран поближе к ребятам. Те смотрели на только что сделанную запись расширенными от изумления и, кажется, даже страха глазами. Костя опять почувствовал себя польщённым.

– Как это делается? – севшим голосом спросил Олег. – Мы что… мы там?

Он ткнул пальцем в экран. Костя опять засмеялся.

– Да нет, я же говорю – это просто запись. Ну, представь, что тебя нарисовали и твой портрет на странице в книжке. Это же не значит, что и ты в книжке, правильно?

– Да, но здесь… Здесь же мы как живые… и говорим…

– В зеркале вы тоже как живые. Ну, вот это вроде зеркала,

только с памятью. Эта штуковина записывает и хранит, что тебе надо.

– Понятно, – Олег выдохнул с неподдельным облегчением. Костя, улыбаясь, посмотрел на Яну – она тоже немного успокоилась. Только Игорёк по-прежнему ничего не понимал и заворожённо таращил на смартфон светлые глазёнки.

– Смотрите, – Костя листнул экран. – Я вам покажу мой мир, откуда я прибыл. – Он снова встал так, чтобы Олегу и Яне было удобно смотреть. – Вот это вот Москва, папа меня возил туда на каникулах. Вот Кремль, вот Москва-Сити, вот это МГУ. Вот мы с папой на Воробьёвых горах. А вот тут мы уже в самолёте, когда обратно летели. Мы тогда в грозу попали, мне даже заснять удалось – вот, смотрите.

Костя включил запись. С экрана смартфона через окно самолёта явственно маячило грозовое облако, посверкивали молнии и даже раскаты грома доносились сквозь шум двигателей. Ребята благоговейно досмотрели запись и недоумённо уставились на Костю. Тот молчал, наслаждаясь произведённым эффектом.

– Это ты из этого мира? – спросил наконец Олег.

– Ну да, – Костя кивнул, пытаясь выглядеть как можно менее самодовольно.

– Что ты тут делаешь? – удивлённо допытывал Олег. – Чего тебе там не хватало?

– Ну… – Костя опять почувствовал себя неловко, как после такого же вопроса Яны. – Если честно, ребята, это была

не совсем моя идея. Нет, я ничего не говорю, мне тут нравится, у вас классно, но… – Костя вздохнул, снова двинувшись вниз по улице. – Но если бы не ваш дядя, я бы тут не оказался и даже ничего бы не узнал про ваш мир.

Олег с Яной значительно переглянулись. Игорёк, раскрыв рот, смотрел в лицо Косте и едва не слетел с очередной ступеньки – Яна успела подхватить его за шиворот.

– Хотя, если честно, – размышлял Костя, продолжая спускаться и не очень уже обращая внимание на окружающее, – это всё больше из-за царицы. Если бы не она, я бы уже вернулся домой.

– Крёстная?! – не поверила Яна. – Это она тебя не пустила домой?! Да не может быть!

– Правда-правда, – вздохнул Костя. – Это она.

– А почему? – спросил Олег. – Почему она тебя не отпустила?

– Ну… – Костя переглянулся с Олегом, потом с Яной, взглянул на таращившегося на него Игорька и неожиданно засомневался. А стоит ли им рассказывать? Не будет ли это выглядеть как жалобы? Или как попытки рассорить семью? Он ещё не очень разобрался в отношении ребят к своему зловещему дяде, но к тётке они, кажется, относятся хорошо, и ему не хотелось ссориться с ними из-за этого. – Я же сюда отправился за пером Жар-птицы. А оказывается, его не так просто достать. Вот и пришлось задержаться.

– Так ты пришёл сюда за пером? – Яна изумлённо округ-

лила глаза. – Пером Жар-птицы?!

– Ну вот, – Костя почти против воли усмехнулся. – Вы спрашивали, зачем я здесь – вот за этим. Этого в нашем мире нет. Волшебства в нашем мире нет.

Они ещё не спустились до края улицы, упиравшейся в крепостные ворота под башней, но Олег, подозвав свистом убежавшего вперёд Шарика, решительно свернул направо, в один из узеньких проулков. Теперь ребята спускались с утёса не по широкой и удобной центральной улице, а по узким крутым ступенькам, петлявшим между маленькими домиками по склонам холма. Ни палисадников, ни огородов при домиках не было, и порой от одного до другого дома можно было достать, встав посреди улицы и раскинув в стороны руки.

Идти по четверо в ряд было теперь неудобно, и ребята спускались по двое. Впереди шёл Олег, крепко держа за руку Игорька и помогая ему спуститься с особо крутых ступенек. За ними шли Яна с Костиком.

– И ты не знал, что Жар-птицу сейчас не достать? – допытывалась Яна. – Неужели дядя тебе не рассказал?

– Наверное, забыл, – смущённо пожал плечами Костя. – Или ещё что.

– Как же он мог забыть, если сам её заколдовал?! Финист пробовал добраться до неё, и то не смог…

Костя промолчал. Он уже понял, что история про Жар-птицу была приманкой, чтобы отправить его сюда. И, кажется, царица была права – его просто использовали втёмную.

Но он не знал, как объяснить ребятам, ему самому ещё было тяжело признать это.

Яна скосила на него глаза и деликатно сменила разговор.

– Мама сказала, что ты прилетел сюда на Коньке? Как тебе? Я вот ещё ни разу не летала.

– Серьёзно? – удивился Костя. – А почему? Не, лететь было классно, вообще никаких проблем. Но почему ты не летала? Я думал, вы тут все умеете.

– Да как-то знаешь… – замялась Яна, подбирая подол плаща и осторожно спускаясь по почти стёртым ступенькам одной из лестничек; Костя, спустившись первым, подал ей руку. – Как-то не приходилось ещё никуда летать…

– Да она боится, – оборачиваясь на ходу и радостно скалясь, пояснил Олег. – Она высоты боится. Её до сих пор в ступе возят.

Яна зарделась.

– Ничего я не боюсь, – сердито возразила она, стараясь не смотреть на Костика. – Просто не было ещё нужды летать…

– Ну да, – опять, ухмыльнувшись, повернулся Олег. – А когда в прошлом году батя предлагал научить, кто отказался? Ты и отказалась! Даже Игорёк попробовал.

– Я не отказывалась, – Яна смутилась почти до слёз. – Просто не захотела, вот и всё.

Теперь уже Костя думал, как сменить разговор. Ему хотелось сказать, что это всё ерунда, что у них девчонки тоже много чего не умеют, и Мика, вот, например, плавать не

умеет, потому что тоже боится. Но такое утешение, сообразил он, способно только ещё больше расстроить Яну, и он смущённо молчал, не зная, как вывернуть разговор из этого неловкого момента.

К счастью, гадать пришлось недолго. Они спустились с последней лестницы, прошли по коротенькой улочке в четыре дома и вышли на пристань. Здесь стояли на якоре три боевые галеры, красная посольская ладья и несколько прогулочных лодок. К одной из этих лодок с надписью «Кречет» на борту Олег и подвёл ребят.

– Ну как?! – торжествующе спросил он у Кости.

Тот восхищённо кивнул в ответ. Что говорить – лодка была прекрасна. Размером с хороший прогулочный катер, выкрашенная в белый цвет, с распростёршим крылья соколом, вырезанном на носу, с палубой, мачтой и штурвалом, она казалась воплощением всех детских мечтаний о море, сражениях и приключениях. Что у него было до этого, кроме катания по Неве и петербургским каналам? Ничего! А тут сразу выход в море на настоящем парусном судне, да ещё и без присмотра взрослых!

– Залезай! – скомандовал Олег, подхватив под мышки Игорька и перенеся его по мосткам на палубу. Шарик уже перебежал на лодку и, виляя хвостом, обнюхивал углы.

Костя осторожно перешёл по качающемуся трапу и обернулся выжидающе. Яна мялась. «Она же высоты боится!» – сообразил Костя и, подав девочке руку, помог ей перейти на

палубу.

Олег на удивление ловко и быстро спустил парус и, отвязав канат, вывел лодку в залив. У Кости сложилось впечатление, что тут явно не без какого-нибудь волшебства. Он вполголоса спросил у Яны, и та, рассмеявшись, подтвердила.

– Лодка заколдована. Надо только отдать швартовы, и она сама плывёт. Без ветра, без вёсел – безо всего. Олегу остаётся только рулить.

– М-да, – Костя с сомнением посмотрел на надутый парус, потом перевёл завистливый взгляд на Олега, горделиво стоящего у штурвала. – Всё равно круто.

– Хочешь, я скажу ему, чтобы дал тебе порулить? – предложила Яна, перехватив взгляд Кости.

– Не, не надо, – отказался Костя. – И так здорово.

Они стояли с Яной на носу лодки, опираясь спинами о борта и поглядывая то на море, вырастающее впереди, то на удаляющийся берег. Игорёк сидел, свесив ноги с палубы, и, обняв Шарика за шею, следил за пенистой струёй, обтекавшей лодку. Костя, вспомнив, как несли его лодочку по Молочной реке щуки, уже не удивлялся скорости хода. Ветерок был слабенький; он лишь приятно шевелил волосы, но никак не мог гнать лодку со скоростью хорошего моторного катера.

– И часто вы так катаетесь? – спросил он.

Яна опять засмеялась.

– Ну что ты, нет, конечно. Это сегодня мама разрешила, потому что ты у нас гость. Атак бы мы сейчас сидели и уроки

делали.

– Уроки? – удивился Костя. – Вы тоже в школу ходите?

– Нет, в школу нам ещё рано. И вообще ещё непонятно, возьмут ли нас. Мама говорит, что Велизарий уже старенький стал и может скоро бросить учительствовать. А нового учителя пока вроде даже и нет.

– Так он что, всё ещё преподаёт? – неосторожно брякнул Костя. – Велизарий, я имею в виду.

– Ого, ты знаешь Велизария? – удивилась Яна. – Откуда?

У Кости возникло странное ощущение дежавю. Он уже слышал недавно этот вопрос. В похожей формулировке с похожими интонациями. Но где?

– Я… э-э-э… – он замялся, не столько подыскивая ответ, сколько вспоминая, кто его спрашивал вот так же. – Мне Кощей рассказывал… кажется…

– А, понятно, – Яна помедлила, собираясь с духом. – Ну, а как он там вообще? В вашем мире?

– Да как-то так, знаешь, – Костя сразу поскучнел, ему больше не хотелось говорить о Кощее. – Ничего интересного, на самом деле. Живёт, как обычный человек.

Яна вопросительно взглянула на него, но промолчала. Костя видел, как ей хочется продолжить расспросы и узнать побольше про знаменитого дядю. Но то ли наставления матери, то ли собственная деликатность удержали девочку.

Костя был ей благодарен. Он не чувствовал в себе сил поддерживать сейчас разговор про Кощея, как он всё чаще даже

про себя называл теперь Алексея Ивановича. Алексей Иванович остался в другом мире.

– Так что ты там говорила про Велизария? – Костя вернулся к безопасной и безболезненной для него теме. – Он хочет бросить учить? А кто же теперь будет учить волшебников?

– Пока неясно, – вздохнула Яна. – Пока нас дома мама с батей учат, а там видно будет. Если что, они и сами закончат обучение. Вот только Лонгир получать всё равно придётся в Халдон лететь. Или в Малахит даже. Очень всё это сложно становится.

– Понятно, – пробормотал Костя, хотя, на самом деле, мало что понял. Он читал, конечно, про волшебный камень Лонгир, но так толком и не разобрался, кому его вручали и кто вообще имел на него право. Яна права, «очень всё это сложно».

Ветер усиливался. Он дул с моря, и Олегу приходилось маневрировать, чтобы вести лодку к выходу из залива. Встречный ветер мешал даже кораблю на волшебном ходу, и парус Олегу пришлось убрать.

– Хотел бы я тоже поучиться в школе Велизария, – неожиданно для самого себя произнёс Костя. – Так было бы здорово уметь колдовать!

– Ты серьёзно? – удивилась Яна. – Ты же сам говорил, что в вашем мире колдовать необязательно.

– Когда не умеешь, конечно, не обязательно, – возразил Костя. – Но кто же откажется?! К тому же я пока не в нашем

мире и не знаю даже, когда вернусь.

– А ты очень хочешь вернуться? – спросила Яна, внимательно взглянув на Костика.

– Конечно, хочу! – не очень убедительно ответил Костя. Но Яна продолжала смотреть на него, и Костя почувствовал странную неловкость. – Ну не прямо сейчас, конечно. У вас тут здорово, я бы и сам задержался на недельку или две. Если бы только родители знали, где я, тогда бы я вообще не парился.

– А ты не сказал родителям, куда отправляешься?

– Я не успел, – смущённо признался Костя. – Как-то всё неожиданно получилось. К тому же родители у меня… – он замялся.

– Что? – заинтересовалась Яна.

– Ну… – Костя взглянул на венчающий утёс дворец, – ну, они разводятся, в общем…

Он сам не знал, зачем это сказал. Он никому не говорил о разводе родителей. Он не хотел говорить об этом ни в школе, ни с бабой Ниной, ни даже с психологом – Алексей Иванович сам всё начал. А тут вдруг вылетело, и Костя уже был готов пожалеть об этом.

– Ох! – вздохнула Яна. Она смотрела сочувственно, и Костя мгновенно ощутил прилив облегчения и благодарности. – Так вот зачем тебе нужно было перо Жар-птицы.

– Ну… да, – пробормотал Костя. – Но сама видишь, как оно всё вышло.

Яна не стала ни расспрашивать его, ни утешать, чего он втайне боялся. Она даже не стала заверять, что всё наладится и будет хорошо. Она только погладила его по руке и, закусив губу, ободряюще кивнула. Странным образом Косте стало легче. Он даже повеселел невесть с чего.

Лодка тем временем подходила уже к выходу из залива и вот-вот должна была пересечь траверс между крайними мысами. Но Олег, видимо, не собирался выходить из лагуны. Он развернул лодку бортом к городу и морю и пошёл параллельно невидимой линии, соединяющей границы мысов.

– Ребята! – весело прокричал Олег. – Мы на месте. Ищите уже!

– Чего? – не понял Костя. – Чего искать?

Игорёк вскочил на ноги, перегнувшись через борт и всматриваясь в воды залива. Яна тоже оживилась.

– Стражников лагуны, – пояснила она, наклонившись и разглядывая неглубокий и довольно чистый залив. – Смотри тоже, может быть, первый заметишь.

– Чего замечу?

В этот момент залаял Шарик, радостно завопил Игорёк, и Костя увидел. Чуть в стороне от правого борта на глубине шести-семи метров стояла на дне, посверкивая медью, трёхметровая статуя воина с копьём. Пока Костя заворожённо смотрел, как мимо него проплывал подводный богатырь, Яна уже толкала его в локоть и показывала на следующую статую такого же металлического воина.

– Что это? – благоговейно спросил Костя.

– Стражники лагуны! – ответил подошедший Олег. Лодка продолжала идти по границе залива к левому мысу – Они охраняют город от вторжения с моря, защищают лагуну от вражеских кораблей.

– Как?!

– Бьют копьями под днище и топят. Тут ни одна лодка без тамги не проскочит, не то что корабль.

– Чего? Какой тамги?

– Ну тамги же, тамги, – Олег недоумённо смотрел на Костю и не понимал, почему тот не понимает. – Разрешение. Все торговые и союзные корабли заранее получают разрешение, специальную печать на борт. Стражники её опознают на подходе. Если есть тамга – пропускают, нет – топят.

– А, это вроде системы «свой – чужой», – обрадовался Костя, сообразив.

– Ну… наверное. Короче, все знают, что в лагуну не войти без тамги. Там, в море, – Олег махнул рукой в сторону горизонта, – есть дозорные Стражники, они предупреждают о подходе неприятеля.

– Олег! – тревожно позвала брата Яна.

– Дозорные подают сигнал, что идут нетамгованные корабли, – Олег увлёкся и не обращал внимания на сестру, – и Стражники берут копья наизготовку…

– Олег! – Яна позвала громче.

– Раньше каждый день проверяли, как они держат копья,

но сейчас… Чего тебе? – Олег недовольно повернулся к Яне на очередной призыв, подкреплённый тычком в плечо.

Она кивнула на проплывающего под ними очередного Стражника. Раскрыв рот, Костя смотрел, как металлический воин медленно отводит от ноги тяжёлое копьё высотой с фонарный столб и берёт его наизготовку, направляя острием к поверхности моря.

Олег сглотнул. Переглянулся с Яной, с Костей, посмотрел в сторону моря. Безоблачное ещё час назад небо, наливалось теперь на горизонте мрачноватой дымной темнотой. Ветер рывком качнул лодку так, что ребятам пришлось схватиться за борт.

– Ребята, нам надо вернуться, – тревожно сообщил Олег. – Последний раз такое было, когда к городу подходил Соловей.

Глава 5. Пожар

В отличие от прошлого раза, в этот приезд Василису не ждали. Она и сама не рассчитывала так скоро опять гостить у сестры; просто так сложились обстоятельства.

В Малахите настали смутные времена. Она пыталась убедить Совет, что предлагаемые перемены не решат проблему, а лишь создадут новую, что надо двигаться в противоположном направлении, но ей настоятельно порекомендовали отойти от дел на какое-то время и где-нибудь отдохнуть.

Василиса отправилась в Халдон. Она не могла прямо

проигнорировать рекомендации и оставаться в неспокойном Малахите тоже не захотела. К ней слишком многие прибегали с вопросами, предложениями и советами, демонстративно пренебрегая её формальным отстранением. Это становилось опасным и для неё, и для её доброхотов, и Василиса решила убраться из города, чтобы не давать Хранителям совсем никакого повода.

Велизарий долго молчал, хмурился, думал. Он был в курсе последних событий и затеянной Хранителями реформы, но своего определённого мнения предпочёл не высказывать и в конце концов посоветовал Василисе то же, что и друзья в Малахите – не встревать в эту кашу, обождать и отдохнуть.

Они поняли друг друга без слов. Василиса не изменила своего мнения, она по-прежнему считала, что Хранители совершают большую ошибку. Но переубеждать их сейчас было бессмысленно. Разумнее было, действительно, переждать, дать им самим убедиться в пагубности затеи, а потом уже заявляться с предельно читаемым выражением на лице: «Я же говорила!».

Василиса проведала Кешу, похвалила за успехи, расспросила, как он тут вообще и в частности, и отправилась к сестре.

Прибыв и расцеловав всех, вручив племянницам очередные подарки, Василиса принялась передавать новости и приветы из Халдона.

Её спрашивали про Кешу; особенно усердствовала Маша,

которую интересовало всё и которая особенно скучала по старшему брату. Василиса честно старалась отвечать, но порой ей самой приходилось додумывать и присочинять – Кеша о своей жизни в Халдоне не особенно распространялся.

О его дружбе с Метелицей и Соловьём она узнала от Велизария. Кеша ничего ей не рассказал, и она не решилась поднимать эту тему при нём. Велизария она попросила присматривать за подростковой влюблённостью – как бы чего не вышло. Ссора с Морозом Василисе была совсем ни к чему.

По её замыслу, о котором она никому пока не рассказывала, даже Кеше, держатель Севера должен был обеспечить решающий голос её племяннику на следующих выборах Хранителей. Непонятно пока было, как в эти планы вписывается Метелица – поспособствует ли это поддержке Мороза или, напротив, всё усложнит.

На всякий случай Василиса и здесь решила пока не вмешиваться. Может, всё быстро закончится, а может, даже и не начнётся. Она даже сестре не стала рассказывать про Метелицу. Говорила большей частью про успехи Кеши в учёбе, о которых он сам, впрочем, тоже не распространялся. Ей и об этом пришлось узнавать от Велизария.

Старый учитель был от крестника Василисы даже уже не в восторге, а в некотором недоумении. Тот не просто схватывал на лету объяснения и рекомендации, не просто блестяще и почти всегда безошибочно реализовывал их на практике, но ещё и добровольно углубился в теорию. Причём на таком

уровне, на котором даже опытные волшебники занимаются нечасто и не слишком охотно. Подростку было интересно не просто как произвести то или иное волшебство, а почему оно происходит именно так и что будет, если попробовать по-другому.

Велизарий честно признавал, что такого въедливого, дотошного и неординарно мыслящего ученика у него не было никогда, и даже Василисе, при всём уважении, до него далеко. Василису распирало от гордости; она радовалась успехам крестника, как собственным, и снова и снова убеждалась в верности и выполнимости своего тайного замысла.

Она без тени стеснения нахваливала Кешу дома, расписывала, какие замечательные перспективы его ждут, и приводила брата в пример завистливо и восторженно слушавшей Маше. «Вот, Маруська! – назидательно твердила Василиса. – Кеша уже лучший ученик в школе, и волшебник из него вырастет каких мало в этом мире».

Маша согласно кивала, не спуская восхищённых глаз с тётки-волшебницы, и представляла себе, как скоро, года через два-три, вернётся в родную деревню настоящим волшебником Кеша и превратит в лягушек и червяков всех этих несносных соседских ребятишек, не дающих ей прохода.

Василиса заплетала Маше косички, а та жаловалась тётке на Петьку с Заголихи и Тоньку с Выселок, которые подначивали ребятишек на Машу – на «ведьмино отродье». Василиса пригрозила мелким паршивцам выпороть их, если ещё

раз услышит подобное. Кажется, помогло. Но ненадолго.

Однажды Маша прибежала домой в слезах. Петькина ватага встретила её в лесу, куда она ходила за грибами, отобрали корзину, обзывались, даже платье порвали, вот, всхлипывала обиженная Маша, показывая разошедшийся по шву рукав. Василиса, сверкая глазами, рванула к двери; Фёдор с Полиной еле удержали её.

Василиса, конечно, напугает соседей каким-нибудь колдовством, но только ведь она опять скоро отбудет к себе, а им здесь ещё жить. И совсем портить отношения с односельчанами не стоит.

Василиса взяла с Фёдора обещание, что тот всё же поговорит с родителями обидчиков Маши, успокоила племянницу, подарив ей книжку о чудесах Подветренных островов, и сама решила успокоиться, отправившись к Ядвиге.

Старая подруга юности жила недалеко от деревни, на Медянском озере. Почему её так тянуло к одиночеству, Василиса так и не сумела понять, сколько ни расспрашивала. Ядвига всегда давала уклончивые ответы, мало что прояснявшие, и в конце концов Василиса отстала.

Странно, конечно, что молодая красивая баба уединилась на глухом лесном озере в домике на сваях и экспериментирует с приготовлением зелий и снадобий, но мало ли что. Она вот тоже не образец для подражания молодых девиц, соглашалась Василиса, хоть и закончила школу Велизария, получив Лонгир и место в сословии волшебников.

Ядвига у Велизария не доучилась и Лонгир не получила, поэтому не могла считаться настоящей волшебницей. На отношение Василисы к ней это, впрочем, никак не влияло, и они продолжали оставаться лучшими подругами. Василиса, когда приезжала навестить сестру с племянниками, неизменно находила время заглянуть и к Ядвиге, посидеть с ней пару часов или вечеров, отведать нового зелья.

Готовила Ядвига преотменно, отвары у неё получались лучшими в округе и на любой вкус – веселящие, успокаивающие, сонные, бодрящие, обезболивающие, приворотные и многие другие, включая – Василиса старалась об этом не думать – ядовитые.

В тот вечер, когда Василиса, вся ещё в гневе за нападение на Машу, зашла к Ядвиге, та с первого взгляда поняла, что подруга не в духе и тут же предложила ей успокаивающий бальзамчик. Потом поставила перед ней рюмку чего-то бодрящего, потом веселящего, и в итоге подружки провели весь вечер за дегустацией какого-то нового эликсира Ядвиги, настоянного на полыни и смородиновых почках.

Снадобья Ядвиги произвели своё обычное действие, и Василиса вернулась домой уже затемно – полностью успокоенная, умиротворённая и изрядно навеселе. Она оставила у двери посох, осторожно прошла в комнату, которую делила с Машей одну на двоих, и, стараясь не разбудить девочку, осторожно разделась и легла в кровать. Последнее, что с улыбкой подумала Василиса, засыпая: хорошо иметь такую

подружку, как Ядвига. Когда ни придешь к ней, у неё всегда есть, что налить и выпить. И всегда она тебя выслушает, с чем бы ты ни пришла, и всегда сочувственно поохает и покивает головой.

* * *

Проснулась Василиса от сильных толчков. Она не сразу поняла, что это Маша пихает её в бок и что-то кричит паническим плачущим голосом.

Глаза отказывались открываться. Всё тело налилось непривычной тяжестью, в голове бродила и шумела какая-то муть. Василиса с огромным трудом поднялась и только тогда осознала, что происходит.

Дом горел. Горел со всех сторон, уже полыхала крыша и в щели между ставнями врывались языки пламени. Василиса в ужасе схватила Машу за руку и, с огромным трудом заставив себя встать, вытащила в переднюю горницу.

Дым уже наполнил всю комнату, и в темноте было сложно что-то разобрать. Уткнув Машу себе в подол, кашляя и вытирая слезящиеся глаза, Василиса увидела Фёдора, отчаянно выламывавшего плечом дверь. Дверь не поддавалась, кто-то заколотил её снаружи.

То же и со ставнями. Как ни пытался Фёдор их выбить руками и ногами, ставни не открывались. Их заперли здесь и подожгли дом намеренно, поняла Василиса. И судя по то-

му, с какой скоростью шёл огонь, дом обложили соломой и запалили со всех сторон. Сгорят они быстро.

– Тётя Вася, сделай что-нибудь! – плакала Маша, теребя её за руку. – Наколдуй, пожалуйста!

Пытаясь унять трясущиеся руки, Василиса напрягала всё своё внимание и волю, чтобы открыть дверь. У неё не получалось. «Почему? Почему не получается?! Почему не работает Лонгир?!» – бился у неё в голове вопрос, и она не находила ответа.

Она пробовала по-другому. Пыталась прорезать отверстие в стене и в ставнях, пыталась покрыть стены льдом, защитив их от огня. «Ну же, ну же! – бормотала она, сжимая до судорог кулаки и представляя себе водяную арку, пробитую в стене и ведущую прочь из полыхающего дома. – Ну же, давай, получись!» Не получалось ничего.

Плакала Маша, заходилась в крике малышка на руках у Полины. Отчаянно ругался и кричал Фёдор, не оставляя попыток выбить горящую дверь. Всё было напрасно.

Дым наполнил комнату так, что дышать стало невозможно, и Фёдор отвёл всех через сени в заднюю клеть, из которой наощупь спустились в подклеть. Маша уже не плакала; лишь с расширенными от ужаса глазами цеплялась за тёткин подол, стараясь не выпустить его в темноте. Даже Оленька на руках у Полины перестала кричать и только попискивала, надышавшись угарным газом.

Фёдор пробрался через мешки и лари к крохотному окош-

ку, вырубленному для вентиляции, нащупал и выбил заслонку. Огонь ревел сверху и сзади, но здесь, в подклетное окошко пахнуло ночной свежестью и проглянул кусочек звёздного неба.

– Маша, быстро! – крикнул Фёдор, протягивая руку. – Давай сюда!

Василиса мгновенно поняла зятя и решительно пихнула племянницу к отцу.

– Давай, Маша! – Василиса торопливо помогла девочке перебраться через мешки. – Давай, вылезай.

Напуганная и растерянная Маша не успела толком ничего понять, а отец уже просовывал её в отверстие головой вперёд и помогал протиснуться наружу, обдирая руки и колени.

– Теперь Оля! – он протянул руки к жене. – Полина, быстро!

Полина, плача, мотала головой, прижимая девочку к груди. Она всё поняла.

– Полина, быстрее! – рявкнул Фёдор. – Девочки должны спастись!

– Я не могу! – плакала Полина, покрывая малышку поцелуями. – Я не могу! Федя, Васса, – она умоляюще смотрела на мужа с сестрой, – оставьте её со мной. Пожалуйста!

– Полина! – у Василисы разрывалось сердце, но она старалась говорить спокойно. – Полина, послушай меня. Фёдор прав, девочки должны спастись. Ты не можешь оставить здесь Оленьку. Полина, не обрекай её на такую смерть.

Василиса мягко вытянула девочку из рук рыдающей матери, поцеловала и передала отцу. Фёдор повернул малышку лицом вниз и осторожно просунул в лаз. Маша взяла сестрёнку на руки, неловко прижала к груди.

– Беги! – рявкнул Фёдор.

– Куда? – испуганно всхлипнула Маша, стоя на коленях и пытаясь пристроить малышку поудобнее.

Василиса выглянула в окошко, отстранив зятя.

– Маша! – заговорила она ласково и решительно одновременно. – Слушай меня внимательно, девочка. Сейчас спустишься по задам и выбирайся на Козий мост. Перейдёшь мост и иди по Медянке до самого озера. Там домик на сваях, там Ядвига Михайловна, моя старая подруга. Расскажи ей, что случилось, она вас укроет.

– Я не хочу, – Маша опять заплакала. – Я не хочу без вас! Тетя Вася! Батя! Мама!!!

Василиса слышала за спиной надрывные рыдания сестры. Над головой загорелись перекрытия; огонь ревел, прорываясь уже в подклеть.

– Маша! – Василиса из последних сил пыталась не расплакаться и придать голосу строгости. – Ты старшая, ты должна спасти сестрёнку. Беги, девочка, беги быстрее. Иначе Кеша останется совсем один. Ты же не хочешь этого?!

Маша отчаянно замотала головой. Треснуло и обвалилось бревно, снаружи раздались истошные крики. Полина повалилась на колени, обхватив голову руками и тихо воя в пол.

– Беги, Маша! – крикнул Фёдор, оттолкнув Василису и приникнув к окошку. – Беги, девочка моя. Ради всего святого! Спасай сестру!

Маша всхлипнула, поднялась с колен и, затравленно оглядевшись вокруг, устремилась под яблонями в конец огорода. Стараясь не оглядываться и не упасть, она добежала до ограды, пролезла в знакомую дыру, держа малышку на вытянутых руках, и, скользя босыми ногами по мокрой траве, побежала к Козьему мосту.

Поднявшись на холм, с которого шёл спуск к Медянке, Маша остановилась, переводя дух, и оглянулась. Родной дом был объят пламенем, а вокруг него бегали и толпились какие-то люди. Сквозь пелену слёз, застилавшую глаза, Маша узнала высокого и долговязого, как жердь, Клима Самокрута, отца Петьки с Заголихи. Самокрут, как всегда, был без шапки и возбуждённо размахивал руками, то ли объясняя что-то, то ли командуя.

Ни у кого из собравшихся Маша не заметила ни вёдер с водой, ни ломов, ни лопат, ни топоров. Односельчане собрались не тушить дом. Они собрались его жечь.

С треском, слышным даже отсюда, обрушилась крыша и взметнулись в ночное небо искры. Маша отчаянно вскрикнула, едва не уронив сестрёнку. Малышка запищала, захныкала. Маша подхватила её поудобнее и, почти ничего не видя ослепшими от слёз глазами, начала медленно спускаться на ослабевших ногах к Козьему мосту.

* * *

Кеша стоял напротив Соловья и удерживал перед собой на весу деревянный меч. Удерживал не руками – глазами. Напротив стоял Соловей, не сводя взгляда со своего меча. Они ждали сигнала Велизария.

Сегодня Велизарий учил их взглядом перемещать и двигать предметы. Точнее, не учил, а проверял усвоенное; учил он их всю предыдущую неделю, заставляя двигать камешки, палочки, подушки.

Сегодня задание усложнилось. Ребята были разбиты на пары и должны были сразиться на учебных мечах, проверяя, как справляются с упражнением в условиях противодействия.

Соловей сделал выпад первым. Его меч пошёл в грудь Кеши, как только Велизарий дал сигнал. Кеша едва успел отразить выпад, и только собрался сделать свой, как Соловей нанёс новый.

Учебный меч Соловья мелькал в воздухе так же быстро и ловко, как если бы он был в руке. И на мечах, и на ножах Соловей сражался лучше, и если бы битва сводилась только к владению оружием, он бы её непременно выиграл.

Кеша это понимал и не собирался состязаться с приятелем в ловкости и скорости. Продолжая отбивать выпады Соловья, он превращал свой деревянный меч в стальной, и как

только ощутил, что трансформация завершена, одним косым ударом перерубил меч напарника.

Половинки разрубленного меча упали на пол. Стальной меч Кеши, повинуясь его взгляду, плавно опустился ему в руку.

– Так нечестно! – воскликнул Соловей.

Кеша обернулся на подошедшего Велизария, словно призывая оценить ситуацию.

– Такого решения, конечно, не предусматривалось, – улыбнулся Велизарий. – Но и не запрещалось. Цель была – сбить меч партнёра на пол своим мечом, не задействуя рук. Каким именно образом не уточнялось.

Соловей недовольно пробурчал что-то, уставился на разрубленный меч и соединил его взглядом. Кеша посмотрел на Метелицу. Она уже расправилась со своей противницей и, улыбаясь, следила за его схваткой с Соловьём.

Велизарий похлопал в ладоши.

– Так, не отвлекаемся, не отвлекаемся. Продолжаем. Меняемся парами и начинаем сначала. Нет, Метелица, встань с Соловьём. Троекуров, а ты возьми Сирин. Встали, приготовились, начали.

– Докатились! – бормотал Соловей, лениво перестукиваясь мечами с Метелицей. – Вы уже и Велизария достали своими вздохами и переглядками. Даже он вас вдвоём видеть не может.

– А тебе завидно? – хладнокровно спросила Метелица,

так же лениво ведя свой меч в воздухе.

– Было бы чему! – парировал Соловей. – Думаешь, батя твой одобрит Троекурова? Явно не для этой деревенщины он готовил свою доченьку.

Соловей с Метелицей сражались без особого азарта. Они старательно скрещивали мечи в воздухе, не отводя от них взгляд, но думали явно не о решающем ударе.

– Эта «деревенщина» уже умнее всех в этой школе, – спокойно ответила Метелица. – Если захочет, он сможет устроиться прямо в Малахит, и отцу вообще нечего будет сказать.

– А ты что же, поедешь с ним за Камень? – ухмыльнувшись, спросил Соловей. – Или заберёшь к себе в ледники?

– Когда будем думать об этом, Соловей, обязательно тебя спросим. Ты же не можешь не известить всех о своём мнении. Может, тебе тоже подружку найти? Хочешь, я Сирин попрошу?

Соловей с силой ударил своим мечом и уронил меч Метелицы на пол.

– Сдаюсь! – мелодично засмеялась Метелица, осторожно отводя руками приставленный к горлу меч Соловья. – Смотри, не зарежь случайно. А то ещё…

Метелица не договорила. По залу неслышно, но торопливо прошёл служитель и, с поклоном, передал Велизарию какой-то свиток. Велизарий, нахмурившись, развернул кусочек бересты, прочитал, медленно свернул обратно.

Метелица переглянулась с Соловьём, потом взглянула на

Кешу. Остальные ребята тоже остановились, заинтересованно глядя на учителя.

– Троекуров! – подозвал Велизарий Кешу. – Пройдём ко мне. А вы, – он обернулся к остальным, – продолжайте занятие. Повторить то же самое ещё раз.

Метелица опять переглянулась с Соловьём. Не сговариваясь, оба выбежали из зала вслед за Велизарием и Кешей.

Кабинет Велизария находился рядом с залом занятий. Метелица с Соловьём успели заметить, как, взметнувшись, скрывается в проёме белоснежный край хитона Велизария, и, торопливо перебежав по коридору, прильнули к двери. Им было хорошо слышно, что говорил Велизарий, но очень скоро они пожалели об этом. Метелица закусила пальцы, стараясь подавить невольный вскрик. Соловей как-то странно крякнул, поперхнувшись, и угрюмо уставился в пол, стараясь больше ничего не слышать. И зачем они вообще попёрлись сюда?! Явно же не для их ушей было это послание.

Они мучительно ждали развязки, но за дверью неожиданно настала тишина. Потом что-то негромко сказал Велизарий, они не разобрали что, и опять всё стихло. Когда распахнулась дверь, ни Метелица, ни Соловей этого не ожидали и едва успели отпрянуть.

Велизарий хмуро посмотрел на них, осторожно прикрыл дверь, и, ничего не сказав, двинулся по коридору.

– Так это правда?! – Метелица схватила его за рукав. – Учитель, это правда? Родители Кеши – они что, действитель-

но…

Велизарий промолчал. Он не слишком учтиво снял руку Метелицы со своей, но не успел сделать и шагу, как перед ним встал Соловей.

– Мы летим с вами! – решительно заявил он.

– Нет, не летите, – неожиданно сварливо ответил Велизарий. – Только вас там ещё и не хватало! Троекурову не до вас сейчас совершенно.

– Ещё как летим! – Метелица от возмущения сорвалась в фальцет. – Мы его друзья. Он не должен быть сейчас один!

– Он не будет один, – вяло возразил Велизарий. – И мы вообще ненадолго, только девочек забрать.

– Метель, твой батя подкинет нас до места? – спросил Соловей, не спуская глаз с Велизария.

– Запросто, – в тон Соловью ответила Метелица. – Не хочется вот только его напрягать, гонять туда-сюда по пустякам.

– Ладно, – Велизарий махнул рукой. – Собирайтесь, раз уж никак. Вылетаем через десять минут.

* * *

Метелица плохо помнила, как прошёл полёт. Все её душевные силы уходили на Кешу; она, как могла, пыталась его поддержать, утешить, взять часть его боли на себя. Она что-то говорила ему, сама плохо понимая что, что-то шептала на

ухо, взяв под руку. Кеша не реагировал. Он молча просидел весь полёт, уставившись в прострации перед собой, и только когда начали снижаться, встряхнул головой и осмысленно огляделся вокруг. Ни Метелице, ни Соловью, сидевшему по другую руку от Кеши, не понравился этот взгляд.

Велизарий опустил ковёр на берегу чистого круглого озера с красноватым оттенком. Метрах в пятнадцати от берега на сваях стоял крепкий домик из свежей сосны, покрытый дранкой. От берега к домику вели прочные широкие мостки.

Как только ковёр опустился на землю, дверь распахнулась и из домика выбежала темноволосая босая девочка лет семи.

– Кеша! – закричала она и, стремительно перебежав по мосткам, бросилась ему на шею.

Метелица сморгнула слезу. Кеша держал сестру в руках так, словно боялся выронить. Он прижимал её к груди, стиснув зубы и вытаращив глаза, и не говорил ни слова. Он ждал, когда она выплачется.

Соловей тронул Метелицу за плечо, кивнул на дверь домика. На мостках у входа стояла черноволосая кудрявая женщина лет двадцати в умопомрачительной красно-жёлтой юбке и, держа в руках спелёнатого младенца, поила его из рожка молоком. Велизарий прошёл по мосткам, поздоровался, что-то спросил. Она покачала головой, приложив палец к губам, что-то шепнула в ответ и, кивнув, ушла в дом. Велизарий пролез за ней.

– Ядвига Михайловна! – пояснила севшим голосом Маша,

оторвав наконец заплаканное лицо от плеча брата. – Она нас укрыла. Тётя Вася послала нас к ней. Если бы не она… – Маша опять заплакала, закрыв лицо ладонями. Кеша молча привлёк её за голову, поцеловал в волосы.

– Как это случилось? – хрипло спросил он у Ядвиги, когда она с Велизарием, уложив малышку в кроватку, вышли из дома. – Кто устроил поджог?

– Оглоеды наши деревенские, – зло бросила Ядвига. – Самокрут с Кожемякой, да и прочие до кучи. Не знаю уж, что там случилось, но, наверное, Василису боялись. Сволочи тупоумные! Это её они хотели сжечь, а уж остальные так, подвернулись просто. Хорошо, хоть девочки спаслись. Маша, умница, прибежала ко мне. Я сразу туда, но… – Ядвига развела руками, – там уже всё пылало, ничего было не сделать.

Метелица не понимала, как держится Кеша. Она сама не справлялась, то и дело вытирая глаза рукавом. Соловей вцепился Кеше в плечо и держал, не зная, что ещё сделать.

– Зачем же они так? – пробормотал Велизарий потерянно. – Чем она им мешала?

– Да они просто ненавидели Вассу, – гневно вскинулась Ядвига. – Завидовали, думали помогает семье колдовством. Я говорила Вассе, что не стоит при них колдовать. Предупреждала же ведь её…

– Беда, беда, – качал головой Велизарий. – Что же теперь, расследование будет?

– Я уже сообщила уряднику, – сказала Ядвига. – Думаю,

что… – она насторожилась, приложила палец к губам. – Кажется, малая пищит. Один момент, ребята, я только проверю, что у неё.

Ядвига бросилась в домик, подобрав полы юбки.

– Я тоже посмотрю? – робко попросила Маша и, дождавшись кивка брата, побежала за Ядвигой.

Велизарий бросил внимательный взгляд на Кешу.

– Держись, Троекуров! – попросил он. – Мы всё уладим. Сейчас заглянем к уряднику, потом найдём… – Велизарий прочистил горло, – похороним. Потом решим, что с девочками. Ядвига Михайловна предлагает оставить их у себя, она не против за ними присмотреть. Пока то да сё, пока не решишь что или не закончишь учиться. Ты как?

Кеша неопределённо пожал плечами, отвернулся и медленно пошёл, кажется не очень соображая куда. Велизарий взглядом велел Метелице и Соловью не оставлять его, но те и не нуждались в указаниях. Они и так не бросили бы сейчас Кешу одного.

Велизарий подошёл к озеру, скинул сандалии и зашёл в воду по щиколотку. Стояла тёплая осень, и вода ещё не остыла, и на краткий миг Велизарий почувствовал наслаждение от прохладных волн на горячей коже. Он потрогал лоб – лоб тоже горел. Словно огонь, клокотавший у него внутри с того момента, как он узнал о гибели Василисы, не находя внешнего выхода, сжигал его до того, что Велизарию хотелось броситься в озеро целиком.

Такого удара он не получал давно. И удар этот тем тяжелее, что часть вины – Велизарий знал это – лежит и на нём.

Он воровато обернулся, словно испугавшись, что Троекуров услышит его мысли, и замер, растерянно оглядывая берег. Троекурова не было. Не было и Метелицы с Соловьём, и ковра, на котором они прилетели.

* * *

Метелица сама не поняла, как всё произошло. Кеша брёл по берегу, ничего не замечая вокруг, и, словно не заметив, опустился на ковёр. Они с Соловьём присели рядом.

Надо было что-то сказать, но Метелица не знала что. Она переглянулась с Соловьём; тот сердито дёрнул головой и перекатился на другую сторону ковра. Ему тоже не хотелось ни о чём говорить.

И тут ковёр дёрнулся и стал подниматься. Метелица охнула, схватилась за края, испуганно оглянулась на Велизария. Но прежде чем она успела крикнуть, Соловей дёрнул её за руку и кивнул на Кешу.

Тот сидел, скрестив руки и ноги и сосредоточенно глядя в точку на поверхности ковра. «Он поднимает его! – подумала со страхом Метелица. – Как же он может без Лонгира?!»

Она хотела крикнуть, позвать Велизария, и как бы Соловей ни дергал её за руку, это бы её не остановило. Остановил её неподвижный немигающий взгляд Кеши и вздувши-

еся вены у него на шее, по которым было понятно с каким трудом и напряжением даётся ему это волшебство.

Она не могла его сорвать. Только не сейчас, не в этот момент. Если он поднял ковёр, значит, это ему зачем-то нужно.

Метелица перекатилась на середину ковра, поближе к Соловью, и, вцепившись ему в руку, с волнением следила, как ковёр набирает высоту, поднимается над верхушками деревьев, проносится пару вёрст вдоль какой-то речушки и аккуратно приземляется на окраине деревни.

Гадать, что это за деревня, Метелице не пришлось. Остатки обгорелого дома, рядом с которым Кеша опустил ковёр, ещё дымились. Они сошли с ковра все трое, одновременно, и, тяжело дыша, подошли к пепелищу. Метелица попыталась взять Кешу за руку, но он отмотнул головой и перешагнул через чёрные обугленные нижние венцы.

Она дёрнулась пойти за ним, но Соловей удержал. Они стояли и смотрели, как Кеша бродит по пепелищу, опустив голову, время от времени наклоняясь и что-то нашаривая в золе. В какой-то момент он выпрямился, и в его почерневших руках блеснул белый хрустальный лебедь. Кеша протёр его рукавом, всмотрелся и…

Метелица отвернулась. Она даже не была уверена, что он заплакал. Просто скривились губы, просто поднял руку. Может, что-то попало в глаз, рука потянулась вытереть. Но смотреть на это она не могла, словно на что-то личное, стыдное, интимное.

Метелица отвернулась и тут же, не глядя, потянулась рукой назад. Ухватив Соловья, она дёрнула его к себе и кивнула на приближавшихся людей. Пока они следили за Кешей, к пепелищу молча подходил народ, и сейчас уже собралось человек двадцать.

Во главе толпы мужиков стоял высокий худой крестьянин с густой копной волос вместо шапки. Он слегка покачивался взад-вперёд, заложив большие пальцы за кушак, и ухмылялся наглой и трусоватой улыбкой. Метелица была уверена, что он пьян.

Подходили люди, толпа становилась больше. Метелица вдруг испугалась, хотя толпа стояла молча и не проявляла никаких признаков агрессивности. Соловей, то ли почувствовав её испуг, то ли ещё почему, взял за руку и, словно ненароком, выдвинулся вперёд.

И тут рядом с ними прошёл Кеша. Он шёл медленно, на напряжённых ногах, сжимая в руке хрустального лебедя. Он шёл прямо на толпу, и она зашевелилась, стягиваясь и уплотняясь.

Метелица с Соловьём повисли на руках друга.

– Кеша, не надо! – зашептала умоляюще Метелица. – Не надо, прошу, они же убьют тебя!

– Кощей, забей! – попросил Соловей, цепко держа Кешу за локоть. – Оставь это дело уряднику, ну их к лешему! Не справиться нам тут.

Кеша вырвал руку из пальцев Соловья и сделал ещё пару

шагов. Метелица отпустила его сама.

Толпа сомкнулась ещё теснее, по рядам прошёл лёгкий ропот. Длинный мужик с пьяной ухмылкой, напротив, выдвинулся вперёд. Он так и продолжал ухмыляться Кеше в лицо, и Метелице вдруг стало страшно. Как этот дурак не понимает, что сейчас произойдёт?

– Бегите! – крикнула она, сорвавшись. – Бегите, болваны! Вы что…

И тут длинный вспыхнул. Он даже не успел понять, что случилось, он так и продолжал стоять, заложив пальцы за кушак и полыхая огнём с лаптей до лохматой макушки, пока толпа у него за спиной орала вразнобой паническими голосами.

Метелица замерла с открытым ртом. Она тоже ничего ещё не успела понять, как появился Велизарий. Взмахом руки он погасил огонь, и только тогда длинный повалился на землю, испуганно завыв и ощупывая себя руками.

Он был цел. Не было ни ожогов на коже, ни подпалин на одежде, и только мокрое пятно расползалось по штанам.

Мужика подхватили под руки и быстро увели с собой, постоянно оглядываясь, испуганные сельчане. Велизарий проводил их тяжёлым взглядом и повернулся к Кеше. Тот так и продолжал смотреть вслед подожжённому им мужику, не замечая, кажется, ничего вокруг и лишь сжимая хрустального лебедя в кулаке.

– Троекуров! – негромко позвал Велизарий. Кеша с тру-

дом сфокусировал взгляд на учителе. – Ты как?

Кеша дёрнул головой, кажется не поняв, о чём его спрашивают; повернулся к Соловью, потом к Метелице. Оба смотрели на него неизъяснимым новым взглядом, со странной смесью страха, жалости и восхищения.

Он снова повернулся к Велизарию. Учитель задумчиво провёл рукой над его ладонями, и между ними слабо колыхнулась и тут же пропала синеватая туманная дымка.

Метелица ахнула. Велизарий свёл брови.

– Троекуров, это… – Велизарий не сразу подобрал слова. – Это немыслимо! Рассеянный Лонгир! Как ты смог собрать его для такого, скажи?! И что бы ты сделал с камнем?!

* * *

Ядвига предлагала оставить девочек у себя. Говорила, что Кеше тяжело будет с маленькой, обещала привозить их в Халдон каждый месяц. Велизарий с сомнениями поглядывал на Кешу, поднимал вопросительно брови. Кеша угрюмо качал головой.

Он всё решил, девочки отправятся с ним. Велизарий не настаивал, и Ядвига сдалась тоже. Дело решил категорический отказ Маши расставаться с братом. Сейчас она, одетая и обутая, сидела на ковре между Метелицей и Соловьём и ревниво смотрела за сестрёнкой, посапывающей на руках у Метелицы. На время полёта, убедила Метелица Машу, толь-

ко на время полёта. Так безопаснее. Как только приземлятся, она сразу же вернёт ей сестрёнку.

– Троекуров! – позвал Велизарий Кешу, опять выводя того из задумчивой прострации. Всё то время, что они улаживали дела с урядником, хоронили обугленные тела родителей и Василисы, собирались в дорогу, подросток хмуро молчал, думая о чём-то своём. Каждый раз, когда его о чём-то спрашивали или звали, он словно выныривал из глубины сознания, несколько секунд осмысливал услышанное и лишь потом отвечал.

Так и сейчас. Кеша отвернулся от озера, по которому блуждал рассеянным взглядом, посмотрел на Велизария. Тот кивнул на стоящую рядом Ядвигу.

– А, да, – Кеша меланхолично обнял её. – Спасибо, Ядвига Михайловна.

– Не за что, мой дорогой! – она погладила Кешу по щеке. – Надумаешь вернуться – заходи всегда. Здесь вас всех примут в любое время.

Кеша молча кивнул и направился к ковру. Но сделал только пару шагов, остановился, словно что-то вспомнив, и повернулся. Велизарий с Ядвигой смотрели на него с некоторым беспокойством.

– Где её перстень?

– Что? – растерялся Велизарий.

– На крёстной не было перстня с Лонгиром. А я искал. И на теле, и рядом. Перстень мог расплавиться, но камень не

горит, вы знаете. Я не нашёл его.

– Может, забился где? – с беспокойством предположил Велизарий.

Он не зря беспокоился, он знал, что это не так. Велизарий лишь надеялся, что Троекурову сейчас будет не до этого. Напрасно надеялся.

– Она могла справиться с огнём в любом состоянии, – Кеша затруднённо качнул головой. – Но не справилась. Почему? У неё не было Лонгира?

– Думаешь, украли? – Велизарий не хотел представлять из себя дурака в глазах Троекурова. Он знал, что ему это рано или поздно аукнулось бы.

Кеша угрюмо кивнул.

– Если и так, то после смерти. Маша сказала, что ночью перстень на ней был. Почему же она не справилась?

– Иногда так бывает, Троекуров, – мягко сказал Велизарий. – Даже лучшие волшебники в таких условиях могут не справиться.

– Это я виновата, – горько произнесла Ядвига. – Васса была у меня вечером, накануне, и мы с ней изрядно накачались. Наверное, поэтому… Если бы я только знала!

Кеша молча и хмуро смотрел на Ядвигу. Велизарий осознал, что не может понять, о чём он думает. Это его беспокоило.

– Никто ничего не знал, Яга, – примирительно произнёс Велизарий. – Ты точно ни в чём не виновата. А перстень Ва-

силисы…

– Надо найти его!

– Да. Но не сегодня, – решительно заявил Велизарий. – Если его украли, нужен розыск, а это дело не на один день. У меня есть кое-какие связи и возможности, я приму меры. Такие камни, как у Василисы, не пропадают бесследно. Рано или поздно, он всплывёт где-нибудь, и мы его вернём. Ты получишь его как законный наследник.

Кеша коротко взглянул на Велизария и кивнул. Что ему нравилось в подростке, помимо всего прочего, это его немногословность.

– Ну ладно, – Велизарий понял, что пора закругляться. – Яга, ты смотри, если вдруг тут кто-то объявится с камнем Василисы…

– Сообщу первым же делом, – заверила Ядвига.

Велизарий торопливо чмокнул её в щеку, кивнул на прощание и, взяв Кешу под локоть, подвёл его к ковру. Сейчас между Соловьём и Метелицей устроилась Маша, и Кеша опустился на ковёр рядом с Велизарием.

Велизарий взмахнул рукой и стал медленно поднимать ковёр. Помахала на прощание Маша, Метелица, Соловей, и даже Кеша поднял руку, по-прежнему думая о чём-то своём. Ядвига махала в ответ, пока ковёр не скрылся в сгустившихся сумерках за кронами деревьев.

Глава 6. Две подружки

Почему всё сорвалось, Маргарита не знала. Знала лишь, что с этого начались все их по-настоящему серьёзные проблемы.

Она болтала с Ликой на балконе, с которого открывался отличный вид на восточную часть города и обширную вымощенную площадь перед дворцовым крыльцом. Справа площадь ограничивал примыкавший к южному крылу дворца Арсенал, слева – гвардейские казармы. Впереди площадь закруглялась и переходила в широкую Дворцовую улицу, пересекавшую город вплоть до Восточных ворот.

Через эти ворота ввозил вчера в город царевич промокшую и измученную Маргариту. Она тогда так устала, что ей было ни до чего, и город промелькнул перед ней, как в тумане, размытым пятном. Сейчас же, стоя на балконе в тепле и удобстве, Маргарита жадно рассматривала сказочный Волхов и живо расспрашивала Лику, тыча пальцем и требуя рассказать, что это и зачем.

Лика лениво, периодически зевая и прикрывая ладонью рот, рассказывала. Она не выспалась. Ей ещё не приходилось вставать так рано, когда в семь утра испуганные сенные девушки постучали в спальню и сообщили, что до неё добивается вчерашняя гостья и утихомирить её нет никакой возможности.

Маргарита потребовала отвести её к Лике сразу, как встала. Она просто не представляла, к кому ещё идти и с кем провести время. Очевидно, что не с царицей и уж точно не с Коломной. Маргарита подумала со смущением про Ивана – да, с ним бы она хотела побыть. Но она совершенно не представляла, о чём говорить, да к тому же и вовремя сообразила, что был с ней царевич не слишком-то любезен, несмотря на одолженный плащ.

Оставались, из тех, кого она вообще здесь знала, либо Лика, либо Баюн. Но Баюн был предан царице, и Маргарите не хотелось, чтобы он тут же поскакал ей докладывать всё, о чём они говорили. А вот Лика, показалось Маргарите, относится к царице чуть прохладнее и находится во дворце на особом положении, и не слишком обременена заботами – с ней вполне можно поболтать.

Она самолично вытащила протестующую Лику из постели, помогла одеться, прибраться, заплести косу и потянула её на балкон, на свежий воздух. Лика куталась в горностаевую накидку, зевала, смотрела полусонными глазами на утренний город под бледным октябрьским солнцем и нехотя отвечала на расспросы Маргариты.

Кто она такая? Баюн не особо соврал, она и впрямь никто. Доезжачий из свиты царя Василия нашёл её полугодовалым младенцем на берегу Бычьего омута у Белых Вод. Решили, что какая-нибудь мамаша не справилась и принесла дочку утопить в омуте, но испугалась в последний момент и просто

бросила на берегу. Розыск ничего не дал, ни в одной окрестной деревне не сыскалась подходящая мамаша, и Василий, давно мечтавший о дочке, взял потеряшку в семью.

Девочку назвали Ликой, дали царскую фамилию и радушно приняли в семью на правах родной дочери. У царя уже был четырёхлетний сын Иван и любимая жена, которая болела и хирела от непонятной болезни. Жену эту Лика не помнила, она умерла через несколько месяцев. А ещё через год царь Василий женился на красавице Марье и у Лики появилась новая мачеха.

Она никогда не называла её мамой, да Марья и не стремилась претендовать. К безродной сироте молодая жена царя с самого начала относилась сдержанно и не пыталась с ней сблизиться, как, например, с Иваном. К царевичу Марья относилась несравненно лучше и теплее, чем к царевне, и смерть царя только усугубила это отношение.

Нет, Лика не жаловалась. Она говорила спокойно и равнодушно, как о вполне привычном и нормальном деле. Да, царица её не любила, но ни в чём не ущемляла, ни разу не поставила под сомнение её место в семье и титул царевны и всегда вела себя с ней предельно корректно. Что же до любви, то Лике вполне хватает брата, с которым у неё прекрасные отношения.

– Брата? – переспросила Маргарита. – Он же тебе не брат.

– Почему? – не поняла Лика.

– Ну, не родной, – поправилась Маргарита. – Не кровный.

– Ну да, – Лика пожала плечами. – Может быть. Но я никогда его так не воспринимала. Мы с самого детства росли как брат и сестра, он заботился обо мне, и после смерти отца он единственный близкий мне человек.

Маргарита смущённо крякнула. Никак она не могла привыкнуть к манере Лики говорить сложные, трудные или трогательные вещи одним и тем же спокойным, равнодушно-безразличным тоном.

– А почему он до сих пор царевич? – спросила она, переводя разговор на другое. – Почему не стал царём после отца?

Лика опять меланхолически пожала плечами.

– Не знаю. Когда отец умер, Ивану было пятнадцать. Марья стала местоблюстителем, ну так и повелось как-то. Иван и сам не рвётся, не любит он всё это. Говорит: Марья отлично справляется, зачем ей мешать?

Маргарита недоверчиво присвистнула.

– Твоя ж маракуйя ж! Первый раз слышу, чтобы наследник престола отказывался от него. Да ещё в пользу мачехи.

– Он её любит, – впервые за весь разговор голос Лики подозрительно дрогнул. – А она его. У них отличные отношения.

«Эге! – подумала про себя Маргарита. – Да ты никак ревнуешь, царевна!»

– Наверное, Коломна убедил его ничего не менять, – Лика справилась с голосом, вернувшись к меланхолическому журчанию. – Всё-таки Марья – волшебница. А колдунья на

троне всегда полезнее, чем простой царь. К тому же начиналась война с Кощеем и во главе царства был тоже нужен волшебник. Так всё и сошлось.

Маргарита хмыкнула. Звучало убедительно, но она чувствовала, что Лика ни разу не убеждена. Да и она сама, если честно, тоже. Что-то там было ещё, что-то в этой семье не так просто, как пытается представить Лика.

Продолжать выпытывать, однако, Маргарите не хотелось, и она опять переключилась, расспрашивая Лику о городе и тыча пальцем то в одной заметное здание, то в другое: а это что? а это? а это? Лика терпеливо отвечала.

– Это пожарная вышка. Марья придумала, по её чертежам делали. Хотя, может, и сама наколдовала, не знаю. Мне тогда и пяти не было.

– Это дворец Зворыкина. Он был первым советником при отце, сейчас служит послом в каганате.

– Это Литейный двор. Там колокола льют, мечи, ножи.

– А это? – Маргарита ткнула в сверкающий восьмигранник, расположенный посередине между дворцом и северной частью крепостной стены.

– Это Зеркала.

– Чего?

– Зеркала, темница Марьи. Её я точно помню, царица её возвела сразу после смерти отца.

– Зачем? – Маргарита живо повернулась к Лике, уловив непонятную интонацию.

– Для своих врагов, – Лика изобразила слабое подобие усмешки. – Ладно, не знаю, если честно. Говорят, она держит там не обычных татей, а волшебников и колдунов. Говорят, даже Кощея там держала. Но он ушёл. Единственный, кто смог.

– Кощей?! – изумилась Маргарита. – Она упекла в тюрьму родного брата?!

– Ну… да, я слышала, – пожала плечами Лика. – Удивительно, как она сумела с ним справиться. Хотя ненадолго. На три месяца только.

Маргарита пыталась осмыслить услышанное. Та-а-ак! Кое-что проясняется. Понятно, почему здесь так не хотят возвращения Бессмертного – боятся его мести за прошлое. И раз Бессмертный в нашем мире и так хочет вернуться в свой, очевидно, покинул он его не по своей воле. Видимо, он проиграл войну, о которой говорила Лика, и был изгнан отсюда. Но из-за чего вообще началась война?

Маргарита спросила вслух. Лика привычно пожала плечами.

– Не знаю. Мне и тогда это было не очень интересно, а сейчас и подавно. Тебе-то какое дело?

– Ну, мне-то как раз интересно, – Маргарита посмотрела в сторону темницы. – Что такого должно было произойти между ними, чтоб они войну начали? Я не представляю, что должен был бы натворить мой брат, чтобы я его в тюрьму упекла. Да даже если бы он убил кого, я бы ему скорее

бежать помогла, чем сдала или посадила.

– У тебя тоже есть брат? – спросила Лика.

– Нет, это я так, теоретически рассуждая, – Маргарита заметила группу всадников, рысящих по Дворцовой улице. – А ты что же, совсем ничего не знаешь про эту войну?

Всадники стремительно приближались, громкими криками и свистом разгоняя с мостовой прохожих. Теперь их заметила и Лика.

– Я же говорю, мне это неинтересно. Хочешь узнать про войну – спроси Коломну. Или Баюна, – меланхолически закончила Лика, смотря, как влетают на площадь и подскакивают к дворцовому крыльцу четверо всадников, двое из которых держали в попоне окровавленного человека.

– Кто это? – живо заинтересовалась Маргарита, перегнувшись через парапет. Всадники спешились и, ухватившись вчетвером за края попоны, поволокли раненого внутрь дворца.

– Это люди Ивана, – спокойно сообщила Лика, следившая вместе с Маргаритой за происходящим. – Видимо, они караулили Исток и что-то случилось.

Маргарита испуганно взглянула на Лику. Она успела заметить и оценить рану – так повредить колено можно было только перебив его. Что-то случилось… Понятно, что кто-то подстрелил дозорного. Но кто?

– Лика, пойдём со мной, пожалуйста, – попросила Маргарита изменившимся голосом. Она взяла Лику за руку и по-

волокла за собой с балкона.

– Куда ты меня тащишь? – недовольно спросила Лика, не особо, впрочем, сопротивляясь.

– Быстрее, быстрее! – Маргарита поторапливала Лику, переходя порой на бег. – Куда они понесли раненого, знаешь?

– В лечебницу, наверное, – Лика запыхалась, бегать ей явно приходилось не часто. – Или… прямо к Марье… в кабинет…

– Да, давай, сначала в кабинет заглянем, – согласилась Маргарита, стараясь идти быстрее и всё же не отпускать от себя Лику.

Зачем ей Лика, она и сама не очень понимала. Чувствовала лишь, что если случится очередной скандал, ей будет хоть немного, но спокойнее рядом с царевной. Лика была пока что единственным человеком, кто не проявлял к ней здесь открытой или скрытой враждебности, и Маргарита инстинктивно тянулась к ней.

Они ещё только подбегали к кабинету царицы, но уже знали, что угадали верно. Дверь была распахнута, из кабинета доносились стоны и громкие голоса. Маргарита ворвалась первой и сразу же заметила на кушетке раненого дозорного.

Правая штанина у него была разорвана, и от вида разбитого в клочья колена Маргариту слегка замутило. Дозорный лежал, закрыв глаза и сцепив зубы, весь в испарине, стараясь изо всех сил держаться, чтобы не орать от боли.

Около раненого, опустившись на колени и внимательно

осматривая разбитую ногу, стояла Марья. У стола переминался Коломна и бросал встревоженные взгляды то на царицу, то на царевича.

– Дозорные, мать вашу! – цедил Иван с плохо скрываемым бешенством. – Задрыхли, небось, все, одного Прошку оставили караулить!

– Да кто ж знал, царевич! – виновато бубнил один из дозорных. – Может, он вообще не из озера, а какой-нибудь тать коневой? Прохор не говорил, что он из озера. А, Прохор?

Прохор, не открывая глаз, помотал с усилием головой.

– Ну вот, – обрадовался его товарищ. – Кабы это был наш гость, его бы водой выкинуло, мы бы его и приняли, пока он без чувств. А так…

– Закрой рот! – холодно приказал царевич. – По-твоему, местные тати будут разбивать царские дозоры? Ты это мне хочешь сказать, Тимофей?!

– Нет, я… я не… – опять потерялся Тимофей. – Я просто…

Царица, не оборачиваясь, подняла руку, призывая всех умолкнуть. В наступившей тишине Маргарита слышала дыхание Лики, вставшей у неё за плечом, и хриплые стоны раненого. Замерев, она смотрела, как царица, сосредоточенно нахмурившись, распрямляет правую ладонь над разбитым коленом, держит её пару секунд, и…

Маргарита от неожиданности охнула и отшатнулась, едва не упав. Из развороченного колена в руку царицы выскочила

застрявшая в ране пуля. Раненый дёрнулся, вскрикнул и снова затих. Царица переложила пулю в левую руку, опять распрямила ладонь над раной, и Маргарита с изумлением смотрела, как срастаются разбитые кости, мышцы, сухожилия, затягивается кожа и смывается кровь. Через пять секунд колено дозорного было целым и невредимым.

Прохор выдохнул с облегчением, открыл глаза, согнул и разогнул ногу. Сел на кушетке, спустив ноги, посмотрел на царицу.

– Спасибо, государыня! Думал уж, конец мне, ногу потеряю…

Марья жестом остановила его.

– Так, сегодня тебе поменьше ходить, так что вы, – она повернулась к стоящим дозорным, – забирайте Прохора – и в казармы.

Дозорные резво подхватили товарища, не слушая его возражений, что он сам дойдёт, и быстро покинули кабинет, ёжась от холодного взгляда царевича, не предвещавшего ничего хорошего.

Царица протянула пулю Ивану.

– Это не из наших, – спокойно произнесла она. – У нас такие ещё не делают. Даже в Вестлане. Это гость с их стороны.

Она в упор взглянула на Маргариту. Царевич посмотрел пулю на свет, подкинул в руке и тоже недобро уставился на неё. Теперь на Маргариту смотрели все, даже Лика.

Маргарита растерянно молчала, не зная, что сказать. Пуля

была их, тут без вариантов. И это значит… это значит…

– Значит ли это, что ваш напарник нарушил договоренности? – царица не столько спрашивала, сколько констатировала.

– Чёрт, чёрт, чёрт, чёрт! – Маргарита запустила пальцы в волосы, ошалело покрутила головой. – Чёрт, Никита, что ж вы там натворили?! Нам же теперь здесь полный трындец!

* * *

Вот теперь Маргарита испугалась по-настоящему. Мало того, что Никита запорол их последний (ладно, предпоследний) шанс на возвращение, так ещё и выставил её бессовестной лгуньей. Она же клялась царице, что напарник появится на третий день и только ради Обмена; она согласилась задержаться здесь, лишь бы Костя вернулся обратно. А теперь получается, что и Костя никуда не вернётся, и Никита здесь явно не с мирными целями, и ей самой больше нет никакого доверия.

Маргарита плохо понимала, что происходило дальше. Что-то обсуждали царица с Коломной, куда-то вышел царевич. Её саму из кабинета вытянула за руку Лика, но далеко увести не смогла. Маргарита села на ступеньках первой же лестницы и, опять запустив пальцы в волосы, принялась размышлять. Лика пыталась её поднять, куда-то увести, но в конце концов сдалась и села рядом.

Мимо сновали слуги, гонцы, вооружённые люди. Пару раз проносился Баюн. Маргарита не обращала внимания и почти никого не замечала, пытаясь понять, что произошло и что задумал Савостьянов.

Да нет, это не Савостьянов. Не пошёл бы Никита на такое самостоятельно, не посоветовавшись и не получив одобрение у начальства. Шмидт был в курсе, это определённо. Скорее всего, он и послал Никиту сюда. Но зачем?

Очевидно, их насторожило то, что не вернулся Костя. Бессмертный же говорил, что мальчик вернётся в обмен на ушедшего, а он не вернулся, и Шмидт…

Стоп! Шмидт тоже не стал бы так рисковать и, очертя голову, отправлять агента неизвестно куда. Он знает про этот мир не больше Никиты, то есть, в сущности, ничего. Зато у него есть тот, кто знает всё. И если Никита пришёл сюда не с целью обмена, значит, с какой-то другой целью. И значит, они заручились поддержкой и подсказками Бессмертного, потому что без этого отправляться в самостоятельный переход по здешнему миру было бы форменным безумием.

Маргарита приободрилась. Раз Бессмертный на нашей стороне – а, видимо, на нашей, у него же свои счёты с царицей – значит, не всё так страшно и безнадёжно, как ей показалось сначала. Наверняка он отправил Никиту за помощью или каким-нибудь волшебством, которое вернёт их всех обратно.

– Слушай, Лика, – вспомнила Маргарита про заскучав-

шую царевну, – а есть ещё какой-нибудь способ перейти в другой мир? Вообще, прецеденты были? Кто-нибудь ещё, кроме Бессмертного, переходил из вашего мира в наш?

Лика укоризненно посмотрела на Маргариту.

– А что посложнее не спросишь? Да откуда же я знаю, Марго! Я тебе Велизарий, что ли, на такие вопросы отвечать?!

– Велизарий? – живо заинтересовалась Маргарита. – А кто это?

– Ну ты даёшь! – Лика посмотрела на Маргариту уже даже не укоризненно, а чуть ли не возмущённо. – Что ты тут делаешь, если вообще ничего не знаешь?!

Маргарита против воли почувствовала стыд. Действительно, попасть в русскую волшебную сказку и ничего про неё не знать – это прям позор какой-то. Костя вон сказки читал, знает тут, наверное, всех вокруг. А она не то что книгу Бессмертного, она даже детские сказки почти не читала и всё перезабыла. В памяти сидело смутное воспоминание о смерти Кощея, которая в какой-то игле, а игла вроде в яйце, а яйцо в утке, а утка в сундуке, а сундук на дереве на каком-то острове. Или на горе – Маргарита не помнила точно. В любом случае сказки она знала из рук вон плохо, а ведь наверняка в них должен быть этот загадочный Велизарий.

– Это старейший маг и прорицатель нашего мира, – пояснила Лика. – Он самый сильный и умный волшебник, у него учились все остальные, включая Кощея. Я думаю, он и под-

сказал, как победить Кощея. Если кто-то что-то и знает про переходы между мирами, то только он.

– А где он? – спросила Маргарита. – Как до него добраться?

– Ну… – Лика вскинула голову, не успев ответить. По лестнице поднимался царевич в полном походном снаряжении с саблей и кинжалом на поясе.

Лика поднялась со ступенек, схватила его за руку.

– Иван, ты куда? – тревожно спросила она.

– Лика! – царевич погладил её по ладони. – Не волнуйся ты так, я только пошлю разъезды на поиски нашего нового гостя.

Маргарита тоже поднялась. Следовало подобного ожидать, конечно, вряд ли царица позволила бы разгуливать очередному, да ещё и вооружённому посланцу брата в своём царстве просто так. Понятно было, что Никиту будут искать.

Но что-то в тоне царевича ей не понравилось. Она не сразу сумела сформулировать свои подозрения, Лика сообразила быстрее.

– «Только пошлёшь разъезды»? – недоверчиво прищурилась она, продолжая держать его за руку. – А зачем так вооружился?

– Лика, может быть ты не заметила, – царевич мягко снял руку сестры со своей, – но я как-никак командующий и оружие мне положено по уставу. Тем более в полевых выездах.

«Логично, – подумала Маргарита. – Чего это я, в самом

деле?»

Лику убедить было труднее. Царевич двинулся по коридору к кабинету Марьи, но Лика не отставала. Маргарита невольно шла за ними.

– Куда тебя Марья посылает? – недовольно ворчала Лика, взяв брата под руку. – Почему тебя? Почему не Елисея или Сашу Ферзя? Ты же начальник, тебе же не нужно в разъездах скакать.

– Да я и не собираюсь, – вяло отбивался Иван.

– Да? А сапоги дорожные зачем? И вот это вот? – она встряхнула кошель на поясе у царевича, в котором явственно забренчали монеты. – Ты же не на один день собрался.

– Обычные меры предосторожности, – Иван подошёл к двери кабинета, высвободил руку. – Лика, мне надо кое-что обсудить с… Коломной. Подожди меня здесь.

– Я с тобой! – решительно заявила Лика. – Я царевна, я тоже имею право.

Маргарита была изрядно ошарашена подобной решительностью, никак не вязавшейся с Ликой, какой она успела узнать за последние часы.

«Это она за брата так беспокоится? – думала Маргарита, заходя в кабинет без спроса вслед за Иваном и Ликой. – Или ещё чего-то?»

Марья с Коломной склонились над столом, изучая какую-то карту. На углу карты, придерживая, чтобы не загибался, сидел Баюн.

– А ты здесь зачем? – Марья недовольно подняла голову на Лику. – Тебя не звали.

– Я имею право присутствовать, – Лика независимо вздёрнула подбородок. – Не бойтесь, мешать не буду. Просто послушаю.

– А она? – Марья холодно кивнула на Маргариту.

– Она со мной, – Лика взяла Маргариту за руку, усадила её рядом с собой на кушетке. – Мы просто послушаем.

– Ну, слушайте, – Марья пожала плечами, повернулась к пасынку. – Что у тебя, Иван?

– Я послал десяток в Ближнюю Рощу, – царевич подошёл к столу, тоже склонился над картой. – Десяток на Изюмский тракт, на Летний Волок и на Южный Обход. Полсотни направил прямиком на Гребень. Послал дозоры в Речные Холмы и на степные заставы. Само собой, удвоил стражу у Истока. Послал сотню прочесать Ополье и ещё сотню в Зарядьевский лес. Думаю, скорее всего, он пойдёт туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.